

Тори

ЯСНЫМ

пламенем

НИКА АМУР

Семь лет назад Борис бросил Веронику с ребенком на руках. Все эти годы от него не было вестей, но теперь он погиб и оставил завешание, в котором упомянул Веронику с сыном. Что же он ей оставил? Деньги, бизнес, а может, кучу проблем? Вероника едет в родной дом Бориса, чтобы это выяснить. Но что ее там ждет... а вдруг любовь?

Глава 1

На кухонном столе лежало письмо. Белый прямоугольник плотной бумаги отчетливо выделялся на фоне голубой скатерти. Чья-то рука размашисто вывела в строке «Кому» ее имя. Вероника в сотый раз подряд перечитала его. Никакой ошибки. К тому же адрес верный. Вот название ее улицы, номер квартиры, где она проживает последние десять лет. Одна беда: имя и фамилия отправителя ни о чем ей не говорят.

— Кто такой этот Виктор Анатольевич? — спросила Ирка и тут же предположила: — бывший любовник?

— Нет, я бы запомнила. В конце концов, не так уж много их было, — с затаенной печалью призналась она.

Своих ухажеров Вероника могла сосчитать при помощи одной руки. Еще бы и свободные пальцы остались. Не то чтобы она завидовала барышням, пользующимся успехом у мужчин, просто устала от одиночества. Она мечтала о стабильности. В отношениях с противоположным полом в том числе. Но ей как назло попадались все больше ветреные и непостоянные.

За окном кухни, где сидели молодые женщины, сгустились сумерки. Единственный источник света — настольная лампа — был направлен на конверт, освещая его как партизана на допросе. Не меньше часа они гипнотизировали его, но ясности это не принесло.

— Вот уж не думала, что в наш век Интернета и сотовой связи кто-то еще посылает письма. Куда проще отправить смс, — Ирка решительно отодвинула от себя чашку с остывшим чаем и потянулась за конвертом. — Давай прочтем, что ли.

— Подожди, — Вероника оттолкнула руку подруги и отобрала письмо.

Ей совсем не хотелось распечатывать злосчастный конверт. С того момента как она достала его из почтового ящика, ее не покидала тревога. Словно стоит открыть конверт, и зло вырвется на свободу. И она тянула, откладывая неизбежное.

Она отчетливо помнила, как его обнаружила. Как повернулся в замке маленький ключик, и скрипнула дверца почтового ящика. Она думала найти внутри привычные счета, и мысленно прикидывала, как выкроить деньги на их оплату. Покупку новых ботинок для Мити придется отложить. Старые ему впрытук, но что поделать. А тут вдруг оно — письмо. И конверт официальный, с печатью. Сразу настраивает на серьезный лад. Главное — не от кого ей письма получать. Нет у нее никого кроме сына Мити.

— Не дури, — вернула на землю Ирина — главбух фирмы, где работала Вероника, и по совместительству лучшая подруга. — Едва ли кто-то прислал тебе сибирскую язву в письме или спрятал там бомбу. Ты же не тайный агент Пентагона. Или я чего-то о тебе не знаю?

— Все ты знаешь, — вздохнула Вероника. Ее размеренное существование было небогато на тайны: родилась, выросла, окончила институт, работает бухгалтером, воспитывает сына. Вся жизнь окрашена в мышинные тона. Того и гляди запищишь.

— Дай сюда! — не выдержав, потребовала Ирка.

Ее звонкий голос прокатился по квартире. Из-за стены послышалась возня и сонное бормотание. Подруги замерли, напрягая слух.

— Проснулся? — одними губами спросила Ирка.

Вероника несколько секунд вслушивалась в шумы из соседней комнаты, прежде чем ответить:

— Вроде нет.

— Гони письмо, — шепотом приказала Ирка. Выхватив из рук у зазевавшейся хозяйки конверт, она спрятала его за спину. — Если не хочешь открывать, выбросим его и дело с концом.

Вероника задумалась. Выбросить проще всего, но предательская мыслишка «а вдруг там что-то важное» не давала решиться на этот шаг.

— Ну, раз не хочешь выбрасывать, тогда вскрываем, — сделала Ира вывод из ее молчания и одним ловким движением надорвала конверт.

Вероника ахнула. Что бы ни таило содержимое конверта, она только что впустила это в свою жизнь.

— Что там? — дрожащим голосом поинтересовалась она у подруги, но та не торопилась с ответом. Не реагируя на вопросы, она пробежала строки письма взглядом. Пару раз Ира хмыкнула, один присвистнула и, дочитав, поглядела на Веронику из-под приподнятых бровей, словно оценивая ее, одновременно что-то прикидывая в уме.

— Как, говоришь, звали папку твоего пацана? — Ирка потянулась за чайником и подлила себе в чашку кипятка. Письмо она положила поближе к себе так, чтобы Вероника до него не добралась.

Опешив от столь неожиданного вопроса, Вероника спросила:

— Тебе это зачем?

— Не хочу тебя огорчать, но он, кажется, помер.

Только после этих слов Ирка, наконец, отдала письмо. Вероника жадно его прочитала. Информации было минимум. Официальным тоном в письме сообщалось, что Борис Леопольдович Северин скончался неделю назад. В связи с его смертью Веронике приглашали в нотариальную контору (адрес прилагался) для беседы.

Она покрутила лист. Убедилась, что с другой стороны ничего нет. Сравнила печать на конверте и в письме — совпадает. Понюхала бумагу. Пахло опилками. Но ничего из этого не помогло понять, зачем ее вызывают.

— О чем нам беседовать? — недоумевала Вероника.

Бориса она не видела давно. С тех пор, как родился Митя. Отношений они не поддерживали, и о судьбе своего бывшего Вероника ничего не знала.

— Любопытно, отчего он умер? — Ирка яростно размешивала сахар, стуча ложкой о края чашки. В такт ударам позвякивали многочисленные браслеты на запястьях. — Молодой ведь еще.

— Тридцать пять лет, — Вероника автоматически подсчитала, сколько Борису исполнилось в этом году.

— Может, его убили? — глаза Ирки недобро блеснули. Она обожала детективные истории, читала их запоем, а потому любой намек на преступление воспринимала как возможность интересного приключения.

— Надеюсь, что нет, — в отличие от подруги Вероника предпочитала держаться подальше от авантюр.

— А подозревают тебя, — но Ира уже не слушала. Ее фантазия галопом неслась вперед. — Тебя будут допрашивать. Ни в коем случае не колись. Если что, я обеспечу тебе алиби. Мы же подруги.

— Какое алиби? Я семь лет с Борисом не виделась. Зачем мне лишать его жизни?

— Мало ли, — пожалала плечами Ирка. — Вдруг он Митьку хотел отобрать? Ты бы отдала?

— Да я бы его убила!

— Вот видишь, — Ира самодовольно улыбнулась, будто следователь, который вывел на чистую воду опасного преступника.

— Но ничего такого он не планировал. Говорю же, Борис ни мной, ни сыном не интересовался.

— Это только твои слова. Я-то тебе, конечно, верю, но полиция другое дело. С ней не забалуешься.

Вероника сперва испугалась, но потом вспомнила: письмо от нотариуса, а не из полицейского участка. Ох уж эта Ирка, совсем ее запутала. Она указала подруге на промах.

— Н-да, — погрустнела та. — Чем у нас нотариусы занимаются?

— Документы заверяют. Помню, я ходила к одному, когда квартиру получала. Еще оформляют доверенности, завещания там всякие...

— Стоп, — перебила ее Ирка. — Ты что-то сказала про завещание?

— Это не наш случай, — отмахнулась Вероника. — Борис как пришел ко мне с одной-единственной сумкой, так и ушел с ней. У него даже приличного костюма не было. Что ему завещать?

— А вот завтра и узнаем, — заявила подруга. — Я тебя с работы пораньше отпущу, пойдешь к нотариусу. Только потом обязательно мне позвони и все в подробностях расскажи.

* * *

Зеркальные двери лифта практически закрылись, но в последнюю секунду в кабину протиснулась Ирка, на ходу наматывая газовый шарфик поверх ожерелья из янтаря. На обоих запястьях Ирки позвякивало около десятка разноцветных браслетов, пальцы были увешены кольцами. Издали она походила на елку, наряженную людьми с абсолютно разными вкусами.

— Фух, еле успела. Что это у тебя? — Ира кивнула на стопку бумаг, которые Вероника прижимала к себе.

— Задание на дом, — мрачно отвела она.

Ирка понимающе покачала головой. Их общий начальник славился умением усложнять жизнь сотрудникам.

— Ты была у нотариуса? — поинтересовалась Ира.

Вероника кивнула. Рабочий день выдался напряженным. Не было времени обсудить ситуацию с письмом.

— И что он сказал? — Ирка буквально впилась в нее взглядом. — Ну, не томи.

— Сказал, что мне надо в понедельник съездить в одно место.

— Зачем?

— Там будет оглашено завещание Бориса.

— А сразу он тебе его огласить не мог? — возмутилась Ирка.

— Это не по правилам. При оглашении должны присутствовать все наследники.

— Все это кто? Я думала, у него никого не было. Или он женился и наплодил кучу маленьких Борисиков?

— Вряд ли. Нотариус упомянул только маму, с которой он жил.

— Как это мило, — по Иркиному лицу нетрудно было догадаться, как она на самом деле относится к проживанию взрослого мужчины с мамой. — Значит, у тебя не так уж много конкурентов.

— Ты о чем? — не поняла Вероника.

— О наследстве. О чем же еще?

— Не поеду я ни за каким наследством. Тем более это пригород. У меня дел полно, — она похлопала по бумагам. — Понедельник не за горами.

— У тебя отгул, — мигом отреагировала Ирка.

— С чего вдруг?

— С того что я так сказала. Чтобы в понедельник духу твоего на работе не было. Увижу, выгоню с позором.

Лифт остановился, двери открылись. Прежде чем выйти, Ира выхватила из рук растерянной Вероники документы, заявив на прощание:

— С этим я сама разберусь.

У Вероники не было шанса возразить: лифт двинулся в путь к минус первому этажу. Она встретилась взором с собственным отражением в зеркальных дверях и вздохнула. Вид у нее был усталый. Последний месяц работала на износ. Под глазами залегли круги, каштановые волосы потускнели. Всему виной весенний авитаминоз и нехватка сна. Она дала себе слово в ближайшее время зайти в аптеку, купить витамины. Но в целом Вероника была довольна своей внешностью. Не серая мышка, но и не сногсшибательная красавица. Всего в меру.

Вероника поправила очки в тонкой оправе. Со зрением у нее всегда была беда. Без очков из дома не выйти. Митя говорит: она в них похожа на их классную руководительницу. Училка, одним словом.

Она вышла из лифта на подземную парковку. Направилась к машине – старенькому «Рено» красного цвета. Досталось же ей такое счастье! Нет, автомобиль хороший. Несмотря на возраст, он еще ездит, и это само по себе чудо. И приобрела она его практически даром. Одна беда – цвет. Вероника не любила привлекать к себе лишнее внимание, а красный не назовешь неброским.

С работы она поехала напрямик за сыном в школу. Забирая Митю с продленки, она выслушала возмущенную учительницу. Третье опоздание за неделю! Вероника извинялась, уверяла, что это не повторится, хотя в глубине души знала: ничего не изменится. Сына совершенно не с кем оставить. Не одному же ему дома сидеть. Для этого он слишком мал.

По дороге они зашли в «Баскин Роббинс», поесть мороженого. Митя обожал вафельные рожки. Они присели за узкий столик друг напротив друга. Вероника с улыбкой следила за тем, как сын жадно поедает мороженое. Темные кудри мальчика разметались в беспорядке. Сколько она ни старалась, не могла справиться с непослушными волосами. Только они и достались Митьке в наследство от папы.

— Посмотри, ты весь чумазый, — она взяла салфетку и вытерла ему щеки.

— В среду я видел странного дядю.

— А почему говоришь об этом только сейчас?

— Я сказал Ларисе Викторовне, а она велела сказать тебе. Купи ей в следующий раз коробку конфет, — переключился он на другую тему.

Вероника нахмурилась, вспоминая, кто такая Лариса Викторовна. Митя пояснил:

— Она продленку ведет.

Совсем заработалась. Даже имя учительницы запомнить не в состоянии. Прав Митька: надо ей конфеты подарить. Она потрепала сына по голове. Умен не по годам.

— Обязательно куплю, — пообещала Вероника. — Расскажи лучше, что это был за дядя? Он с тобой говорил?

— Не-а, — Митя облизнул липкие пальцы. — Просто стоял и смотрел. Грустный такой. Жалко его.

— Ты его только одни раз видел?

— Ага, больше он не приходил.

— Будем надеяться, что и не придет.

Дома Вероника заварила зеленый чай с добавками из лепестков роз. Уселась с кружкой за стол и достала письмо нотариуса. За последние сутки она перечитала его раз двадцать. При желании она могла пересказать содержимое письма наизусть.

Вероника осторожно сложила письмо по линии сгиба. Борис умер. Она знала его молодым, полным сил и энергии. Он не был идеальным спутником жизни. Бросил ее с ребенком, так и не объяснив причин, но она никогда не желала ему зла.

Новость о его смерти ее расстроила, а известие о завещании – взволновало. Неужели Борис вспомнил о сыне и решил исполнить свой отцовский долг хотя бы так?

Может, Ира права и надо поехать на оглашение завещания...

За окном автомобиля мелькали деревья. По большей части березы. Иногда попадались сосны: длинные чешуйчатые стволы лишь сверху прикрытые куцей зеленью. Дорога вилась, как локон красавицы. Вероника сбросила скорость, посмотрела в зеркало заднего вида на спящего сына. Они рано встали, пусть досыпает.

Чем дальше они отъезжали от столицы, тем меньше попадалось встречных машин, но трасса не выглядела запущенной. Вероника морально подготовилась к колдобинам и рытвинам, а вместо этого ехала по тщательно заасфальтированной трассе. Ни единой ямы. Слово она держит путь ни в богом забытый городок на окраине области, а в престижный коттеджный поселок.

Совершая очередной поворот, она подумала о Борисе. Нотариус рассказал, как он умер. До сих пор не укладывалось в голове: отец ее ребенка покончил с собой.

Они провели вместе два года. Это была чудесная пора. Но вопреки ее ожиданиям Борис не обрадовался, когда она сообщила, что беременна. Более того он настаивал на аборте, но Вероника была непреклонна.

Лишь узнав, что она ждет сына, Борис сдался. В его взгляде и жестах появилась безысходность. А незадолго до рождения ребенка он исчез из ее жизни. Неожиданно и навсегда. Просто однажды не вернулся домой.

Прислал смс: «Нам лучше расстаться». Лучше для кого? Она решила, он испугался ответственности. Ей ли не знать, как это бывает. Ее мать поступила точно также: отказалась от нее в роддоме. Вероника поклялась себе, что никогда не бросит своего ребенка. Слово она сдержала и растила Митю одна.

С Борисом они не расписывались, но она привыкла считать его едва ли не самым близким человеком. За исключением Ирки, с которой она познакомилась позже, у нее больше никого не было.

«Ты не хочешь привязываться к людям. Боишься, что тебя снова бросят», — однажды заявила подруга. Умом Вероника понимала, что она права, но ничего не могла поделать с этим страхом. Он засел в ней слишком глубоко. Иногда казалось, что она и есть этот страх. Убери его, и ее личность потеряет целостность.

Вероника скрывала от Иры, как умер Борис. Прыгнул под электричку, словно он – Анна Каренина.

Рассказать подобное как прополоскать грязное белье у всех на виду. Неизвестно, что толкнуло Бориса на подобный шаг, но Вероника была убеждена: он не хотел, чтобы это обсуждали.

После разговора с нотариусом Вероника проплакала полночи. Зачем он это сделал? Убил себя. Для этого нужна смелость. У Бориса ее никогда не было.

Не меньше Веронику поразил намек нотариуса на богатое наследство. Контора была из элитных. Юристы как на подбор – в дорогих костюмах. Секретарша предложила кофе. А потом эта новость: Борис владел немалым состоянием.

В те годы, что они провели вместе, у него ничего не было. Они жили в ее квартире, на скромную зарплату менеджера. Вероника подрабатывала официанткой, пока училась в институте. Откуда взяться деньгам? Заработал за семь лет? Верилось с трудом. Не помнила она в Борисе предпринимательской жилки.

Огласить завещание должны были по месту прописки Бориса. Как выяснилось, последние годы он провел в небольшом городке. От столицы часа два езды. Поначалу Вероника не собиралась ехать, но Ирка уговорила. Она не успокоилась после беседы в лифте, позвонив вечером в воскресенье:

— Подумай сама, вдруг у него несметные богатства, а ты отказываешься.

— Зная Бориса, я уверена, что мне он завещал свою детскую коллекцию марок. На большее нечего и рассчитывать.

— Между прочим, марки тоже бывают ох какими дорогими, — возразила подруга. — За квартирой я пригляжу. А там, может статься, ты вернешься обеспеченной дамой, и плевать тебе будет на работу.

В ответ Вероника рассмеялась. Она давно оставила наивные мечты о внезапном обогащении. Даже лотерейные билеты не покупала. Но посеянные Иркой семена дали всходы. «А что если?» – извечный вопрос. Он способен лишить сна.

Вероника взяла отпуск на неделю по семейным обстоятельствам и теперь держала путь в родной город Бориса.

Прежде чем выехать она навела справки о бывшем. Она думала, что хорошо его знает. Борис – открытая книга, которую она прочла от корки до корки. Как же она ошибалась!

Нотариус рассказал, что Борис жил с мамой в то время, как Вероника считала его сиротой. Правда, отца у него действительно не было. Какая-то трагическая смерть. Вероника так до конца и не поняла, в чем там было дело.

На обочине показался дорожный знак с названием города. Черные буквы на белом фоне. Строго и лаконично, никаких изысков. При виде знака Веронике стало не по себе, точно она въезжала на вражескую территорию. Под ложечкой тревожно засосало.

Из кармана куртки она вытащила записку с адресом: Вечнозеленая улица, десять. Еще у нотариуса ее насторожило отсутствие номера квартиры. Неужели Борис жил в доме? В такое не поверишь, пока не увидишь собственными глазами.

Заворочался Митя. Весеннее солнце сквозь стекло припекло ему щеку.

— Потерпи немного, — пробормотала Вероника. — Почти приехали.

Она остановилась у тротуара, спросить дорогу. Молодая женщина с коляской охотно указала путь, а потом еще долго глядела вслед машине. Вероника списала ее повышенный интерес на замкнутости города. Он производил впечатление одного из тех мест, где жители знают друг друга в лицо. Тихий, провинциальный. Наверняка главное развлечение местных – сплетни. Ее визит даст пищу разговорам на неделю вперед.

Улицы походили на уютные скверы. На ветвях деревьев щебетали птицы. Вероника приоткрыла окно, наслаждаясь их пересвистом. На рассвете тут, должно быть, поют соловьи. Она всегда завидовала людям, живущим на природе. Вдыхать чистый воздух куда приятнее загазованного.

Пятиэтажные дома по сторонам дороги закончились. Им на смену пришли частные домики. Избушки, сошедшие со страниц русских былин про Илью Муромца. Большинство из них пряталось за забором из досок. Сторожевые псы надежно охраняли калитки. На каждой второй висел знак «Осторожно злая собака». Но вскоре и частные дома подошли к концу. Дальше дорога пролегла через колхозное поле.

От черной земли, с которой не так давно сошел снег, веяло сыростью, и Вероника прикрыла стекло. Не хватало еще заболеть. Нет хуже весенней простуды. На горизонте высился лес. Даже с расстояния он казался мрачным. Настоящая чащоба. В таком ничего не стоит заблудиться.

Кажется, городок закончился. Она, наверное, свернула в неправильном месте и уже подумывала вернуться, когда заметила крышу дома. Вероника приподнялась на сидении, вытянула шею. «Рено» преодолел небольшую горку, и ей открылся вид на дом.

Он был больше, чем она ожидала. Нечета тем избам, что попадались по дороге. Два этажа плюс чердак. Шпилы протыкает облака. Да и в ширину не маленький. Но какой-то неоднородный, что ли.

Похоже, дом строили несколько поколений. Каждый вносил что-то свое, а в итоге получилось нагромождение пристроек и смешивание стилей. Дом не походил ни на терем из сказок, ни на коттедж зажиточных горожан, ни на русскую избу. В нем было всего понемногу, как если бы его сложили из детских кубиков от разных наборов.

Высокие готические окна плохо вязались с резными старорусскими ставнями. Стены из красного кирпича не смотрелись с деревянным крыльцом. А флажок в виде петуха выглядел пришельцем из другого мира рядом с хромированной крышей.

К дому вела широкая заасфальтированная колея, точно красная ковровая дорожка. Вероника снизила скорость до тридцати километров в час. По мере приближения к дому она все сильнее нервничала. Он словно гигантский гриб после радиоактивного дождя вырос перед ней, а чуть погода уже над ней и так до тех пор, пока окончательно не заслонил солнечный свет.

В его тени она чувствовала себя некомфортно. Мороз пробирал до костей, будто вернулась зимняя стужа. Вероника стиснула зубы, чтобы они не стучали. Не ясно, чем был вызван их перестук: страхом или холодом.

«Рено» притормозил неподалеку от входа, но Вероника осталась в салоне. Она оценила себя в зеркале. Серые глаза смотрели испугано. Натянутая улыбка не спасала положение.

Вероника перегнулась назад и ласково погладила Митю по согретой солнцем щеке:

— Пора вставать, малыш. Мы на месте.

Мальчик зевнул и потянулся.

— Ого! Вот это дом. Мы будем здесь жить?

— Надеюсь, что нет, — покачала она головой. — Дом похож на монстра.

— Разве монстры всегда злые? — Митя первым покинул салон. — Нас в школе учили, что некрасивые тоже бывают добрыми. Главное, что внутри, а не снаружи.

— Не уверена, что внутри он симпатичнее, — Вероника закрыла машину, взяла сына за руку и направилась к двери.

— А мне он нравится, — заявил Митя.

— Ты у нас любишь все необычное, да?

— Давай, останемся тут наподольше, — попросил он, заглядывая ей в лицо.

— Посмотрим.

Она не стала разочаровывать его и говорить, что при первой возможности они сбегут отсюда.

— А кто там живет? — спросил Митя, поднимаясь по ступеням крыльца.

— Твоя бабушка.

Он озадаченно нахмурился. Вероника потянула его за руку, выводя из ступора. Понятие «бабушка» было для Мити мифическим, и она отлично понимала его чувства. С рождения мальчик привык, что у него есть только мама. А тут вдруг бабушка! Вероника сама еще не смирилась с мыслью, что они больше не одиноки в этом мире.

Круглая кнопка звонка таранилась на нее из стены. Заставить себя нажать на нее было не легче, чем альпинисту покорить Эверест. Но Вероника справилась. Она вытянула руку, нацелила указательный палец на звонок и надавила что есть силы. После этого подвига она позволила руке безвольно упасть вдоль туловища.

Толстая дубовая дверь не пропускала звуков. Трудно понять увенчались ее старания успехом или звонок не

работает. Потянулись минуты ожидания. Митя скакал по ступеням крыльца. Игра напоминала классики с препятствиями. Он как раз добрался до нижней ступени, когда лязгнул замок и дверь открылась.

На пороге стояла миловидная женщина примерно одного с Вероникой возраста – лет двадцати восьми. Курчавые волосы были убраны под туго завязанную косынку, но несколько непослушных прядей выбились и повисли у висков. Женщина выглядела неприветливо. Брови сошлись на переносице, образовав по центру лба глубокую морщину.

— Чего надо? – спросила она, не стесняясь ребенка.

— Меня зовут Вероника Одинцова. Я бывшая гражданская жена Бориса.

Вероника рассчитывала, что после этих слов отношение к ней изменится. Она оказалась права. С той лишь разницей, что отношение поменялось не в лучшую, а в еще более худшую сторону.

Женщина скривила губы, как если бы вступила в коровью лепешку, и процедила:

— Проходите.

Приглашение прозвучало так, словно она намеривалась сказать «пошла вон», но в последнюю секунду передумала.

— Спасибо, — неуверенно поблагодарила Вероника. Меньше всего ей хотелось ссориться. Едва ли эта женщина мать Бориса. Чересчур молода. Но она может быть его женой. Это могло объяснить ее неприязнь.

Сжимая в руке ладошку сына, Вероника переступила порог и потрясенно застыла. Холл был забит мебелью. Сбоку от входа высилась горка с посудой, в углу стояли вешалка и банкетка с потертой обивкой, чуть поодаль комод и небольшой столик для писем.

Мебель была старой в худшем смысле этого слова. Она не имела никакого отношения к антиквариату. Просто изнасилась. Ворс ковра был богат на проплешины. Края деревянного стола точно погрыз бобер.

Вероника крепко держала Митю, который то и дело порывался высвободиться. Уж она-то знала: стоит отпустить его, и он пронесется по холлу подобно урагану. Вечно ему необходимо все потрогать, пощупать, чуть ли не попробовать на зуб.

Учительница Мити как-то сказала: «Ваш ребенок познает мир через тактильные ощущения». Вероника ничего не имела против. Только бы он не покалечился. А тут на каждом шагу поджидала опасность. Вон вешалка едва стоит. Не подпирай ее банкетка, давно бы рухнула.

— Стой смирно, — одернула она сына.

Вероника была из числа тех мам, кто предпочитает договариваться с детьми. Поэтому ее столь редкий приказ подействовал на Митю стопроцентно. Он замер, старательно изображая послушание.

Женщина, впустившая их, куда-то пропала. Вероника нервно теребила собачку на молнии куртки: как поступить? Пройти дальше или подождать здесь, пока к ним кто-нибудь выйдет.

Ей до спазмов в желудке хотелось произвести хорошее впечатление на мать Бориса. Она надеялась, они найдут общий язык. В своих фантазиях Вероника вместе со свекровью пили чай на веранде, пока Митя играл во дворе, и вели неспешную беседу о погоде. Полная идиллия. Ей и в голову не приходило, что бабушки бывают иными.

Глава 3

Из противоположной от входа двери появилась женщина. Высокая и статная, с гордо поднятой головой. На вид лет пятидесяти, не больше. Абсолютно седые благородного серебряного оттенка волосы были забраны назад и уложены в строгую прическу. Волосок к волоску.

Она передвигалась, опираясь на трость, позолоченная ручка которой изображала грифона. Его острый клюв был направлен прямо на Веронику. Когтистые лапы вцепились в верхушку трости, хвост обвивал древко. Ладонь женщины уютно лежала между распахнутыми крыльями мифического существа. Дорогая, должно быть, вещь.

Вероника сразу почувствовала: перед ней истинная леди. Подобных ей снимают в фильмах в роли чистокровных дворянок. Когда-то женщина была хороша собой, но и сейчас ее красота не до конца угасла. Она явственно проступала в плавном изгибе шеи, в мерцании голубых глаз, в холеных руках и подтянутой фигуре, подчеркнутой элегантным костюмом.

Вероника невольно подобралась, жалея о том, что не надела лучшее платье. В серой юбке до колен и белой блузке она ощущала себя бедной родственницей, которой, по сути, и являлась.

— Добрый день, милочка, — голос у женщины был под стать внешности: гортанный с хрипотцой. — Надеюсь, дорога вас не сильно измотала.

— Нет, мы быстро добрались, — Вероника поймала себя на том, что говорит, как маленькая девочка. Ни дать, ни взять, провинившаяся ученица, лебезящая перед строгой директрисой.

— Зови меня Светлана Георгиевна.

— А я Вероника.

— Да, да, я в курсе, — рассеянно кивнула женщина. — Борис как-то раз упоминал тебя в разговоре.

Это прозвучало так, словно Борис говорил о ней как о чем-то незначительном, не стоящем внимания.

— О сыне он тоже упоминал?

К этому моменту стало ясно, что ее представления о Митиной бабушке не имеют ничего общего с реальностью. Светлану Георгиевну нельзя было назвать милой старушкой. Вероника отметила ее поразительное сходство с тем самым грифоном, что украшал трость. Они смотрели одинаково пронзительно, с хищническим выражением лица. Идеальный маникюр женщины и тот напоминал когти чудовища.

Светлана Георгиевна обратила внимание на Митю только после слов Вероники. Она осмотрела мальчика с ног до головы, словно определяя его ценность, и заявила:

— Нет, об этом он предпочел умолчать.

«Об этом»? Вероника прикусила язык, чтобы не наговорить лишнего. Еще никто не отзывался в таком тоне о ее сыне. Борис тоже хорош. Можно подумать, рождение Мити великая тайна. Почему он скрывал его от матери?

— Идите за мной, — велела Светлана Георгиевна.

Следуя за свекровью, Вероника пришла к выводу, что Борис поступил верно, не рассказав бабушке о внуке. От подобной дамочки лучше держать подальше. Борис явно не ладил с матерью, а потому разделил свою жизнь невидимой перегородкой. По одну ее сторону были она с Митей, по другую этот дом и его мать. До сегодняшнего дня они не пересекались.

Митя дернул Веронику за руку, и она нагнулась к сыну.

— Она похожа на бабу Ягу, — шепнул он ей на ухо.

— Не говори так, — Вероника испугалась, что его услышат. — Это же твоя бабушка.

Митя с недоверием посмотрел на нее. Для них обоих было неожиданностью вместо доброй бабули встретить мегеру с замашками королевы.

— Нотариус появится с минуты на минуту, — на ходу сказала Светлана Георгиевна. — Он зачитает завещание. Кроме нас нет других заинтересованных лиц.

Они добрались до гостиной, две из четырех стен были с окнами. Те начинались у пола и заканчивались у потолка. Комната буквально купалась в солнечных лучах. При желании можно было разглядеть танцующие в воздухе пылинки.

Свекровь присела на край кресла и сложила руки на коленях. Спина ее оставалась идеально прямой, а лопатки отведенными назад. Поза была столь неестественна, что со стороны чудилось, будто она забыла вынуть плечики из пиджака.

На стеклянном столике перед креслом дымились две чашки чая.

— Угощайтесь, — милостиво предложила Светлана Георгиевна.

Вероника не посмела послушаться. Она расположилась на диване напротив, взяла чашку и пригубила ароматный чай.

— Какой необычный вкус, — заметила она.

— Это мята. Помогает успокоить нервы.

— Хочу пить, — Митя потянулся к чашке Вероники.

— Это не подходящий напиток для ребенка, — Светлана Георгиевна не дала Веронике напоить сына чаем. — Раиса! — крикнула она. Тут же в гостиной появилась женщина в платке. Та самая, что впустила их в дом. — Забери мальчика с собой на кухню. Покорми и напои его.

Вероника с тревогой проводила сына взглядом. В отличие от нее он был спокоен и даже весел. Провести время в замечательном доме вдали от материнского ока это ли не подарок судьбы?

— Я хочу, чтобы мы поняли друг друга, а потому буду говорить без обиняков, — произнесла свекровь, как только Митя вышел. — На твоём приезде настоял нотариус. Мне он не пожелал открыть причину, по которой твоё присутствие столь необходимо. Но я подозреваю, что дело в завещании.

— Мне ничего не нужно от Бориса, — вставила Вероника. — Мы не виделись семь лет. Не считая Мити, у нас нет ничего общего.

— Хочется верить, что ты говоришь искренне. Потому что я не отдам тебе ни копейки. Все, что нас окружает, принадлежало моему мужу, до этого его отцу. Борис в своей жизни ничего не заработал. Он был трупнем. Мне как матери тяжело это признавать, но я вырастила совершенно бесполезное существо.

Она сказала это с досадой, стыдясь сына.

— Он был мечтателем, — Вероника улыбнулась, вспомнив Бориса. С ним ей никогда не было скучно, но при всем желании она не скажет, чего он хотел от жизни.

Два года они прожили в одной квартире, спали в одной постели, а она не в курсе, какие у него были планы. А были ли они у него? Вероника не могла припомнить, чтобы Борис заговаривал о будущем. Он словно знал, что для него нет будущего, но это не мешало ему радоваться сегодняшнему дню так, будто он последней.

— Мечтатель — это не профессия, — отрезвила ее Светлана Георгиевна. — С его потенциалом он мог добиться

всего чего бы пожелал, но вместо этого он влачил жалкое существование бездельника.

— Как все случилось? — шепотом спросила Вероника.

— Он бросился под электричку, — пожал плечами свекровь. На ее лице не дрогнул ни единый мускул. Его словно высекли из куска скальной породы: никаких эмоций.

— Это ужасно.

— Смерть была мгновенной. Он не мучился.

Последними словами женщина, вероятно, пыталась успокоить себя. Веронике почудилось, что где-то глубоко под маской равнодушия прячется скорбящее материнское сердце. Или это разыгралось ее воображение?

В гостиную вошел пожилой мужчина. Он суетливо протирал лысину платком, то и дело кивая. Вероника узнала нотариуса. Она подивилась про себя, что такой важный человек не поленился проделать длинный путь, чтобы зачитать завещание неудачника.

— Здрасьте, здрастье. Я немного опоздал.

— Не страшно, — махнула рукой Вероника.

— Непунктуальность — признак дурного тона, — отчеканила Светлана Георгиевна. — В вашей профессии, Виктор Анатольевич, следует быть более внимательным к мелочам.

Нотариус растерянно улыбнулся. Его отчитали, как мальчишку. Вероника поежилась. Несчастный Борис. От жизни с этой железной леди, кто угодно бросится под электричку.

— Путь из столицы неблизкий, — попытался оправдаться Виктор Анатольевич.

— Эта особа успела раньше вас. Или ей знаком короткий маршрут?

Вероника не сразу сообразила: «эта особа» сказано о ней. Словно она не человек, а пришелец. Особь женского пола родом из космоса.

— Ох уж эта молодежь вечно куда-то торопится. В нашем с вами возрасте, Светлана Георгиевна, спешка ни к чему.

Если до этого выражение лица Светланы Георгиевны можно было назвать недружелюбным, то после слов нотариуса оно стало враждебным. Намек на возраст переполнил чашу ее терпения.

— Говорите о себе. Я пока не чувствую себя старухой.

— Ну да, ну да, — мужчина закивал с двойным усердием, напоминая игрушку, что ставят на приборную панель автомобиля — с шатающейся головой.

— Приступайте к делу, — поторопила Светлана Георгиевна. — Что там у вас?

Она указала на портфель нотариуса. Тот, получив команду, полез за бумагами. Вероника наблюдала за тем, как он раскладывает листы на столе, тщательно поправляя стопки. Наконец, результат его удовлетворил. Виктор Анатольевич откашлялся и принялся читать завещание.

Перечисление наследства и юридические формулировки быстро утомили Веронику. Она слушала в пол уха. Куда больше скучных разговоров ее привлекал вид за окном. Там была настоящая весна. За домом начинался газон. Молодая трава едва проклюнулась. Сочную зелень приятно оттеняли цветы мать-мачехи, похожие на яичные желтки. Веронику так и подмигивало оставить свекровь и нотариуса разбираться с завещанием, а самой выйти на улицу и босиком прогуляться по газону. До чего будет приятно!

— Вероника Александровна?

Она вздрогнула. Погруженная в мечты, она не заметила, как ее собеседники перешли к главной теме: кто получит нажитое предками Бориса состояние. Она умудрилась прослушать самое важное.

— Вы что-то сказали? — переспросила Вероника.

— Я вкратце повторю, — нотариус откашлялся. — Мой клиент Борис Северин завещает все свое движимое и недвижимое имущество своему единственному сыну — Дмитрию Одинцову. До совершеннолетия ребенка опекуном над имуществом назначается мать Бориса — Светлана Георгиевна Северина.

— Что? — прошептала Вероника. Голос отказал ей, а сама Вероника превратилась в ось, вокруг которой вращается комната.

— Я сказал...

Начал нотариус, но его перебила Светлана Георгиевна:

— Она все поняла. Дайте ей прийти в себя. Не каждый день на тебя сваливается состояние.

Удивительно, что свекровь заступилась за нее. Но посмотрев на нее, Вероника спустилась с небес на землю. Сказанное было сарказмом чистой воды. Светлана Георгиевна глядела с откровенной ненавистью. Если бы взгляд был способен убить, Вероника упала бы замертво.

— Я не просила об этом, — пробормотала она.

— Конечно же, не просила. Ты ведь не виделась с Борисом семь лет. Так, кажется? И с сыном он не общался. Однако, поди ж ты, оставил ему все, чем испокон веков владеет наша семья. А это, между прочим, даже не им заработано. Хорошо еще ему хватило ума назначить опекуном меня. Рада знать, что хоть до чего-то в своей жалкой

жизни мой сын додумался самостоятельно.

Свекровь встала, сказав напоследок:

— Прошу меня простить. У меня разболелась голова. Пойду, прилягу.

Вероника и нотариус остались в гостиной одни. Она все никак не могла опомниться. Свалившееся на Митю наследство не казалось таким уж счастьем. Учитывая, что к нему прилагалась Светлана Георгиевна, это был еще тот подарок.

Вероника едва познакомилась с бабушкой сына, но уже видела: им ни за что не поладить. Подобных ей надо избегать, а при случайной встрече переходить на другую сторону улицы. И вот Борис своим завещанием связал их жизни воедино раз и навсегда. Ему повезло, что он умер, иначе она бы его придушила!

— Не переживайте, — подбодрил ее Виктор Анатольевич. — Все образуется. Я уже сорок лет, как веду дела этой семьи. Светлана Георгиевна не самая приятная личность, но она справедливая женщина. Уверен, она не выбросит внука на улицу.

Нотариус отчески похлопал Веронику по руке. Она ответила вымученной улыбкой на его заботу. Милый старичок хотел ее поддержать. Как ему объяснить, что ей не нужны деньги? Спокойствие дороже. Жили же они с Митей как-то до этого. Проживут и дальше.

— Я могу отказаться от наследства? — поинтересовалась Вероника.

— Что вы такое говорите, — замахал руками нотариус. — Нет, разумеется, нет. Завещание написано не на вас. Решение принимать мальчику. Но пока он не подрастет, ни один суд не будет рассматривать его заявление. Вы не можете лишить ребенка того, что принадлежит ему по праву. Единственный выход действовать через органы опеки и попечительства, но вряд ли они примут вашу сторону.

Вероника понурилась. Борис загнал ее в ловушку. Для широкого жеста его поступок носил сомнительный характер. Впору думать, что таким образом он хотел ей за что-то отомстить. Еще бы знать, в чем ее вина.

Виктор Анатольевич убрал бумаги в портфель и, прежде чем уйти, добавил:

— Я по дороге заезжал в местный полицейский участок. Дело Бориса отдали им. Участковый попросил меня передать вам, чтобы вы зашли к нему. Желательно сегодня.

— Зачем? — в удаляющуюся спину адвоката выкрикнула Вероника.

— Не ручаюсь, что я верно понял, но, кажется, Борис бросился под электричку на ближайшей к вам станции метро.

Глава 4

— Ты не против задержаться здесь? — в четвертый раз спросила Вероника.

Митя кивнул и перебросил через плечо рюкзак с изображением героя его любимого мультфильма «Тачки». Вероника достала из багажника чемодан и заверила:

— Мы ненадолго. Обещаю.

— Мне тут нравится. Тетя Раиса очень добрая, намного лучше бабушки.

— Рада, что тебе нравится Раиса, но дай бабушке шанс. Может, она окажется не такой уж плохой, — Вероника не верила, что хоть одно сердце в состоянии быть равнодушным к ее сыну. К тому же Светлана Георгиевна не чужой им человек. То, что у нее не заладились отношения с сыном, еще не значит, что к внуку она будет относиться также.

— Хорошо, — согласился Митя.

— Так уж вышло, что мы теперь будем часто с ней видеться. Я не хочу, чтобы вы ссорились.

— Я с ней не ссорился. Это она со мной не разговаривает.

— Ты не виноват, — Вероника привычным жестом пригладила сыну волосы. — Ей просто нужно время, чтобы к нам привыкнуть.

— Пусть тогда быстрее привыкает. Она вон какая старая. Может не успеть.

В ответ Вероника рассмеялась и взяла с Мити слова не говорить подобное при бабушке. Но куда больше проблем с бабушкой ее заботил визит в участок. Она собиралась навестить туда сразу после того, как распакует вещи и убедится, что у Мити есть все необходимое.

Светлана Георгиевна великодушно позволила им пожить некоторое время в доме. «Пока дела с принятием наследства не утрясутся», — сказала она. Вид у нее при этом был недовольный. Но, надо отдать ей должное, владела она собой великолепно. Ничто не могло надолго выбить ее из колеи. Когда свекровь спустилась к обеду, выглядела она так, словно разговора с нотариусом не было. Если привычный для нее мир и дал трещину, то по ее лицу об этом невозможно было догадаться.

Веронике и Мите выделили по спальням на втором этаже. Мебель, как и в холле, здесь дышала на ладан. В особенно плачевном состоянии была детская: кровать скрипела, от матраса при каждом прикосновении в воздух поднималась пыль. Митя прыгал на постели, любуясь пыльными облаками, окружающими его подобно туману.

Дошло до того, что он расчихался, и Вероника запретила игру.

В комнате Вероники от запаха нафталина свербело в носу, и она открыла окно, проветрить помещение. Ветер принес со стороны леса аромат хвои. Дышать стало легко и приятно.

Следующие два часа Вероника вытирала пыль, мыла полы и чистила ковры. По-хорошему ковры надо было выбить, но в одиночку она бы не дотащила этих мастодонтов даже до лестницы, а помощи попросить не у кого.

Раиса при первом удобном случае заявила, что она не служанка и никому ничем не обязана. Но и без нее Вероника отлично справилась. Комнаты засияли чистотой: никакой паутины на люстрах, липких пятен на полу, мусора на ковре или кругов от чашек на тумбах. Здесь снова можно было жить. Только шторы – гигантские пылесборники – немного портили впечатление.

Вероника устала после уборки, но визит в участок не отложила. Выяснив дорогу все у той же Раисы – неиссякаемого источника информации, она оставила Митю на ее попечение (по крайней мере, с ребенком та охотно занималась).

По дороге Вероника думала о том, что привело Бориса на их станцию метро. Была ли эта случайность или он намеренно покончил с собой в непосредственной близости от них с Митей?

Когда они познакомились с Борисом, ей было девятнадцать, ему – двадцать шесть, но по развитию он не далеко от нее ушел. Трудно представить, как он изменился за прошедшие годы. И в том числе внутренне. Даже живя с ним, Вероника не могла похвастаться, что в курсе всех его секретов. Что уж говорить о нынешних тайнах.

Почему Борис решил, что жизнь не стоит того, чтобы ее продолжать? Почему не пришел к ней? Возможно, она смогла бы помочь. На глазах выступили слезы. Вероника смахнула их ладонью и приказала себе собраться. Не хватало еще заявиться в участок зареванной.

Местное отделение полиции располагалось в одноэтажном здании. Вероника толкнула синюю дверь и обратилась к дежурному. Он ее проводил в отдельный кабинет.

В кабинете царил стерильная чистота. После дома Бориса она показалась невероятной. Стол полицейского сиял полиролем. Линолеум выглядел так, словно по нему никогда не ступала нога человека. Стекла в окнах кто-то столь тщательно отдраил, что с первого взгляда чудилось, будто рамы пустуют. Вероника с детства была равнодушна к порядку, а потому еще до знакомства почувствовала расположение к хозяину кабинета.

Ждать пришлось недолго. Дверь открылась, и в комнату вошел высокий мужчина лет тридцати с небольшим. Синий цвет формы удивительно шел к голубым глазам. Веронике прежде не доводилось видеть такого насыщенного цвета глаз. Они будто впитали оттенок ткани и сделались ярче.

Обладатель неземных глаз, вероятно, много времени проводил на свежем воздухе. За это говорил темный не по сезону загар. Копна светлых волос на пару с широкой улыбкой довершали портрет. Этому широкоплечему красавцу следовало играть в американском фильме какого-нибудь очередного спасителя человечества вместо того, чтобы терять время в маленьком городке.

— Спасибо, что нашли время заглянуть. Владимир, — мужчина протянул руку.

Они обменялись ничего не значащими фразами, после которых он заявил:

— Официально дело считается закрытым. Причина смерти – самоубийство. Расследовать тут особо нечего, но Светлана Георгиевна лично попросила меня разобраться в некоторых деталях. И я не смог отказать. Я это говорю для того, чтобы вы знали: наша беседа неофициальна.

С каждой минутой, проведенной в компании Владимира, симпатия Вероники к нему росла. Будучи занятым человеком, он согласился помочь несчастной матери, хотя сам явно не верил в успех. Какое благородство!

К тому моменту, когда Владимир перешел непосредственно к допросу, Вероника всей душой жаждала помочь ему разобраться в этом деле.

— Вероника Александровна, скажите, пожалуйста, когда вы в последний раз видели Бориса Северина? – Владимир открыл протокол и приготовился вписать ответ.

— Около семи лет назад.

— Так давно, — поразился полицейский. — И он помнил о вас все это время?

— Мы не поддерживали связь. С тех пор как он меня бросил, я ничего не знала о его жизни.

— Вы утверждаете, что Борис накануне смерти не общался с вами, — уточнил Владимир, пристально глядя в Веронику, точно собирался уличить ее во лжи.

— Утверждаю, — кивнула она. — Мы даже не созванивались. Понятия не имею, что он делал возле моего дома. Может это совпадение?

— Вряд ли. По нашим данным у погибшего не было дел в этом районе. Кроме вас его ничего не связывало с станцией, на которой он умер.

— Вот как, — Вероника понятия не имела, что еще сказать, и молча стиснула ручки сумки потными ладонями. Она перестала понимать, что происходит, и это ее нервировало.

— А как насчет вашего сына?

— При чем тут Митя?

— Он общался с отцом? — спросил Владимир.

Он не повышал голос, но ей все равно стало не по себе. Она вдруг заметила, что голубые глаза участкового холодны, как арктическая зима.

— Митя никогда не видел отца.

— Возможно, сын скрывает от вас факт встреч с ним.

— Он бы так не поступил! — возмущилась Вероника. — Между нами нет секретов.

— Вам, конечно, виднее, — согласился полицейский, но тут же добавил: — однако свидетели утверждают, что видели накануне гибели Бориса похожего на него человека у школы вашего сына. Он стоял у входа и как будто кого-то ждал.

Вероника открыла и закрыла рот. До чего душно в кабинете...

Борис перед смертью виделся с Митей? Немыслимо! Вдруг ей вспомнился разговор с сыном в кафе-мороженом. Он говорил про странного дядю, который смотрел на него. Она тогда подумала, что какой-то извращенец ошивается у школы и собиралась поговорить на эту тему с директором. Мог ли это быть Борис?

— Митя об этом не упоминал, — пробормотала Вероника, когда к ней вернулся дар речи. В ней разыгрался страх перед органами правопорядка, что так или иначе дремлет в любом человеке, и она солгала.

— Он мог посчитать это неважным, — предположил Владимир.

— Вы всерьез думаете, что мальчик, который не видел отца с рождения, воспримет встречу с ним, как нечто само собой разумеющееся? — вспыхнула она. Собственная ложь злила. Она не преступница, и уж конечно Митя не виновен в смерти Бориса. Семилетний мальчишка толкнул взрослого мужчину под поезд — смешно! Она больше не считала полицейского очаровательным. Максимум симпатичным.

— Не переживайте, — голос Владимира потеплел. — Есть свидетель, который видел, как Борис сам без посторонней помощи шагнул под колеса.

— Тогда что тут расследовать?

— Его могли довести до самоубийства. Я ничего не утверждаю, но, например, возможен такой вариант. Борис хочет наладить отношения с сыном. Он едет к школе, находит мальчика и представляется ему. Митя, обиженный на отца из-за его долгого отсутствия, резко говорит с ним. Борис потрясен. Он ожидал другого. На эмоциях он решает покончить с собой. Свою задумку он воплощает тут же на ближайшей станции метро.

— Отличная история, — похвалила Вероника. — Вам надо романы писать, а не в полиции работать.

— Вы зря иронизируете. В жизни порой такое случается, нарочно не придумаешь.

— Повторю еще раз: Митя непременно рассказала бы мне, если бы такая встреча состоялась. Мы привыкли всем делиться.

— Хорошо, — кивнул Владимир. — Пусть будет по-вашему. Но вы должны понимать, что я проверю ваши слова.

— Проверяйте, — она пожала плечами. — Мне скрывать нечего.

Полицейский хмыкнул. Ей почудилось недоверие в его усмешке. Вероника списала его на обычную подозрительность всех полицейских. Ему придется изрядно потрудиться, чтобы выяснить видел Митя Бориса в тот день или нет. Но даже если так, что это доказывает? Только то, что перед смертью Борис пожелал взглянуть на сына. При этой мысли сердце Вероники сжалось. Наверное, ему было очень одиноко и страшно.

— Давайте, поговорим о другом, — предложил Владимир.

— С удовольствием, — согласилась она.

Мужчина оттолкнулся ногами от пола и, не вставая с офисного кресла, подъехал к сейфу в углу за его столом. Открыл его и достал оттуда лист бумаги в прозрачной папке. Вернулся назад, положил документ перед Вероникой, сопроводив свои действия приказом:

— Читайте.

Вероника несмело пододвинула листок к себе. Читала, не вынимая его из файла. Текст был написан шариковой ручкой. Буквы скакали, налетая одна на другую. Тот, кто это написал, сильно нервничал. Она напряглась, разбирая почерк, и прочла: «Я все обдумал и решил. Прощайте». К горлу подступил ком. Перед ней лежала предсмертная записка Бориса.

— Переверните лист, — сказал Владимир.

Она на автомате послушалась. Взялась за край файла двумя пальцами и осторожно, словно записка была отравлена, перевернула ее. На другой стороне той же рукой было выведено: «Вера, прости меня. Я боролся, сколько мог. Пришла очередь Димы».

В висках точно отбойные молотки застучали. Это кровь хлынула к голове. Вера — так звал ее только Борис. Она терпеть не могла это сокращение ее имени. Куда больше ей нравилось Ника. Но Борис всегда отвечал: «Ты моя «Вера» в светлое будущее», и упорно продолжал называть ее так.

В последние минуты своей жизни он обращался к ней. К женщине, с которой его вот уже семь лет ничего не

связывало. Кроме... Кажется, она сейчас упадет в обморок. Полное имя ее сына – Дмитрий. Откуда Борису было знать, что она сократила его до Мити? Он ни разу с ним не виделся, и вполне мог назвать Димой.

— Что это значит? – совладав со слабостью, поинтересовалась Вероника.

— Вы мне скажите. Насколько понимаю, эти строки адресованы вам. Вы по-прежнему утверждаете, что давно не виделись с бывшим сожителем?

— Утверждаю. Более того настаиваю, чтобы вы провели расследование. Борис намекает на угрозу для Мити. Что если это связано с наследством?

Подобное объяснение казалось самым логичным. Какие еще могут быть причины для преследования первоклассника?

— Мы разберемся, — успокоил ее Владимир. — Но наследство здесь ни при чем.

— Как это?

— Кроме дома, а вы наверняка обратили внимание в каком он состоянии, семья Севериных владеет лишь несколькими участками в черте города, с которых получают скромную ренту. Раньше была еще текстильная фабрика, но она давно закрыта. Когда-то это было богатое семейство, но после смерти мужа Светланы Георгиевны оно пришло в упадок. Мне жаль вас разочаровывать, вашему сыну досталось не огромное состояние, а куча долгов.

— Не понимаю, зачем Борису понадобилось составлять это завещание?

— Таковы традиции. Приемником должен быть мужчина. Ваш сын единственный прямой наследник по мужской линии.

— Выходит, Светлана Георгиевна предвидела, что так будет.

— Думаю, она надеялась, что Борису хватит ума отойти от традиций, — предположил Владимир. — Я неплохо знаком с этой семьей. Город у нас небольшой, все друг друга знают.

— Похоже на правду, — пробормотала Вероника.

— Не расстраивайтесь раньше времени, — подбодрил полицейский. — Скорее всего, никакой угрозы для вашего сына нет. Самоубийцы часто пытаются оправдать свой поступок в предсмертной записке, а порой и вовсе пишут первое, что в голову взбредет. Сказывается выброс адреналина.

Это было похоже на Бориса. Он всегда витал где-то в облаках. Порой его фантазии принимали странные и даже уродливые формы. Но потом к нему возвращалось хорошее настроение и все опять вставало на свои места.

Из полицейского участка Вероника вышла разбитой. В голове была сплошная каша. Возвращаться в дом не хотелось. Она позвонила Мите и, выяснив, что с ним все в порядке, и он замечательно проводит время, решила проехаться по окрестностям.

Полчаса хватило на то, чтобы исколесить город вдоль и поперек. За это время она успела влюбиться в его тихие улочки без кричащих рекламных плакатов. В центральный сквер с красочной детской площадкой. В горожан, вежливо приветствующих кивком головы незнакомую женщину. Она могла бы остаться здесь навсегда и совсем бы ни скучала по шумной столице.

Дорога уперлась в кованые ворота. Вероника присмотрелась к табличке. Сама судьба привела ее к кладбищу. На похоронах Бориса она ни присутствовала, зато теперь у нее есть шанс отдать ему последнюю дань уважения.

Припарковав машину неподалеку от ворот, Вероника отправилась на поиски свежей могилы. По пути ей попала бабушка торгующая цветами. Вероника купила букет роз – четыре штуки – и выяснила дорогу к месту захоронения Бориса.

Могилу она отыскала без труда. Кладбище хоть и было старым, пребывало в хорошем состоянии. Кто-то заботился о том, чтобы тропинки не зарастали бурьяном, подрезал кусты, чистил старые надгробия.

Вероника опустила на корточки и возложила цветы на холм свежевскопанной земли. Прижала ладонь к почве. От нее шел совсем не весенний холод. По коже побежали мурашки.

Два года вместе, а она понятия не имела, что мучило этого человека. Что за страхи его преследовали? Она была уверена, что только крайняя степень отчаянья может оправдать добровольный уход из жизни. Самоубийство – одна из самых гадких вещей, на какую способны люди. Мужчина, с которым она когда-то мечтала связать свою судьбу, не мог быть настолько слабохарактерен.

Вероника встала и попыталась отряхнуть руку, но сырой грунт прилип к коже. Он будто не желал с ней расставаться. словно это частица Бориса хотела навек быть с ней. Тогда Вероника вытерла ладонь о юбку. Она торопилась избавиться от комьев грязи, точно они причиняли ей боль.

Постепенно в ней росло раздражение. Допустим, Борис решил, что ему больше нет смысла жить. Это его личное дело. Но зачем втягивать в эту историю ее и Митю? Что означают эти странные слова на обороте предсмертной записки? О чем он ее предупреждал? И неужели нельзя было написать яснее?

Кругом одни вопросы. Она ощущала, как они подобно рою пчел вьются вокруг нее, норовя ужалить. За себя Вероника не переживала, но Борис упомянул сына. «Настала его очередь», – вот, что он написал. Она скорее умрет, чем допустит, чтобы с ее мальчиком что-нибудь случилось.

Небо заволочли внезапно набежавшие тучи. Грязно-серые и рыхлые как подтаявший снег они нависли над кладбищем. Казалось, еще чуть-чуть и пойдет дождь. Холод, что Вероника чувствовала, прикасаясь к могиле Бориса, поднялся от земли. Сквозь тонкую подошву туфель он добрался до ступней, и ноги покрылись гусиной кожей.

Веронике чудилось: если выдохнуть, то изо рта пойдет пар, как это бывает в мороз. А ведь градусник с утра показывал плюс пятнадцать. Не могла погода так резко измениться. Она задержала дыхание, не желая проверять свою теорию.

Ждать пришлось недолго. Налетел порыв ветра, и небо прояснилось. Все встало на свои места. Только Веронику не покидало чувство, что это было нечто большее, чем непредсказуемый разгул стихии. Например, предзнаменование.

— Вы были знакомы?

Вероника вздрогнула. Она настолько погрузилась в мысли, что не заметила, как к ней подошел священник. Пожилой мужчина в черной рясе доброжелательно смотрел на нее. У него были теплые глаза и улыбка полная сострадания.

— Мы когда-то были близки. С тех пор прошло много времени.

— Но все же вы здесь, — отметил батюшка.

Вероника развела руками. Ей нечего было возразить, а пускаться в долгие объяснения относительно наследства не имело смысла.

— Вы знали Бориса? — спросила она, чтобы поддержать разговор.

— Да, я и с его отцом был знаком. Вот, кстати, его могила.

Священник указал на соседнее захоронение, и Вероника заметила, что на ближайших надгробиях значится та же фамилия, что у Бориса. Участок был отведен для одной семьи.

— От чего он умер? — без задней мысли поинтересовалась она.

— Он застрелился.

Глава 5

Кухня благоухала свежей выпечкой. Один из прекраснейших ароматов в мире. Куда лучше духов, которыми пользуется мама и ее подруга. Ах, если бы так пахло всегда. Вот было бы здорово!

Митя потянулся за пирожком к большому блюду.

— Не тронь, — одернула его тетя Раиса. — Скоро обед. Перебьешь себе аппетит.

Он расстроился, но положил пирожок обратно. До чего же этот аппетит слабенький. Любая мелочь способна его перебить.

Чтобы отвлечься от мыслей о пирогах Митя отвернулся к окну. Если прищурить глаза и смотреть искоса, то можно заметить танцующих солнечных зайчиков. Круглые как пятирублевые монеты они витают в воздухе, но почему-то никто их не видит. Только он и то под определенным углом. Наверное, у него особое зрение. Он в состоянии видеть то, что другим не под силу. Совсем как супермен, который умел заглядывать сквозь стены.

Митя спрыгнул с высокого барного стула. Долго сидеть на одном месте он не умел.

— Куда собрался? — мигом отреагировала тетя Раиса.

Если сказать правду, ни за что не отпустит. Взрослые бывают жутко пристаучими. Это Митя знал по опыту. Поэтому он потер глаза, зевнул и произнес:

— Спать хочу.

— Ступай к себе в комнату, вздремни перед обедом, — великодушно разрешила тетя Раиса.

Самым тяжелым было не перепрыгивать через ступеньки, поднимаясь на второй этаж. По правде говоря, Митя ни капельки не утомился. Наоборот внутри кипела энергия, и она требовала выхода.

Раз уж на улицу нельзя, то он обследует дом. Наверняка здесь масса интересного. Митя представлял себя Индиана Джонсом, отправившимся на поиски древнего артефакта.

Он крался на цыпочках по коридору, чтобы не вспугнуть стражей сокровища. На пути ему попала тумба с вазой, но он-то сразу понял, что это хитрая ловушка. Митя упал на пол и перекатился через спину, как это делал в фильме Индиана Джонс. Только сноровки у него было поменьше, чем у известного искателя приключений. Вместо того чтобы прокатиться рядом с тумбой, он с размаху врезался в нее.

Ваза зашаталась. Несколько секунд Митя, лежа на полу, наблюдал за тем, как она балансирует на краю. Но искусственные цветы перевесили, и ваза полетела на пол. С громким «дзинь» она разбилась на множество осколков.

Пол коридора усеивали разноцветные стекляшки — все, что осталось от вазы. Митя вскочил на ноги. Вот ему влетит! Он бросился собирать остатки вазы, но их было слишком много, а у него только две руки. Скрывая следы преступления, он зачихнул осколки под тумбу. Там их еще не скоро обнаружат.

Последняя частичка вазы перекочевала в укрытие, когда за спиной Мити раздался надрывный скрип. Словно жуткое чудовище кралось к нему, скребя когтями пол. От страха у Мити вспотела спина. Монстр явился наказывать его за разбитую вазу.

Митя вскочил на ноги и с криком побежал к спальне. Достигнув двери, он попытался ее отворить, но от ужаса забыл в какую сторону она открывается. Он то дергал ее к себе, то толкал от себя. Ни то, ни другое не помогало. А чудовище, между тем, приближалось. Послышались грозные щелчки – это монстр клацал острыми зубами.

— Поверни ручку.

Митя застыл. Ворчливый голос принадлежал чудовищу. Он послушался совета, крутанул ручку и ввалился в комнату. Захлопнув за собой дверь, привалился к ней спиной, часто и прерывисто дыша. Перед глазами плясали разноцветные круги, совсем как солнечные зайчики, которыми он любовался несколько минут назад.

И чего ему не сиделось на кухне? Он с тоской вспомнил молчаливую тетю Раису. Да, с ней было скучно, зато безопасно. Уж она бы не позволила чудовищу добраться до него.

Дыхание выровнялось, и страх немного отступил. Мите стало стыдно. Индиана Джонс не носился бы по коридору, вопя как девчонка. Он бы дал отпор чудовищу и непременно победил.

Митя прижал ухо к дверному полотну, прислушался. По ту сторону было тихо. Может чудовище спряталось в берлогу? Он приоткрыл дверь. Совсем чуть-чуть. Только чтобы выглянуть в коридор. Там было пусто. Это придало ему храбрости.

Митя вышел из комнаты и тут же пожалел об этом. Монстр был на месте. Подждал его. Митя открыл рот, чтобы закричать, но звук застрял в горле.

Чудище было ростом с него. Волосы на голове торчали в разные стороны. Вместо ног у него были странные приспособления, напоминающие колеса маминогo автомобиля. Разве что поменьше.

Чудище взмахнуло руками, опустило их на колеса и начало медленно поворачиваться к нему лицом. Митю не обманула его напускная неловкость. Вот сейчас оно обернется и бросится на него. Да так быстро, что он даже позвать на помощь не успеешь.

Он бы убежал, но ноги не слушались. Нижняя часть туловища будто принадлежала не ему, а другому мальчику.

Вот показалось лицо монстра... и в этот момент Митя совершенно успокоился. Ему хотелось рассмеяться, таким глупым он себя почувствовал. Никакое это не чудовище. Никто его не преследовал. Монстром, так его перепугавшим, была обычная старушка в инвалидном кресле. В школе, где учился Митя, один мальчик ездил на таком.

Она была древней, как дом, в котором жила. Седые волосы походили на паклю. Похоже, их давно не расчесывали. Лицо было как морда у шарпея – в складках и морщинах.

— Здравствуйте, — Митя помахал рукой. Мама учила его вежливости.

— Добрый день, — прошамкала старуха и добавила: — у тебя превосходные легкие. Кричишь так, что я лишь чудом не оглохла.

Митя покраснел. Лучше бы у его позора не было свидетелей. Он попросил:

— Не рассказывайте никому.

— Вот еще, — фыркнула старуха. — Я похожа на доносчика?

Она подмигнула Мите. От удивления он икнул.

Старая дама оказалась замечательным собеседником. Она пригласила его к себе в комнату, и он радостно согласился.

— Ух ты! – Митя восхищенно обвел взглядом спальню. – Вы тут живите?

— Конечно. Где же еще мне жить?

— И это все ваше?

Никогда прежде он не видел столько вещей в одном месте. Комната была буквально завалена. Начиная от мебели: двуспальная кровать, две тумбы, три комода, секретер, большой стол и еще один чуть поменьше, пять кресел в разных углах и длинная лавка у окна. Предметы обстановки нарочно расставили так, чтобы не мешать инвалидному креслу.

Стены были увешаны картинами и черно-белыми фотографиями. Повсюду даже на полу высились стопки книг и бумаг, валялись коробки. Кажется, новая знакомая хранила в спальне каждую вещь, которая попадалась ей в жизни.

Вот бы Мите так! Будь он хозяином гигантского дома, собрал бы самую большую коллекцию чего-нибудь. Он еще не решил до конца, чего именно. В их однокомнатной квартирке так тесно. Для того чтобы освободить место для новой вещи нужно непременно выбросить старую.

— Все мое, — гордо ответила старуха. — Это мои воспоминания. С возрастом я многое забываю. Эти безделушки помогают мне вспомнить.

— Что вспомнить? – Митя заметил в одной из коробок плюшевого мишку и направился к нему.

— Например, мое детство. Этого медведя мне подарил папа, когда я была такой же маленькой, как ты сейчас.

Он с сомнением посмотрел на старую даму. Не верилось, что она когда-то была ребенком. Наверное, она пошутила. Митя улыбнулся, показывая, что оценил шутку.

— Не веришь? – раскусила его старуха. Но вместо того, чтобы отругать, потрепала по голове совсем как мама и сказала: — Я и сама уже с трудом верю, что когда-то была моложе.

— Вы всегда жили здесь? – Митя отложил медведя и зарылся глубже в коробку полную игрушек.

— Я здесь родилась. Здесь же и умру, — неожиданно она сменила тему: — Как тебя зовут, мальчик?

Митя второй раз за день покраснел. Он пережил столько потрясений, что совсем забыл представиться. А ведь мама не раз ему объясняла, как надо себя вести знакомясь со старшими.

Он отложил игрушечный поезд, повернулся к старушке и назвал:

— Митя. А вы?

— Зови меня бабушкой.

— Но это будет неправдой, — покачал он головой.

— Почему?

— У меня уже есть бабушка Света. Она пригласила меня и маму пожить здесь.

— У такого замечательного мальчика должно быть много бабушек, — заявила старушка.

Он задумался. В том, что он замечательный, Митя не сомневался. Взять хотя бы маму. Она сотни раз говорила ему об этом. А мама никогда не врет. Выходит, он может позволить себе еще одну бабушку? Тем более эта ему нравилась куда больше первой.

— Идет. Я буду называть вас бабушкой, — он протянул руку, и они скрепили договор рукопожатием.

Кожа у старой дамы была сухой и холодной на ощупь, но это его не отпугнуло. К этому времени он понял, что она, как говорят ребята постарше, классная.

— А почему я не встретил вас раньше? Когда мы только приехали.

— Я предпочитаю оставаться в тени, — загадочно ответила бабушка. — Оттуда меня не заметно, зато я вижу каждого.

* * *

Давно Вероника не позволяла себя бесполезно тратить время. В Москве она вечно куда-то спешила. Работа, дом, работа, дом. Впервые она столкнулась с бездельем. Когда просыпаешься с утра и думаешь, чем бы занять свой день.

Весеннее солнце рано прокралось в спальню, вытеснив приятный полумрак. Вероника отвернулась от окна и накрыла голову одеялом. Но под ним было нечем дышать, и она быстро сдалась. Солнце победило: она проснулась.

Душ придал бодрости и сил. Только куда их применить? Вероника пробовала помогать на кухне, но Раиса ее прогнала. Митя занимался исключительно собой. Для мамы в его играх не находилось роли.

Убраться в доме ей не позволила Светлана Георгиевна. При виде вещей передвинутых с места хоть на сантиметр она впадала в истерику. А тут еще как назло куда-то пропала ваза из коридора второго этажа. Сколько ее не искали, так и не нашли. С тех пор свекровь посматривала на Веронику с подозрением. Не иначе считает ее воровкой. Ладно бы ваза дорого стоила, так она даже не была фарфоровой. Обыкновенное стекло.

В детстве Вероника любила возиться в земле. Жаль для работы в саду за домом еще рано. Но ей нравилось гулять на свежем воздухе. Следить за тем, как распускаются почки на вербе – белые мягкие точно из ваты комочки.

Она побродила по дому, заглянула в разные уголки, убедилась, что ей нигде не рады, и отправилась в сад, где могла дышать полной грудью. Странное дело, сколько не проветривай комнату, тяжелый дух не исчезал. Как если бы он был дыханием самого дома – смрадным, пропитанным пылью и бедами прошлых хозяев. Но стоило пересечь порог, и воздух чудесным образом менялся.

Вероника прошлась вдоль кустов роз. Пока они выглядели отталкивающе. Кривые палки, усеянные острыми шипами, тянулись к небу, но скоро придет их время. Сначала появятся молодые листочки, затем расцветут и заблагоухают прекрасные цветы. Она любила розы. Даже просто стоять рядом с кустом и воображать, как он будет выглядеть через месяц и то приятно.

Судя по чистоте вокруг, за садом ухаживали. Хотела бы Вероника увидеть сад в летнюю пору. В такие минуты она немного жалела, что они с Митей вскоре покинут городок.

Вероника шла вдоль кованого забора, когда заметила мужчину. Про таких обычного говорят «взгляду не за что зацепиться». Он сидел на корточках перед яблоней, сбоку стояло ведро с чем-то белым. Мужчина макал в раствор кисть и красил ствол. Работал сосредоточено – мазок за мазком – точно художник над картиной.

Чтобы не напугать незнакомца своим неожиданным появлением, она поздоровалась издали:

— Доброе утро!

Мужчина дернулся и обернулся.

— Меня зовут Вероника. Я...

— Новая хозяйка дома, — закончил он за нее.

— Не совсем, — поправила она. — Дом принадлежит моему сыну, но он еще слишком мал, чтобы управиться с ним.

— В любом случае я рад знакомству. Сергей, — мужчина вытер руки о джинсы и поднялся. Сразу стало видно, какой он высокий. — Светлана Георгиевна платит мне за черновую работу. Дрова порубить, дом подлатать. Еще я слежу за садом.

— Вы прирожденный садовник, — похвалила Вероника.

— Я люблю природу, — он улыбнулся.

Повисла неловкая пауза. Чтобы заполнить ее хоть чем-нибудь, Вероника спросила первое, что пришло на ум:

— Что вы делаете?

— спасаю яблоню. Зайцы погрызли кору. Ничто от них не защищает: ни забор, ни обмазка кровью, чтобы отпугнуть запахом. Зимой ходят в сад, как к себе домой.

— Это поможет? — Вероника заглянула в ведро.

— Время покажет. Прошлой весной пять плодовых деревьев погибло, — Сергей сокрушенно покачал головой.

— Надо принимать какие-то меры, — Вероника и подумать не могла, что милые с виду зайцы могут доставлять столько неприятностей.

— Я думал против них сигнальную мину применить, — усмехнулся мужчина. — Расставить их вдоль забора. Мина, когда срабатывает, свистит так, что оглохнуть недолго, а под занавесь фейерверк сигнальными ракетами устраивает похлеще новогоднего. У меня знакомый этими минами воров с участка отпугивал, чтоб картошку не выкапывали.

— И как результат?

— Больше носа на его огород не суют. Так он еще и улов получил: два ведра и лопата. Воры от страха все побросали, когда мины сработали. Но как быть со старушками. Их же инфаркт хватит, когда под окном такая шуковина взорвется.

— А, по-моему, это будет даже весело, — Вероника представила взрыв сигнальной мины в красках. Митя бы визжал от восторга.

— Вы плохо знаете Светлану Георгиевну. Веселье не для нее, — Сергей вернулся к своему занятию.

Вероника потопталась возле него еще некоторое время, но разговор не клеился. Бросив это бесполезное занятие, она вернулась в дом.

Коротая время до обеда, Вероника позвонила Ирке. Та могла болтать по телефону часами. К тому же Веронике требовался совет подруги. После разговора с бабушкой она лишилась покоя.

Дом был буквально утыкан телефонами. Старый аппарат с крутящимся диском можно было найти практически в каждой комнате. Вздумай она заглянуть в кладовую, там бы тоже наверняка отыскался один. Но Вероника поднялась к себе в комнату, чтобы никто не помешал.

Она сняла трубку, приложила к уху и уже собралась набрать номер, когда услышала голос свекрови:

— Я хочу решить этот вопрос, как можно скорее.

— Конечно, конечно, — по заискивающим ноткам она узнала нотариуса.

Вероника собралась положить трубку и подождать пока они окончат разговор, но следующие слова Светланы Георгиевны заставили ее прирасти к телефону:

— Мальчик должен перейти под мою единоличную опеку, — жестко говорила свекровь. — Позаботьтесь о том, чтобы эту приживалку лишили родительских прав.

— Но она хорошая мать, насколько мне известно. Нужен повод.

— Так найдите его. Не мне вас учить. Сделайте из нее пьяницу, гулящую женщину. Да кого угодно, лишь бы убрать ее с глаз долой.

— Но как же мальчик? — поинтересовался адвокат. — Он вроде любит маму.

— Он еще ребенок. Через пару лет он про ее забудет, — заявила свекровь.

Дальше слушать этот кошмар у Вероники не было сил. Она бросила трубку на рычаг и прижала ладони к пылающим щекам. Сердце колотилось в груди как после кардио-тренировки. Ударов двести в минуту не меньше.

Светлана Георгиевна настоящая ведьма! Улыбается ей, болтает о пустяках, а сама строит планы о том, как отнять у нее Митю. Нет уж, не на ту напала. Сын — единственная радость Вероники. Она ради него и живет. Ни за что она не позволит их разлучить.

Полная решимости Вероника отправилась на поиски свекрови. Та сидела в гостиной и попивала чай из фарфоровой чашки с таким невинным лицом, что по ее виду нельзя было заподозрить, будто она задумала нечто ужасное.

— Светлана Георгиевна, — Вероника уперла руки в бока, — я все слышала.

— О чем речь, милочка? — женщина поставила чашку на поднос и сложила руки на коленях.

— О вашем разговоре с нотариусом. Я пришла поставить вас в известность, что у вас ничего не выйдет. Сына я вам не отдам.

— Я подозревала, что с воспитанием у тебя проблемы. Вот уже и до подслушивания чужих разговоров докатилась.

— Это вышло случайно.

Вероника поймала себя на том, что оправдывается. Как у свекрови получается повернуть все так, что окружающие чувствуют себя виноватыми в ее грехах? Должно быть, причина в интонациях неодобрения в ее голосе, заставляющих окружающих ощущать свое ничтожество.

Вероника упрямо тряхнула головой, отгоняя наваждение:

— Вам не сбить меня с толку. Вы никогда не сможете доказать, что я плохая мать. Это не так. Лучше откажитесь от своей затеи.

— Что мне делать, я решу сама, — свекровь поднялась с кресла, встав по-особому: гордо вскинув голову и выдвинув подбородок вперед. Трость лишь подчеркивала правильность осанки. — А вам, милочка, полезно будет знать: я всегда добиваюсь своего.

Свекровь ушла. Догонять ее и продолжать спор было бесполезно. С этой женщиной нельзя договориться по-хорошему. А значит, будет война.

Вероника не рискнула звонить по домашнему телефону. Если она умудрилась подслушать чужой разговор, то и ее могут услышать. Вместо этого она взяла сотовый и набрала номер Ирины. После нескольких гудков подруга ответила:

— Привет! Как жизнь? Непросто быть обеспеченной дамой?

Ирка как обычно была полна энергии. Ее веселый голос придал Веронике мужества, и она выпалила на одном дыхании:

— Мать Бориса хочет забрать у меня сына.

— На каком основании? — мигом отреагировала подруга.

— Они выставят меня алкоголичкой или еще кем похуже, и суд лишит меня родительских прав.

— Вот дрянь, — в сердцах выпалила Ирка. — Не паникуй. Она в курсе, что тебе известно о ее планах?

— Боюсь, что да. Я думала, мы уладим все мирным путем.

— Не страшно, — Вероника представила кровожадную улыбку подруги. — Сделаем так: ты сейчас едешь ко мне, подыщем тебе адвоката. Старая перечница пусть и не надеяться одержать верх. Мы ее в раз положим на обе лопатки.

— Считаешь, у меня есть шанс победить? — робко спросила Вероника.

— Что за упадническое настроение? Мы насобираем тебе столько положительных характеристик, что ни один суд не посмеет признать тебя плохой матерью. Даже если старуха его подкупит.

Вероника по тихой улинула из дома. За Митю она не волновалась. Если он так нужен Светлане Георгиевне, она не допустит, чтобы с ним что-то стряслось. И еще она доверяла Раисе. Та уже не раз сидела с ребенком.

Сразу за порогом ее поджидало первое испытание. Машина не завелась. Она пробовала и так и этак, машина издавала утробное рычание, но мотор почти сразу глох. Кажется, отсюда в столицу ходил автобус. Надо только отыскать остановку.

Дом стоял на отшибе. От города его отделяла пара-тройка километров. Веронике предстояло пройти их пешком.

На середине пути она пожалела, что не додумалась переобуться. Офисные туфли на каблуке не годились для пешей прогулки. Они быстро натерли пятки, и Вероника всерьез размышляла не разуться ли ей.

От мыслей ее отвлек звук мотора: по направлению к городу ехал зеленый уазик. Выглядел он так, будто участвовал минимум в сотне боевых действий. Вместо крыши натянут брезент, дверей нет, однако нос и бока блестят свежей краской.

Уазик поравнялся с Вероникой и притормозил. За рулем сидел новый знакомый — Сергей. Он переоделся, сменив робу на джинсы с рубашкой. Они шли ему куда больше. Вероника обратила внимание на его выправку. Слишком ровно он держит спину. Наверняка отставной военный.

— Подвезти? — предложил Сергей.

Она осмотрела ненадежную конструкцию уазика. Та Вероника, что жила в столице и работала бухгалтером ни за что бы не поехала на развалюхе с малознакомым мужчиной. Но новая, вынужденная бороться за сына Вероника подумала: «Лучше плохо ехать, чем хорошо идти», и согласилась.

Первые минуты в уазике дались с трудом. На пустой дороге Сергей разогнался до приличной скорости. Ветер свистел в салоне. Вероника старалась не поворачивать голову вправо, чтобы не видеть мелькающих деревьев. Она до судорог в пальцах вцепилась в сиденье.

— Куда собрался? — Сергей в отличие от нее не проявлял беспокойства. Привык к езде на машине без дверей.

— В столицу по делам, — выдала из себя Вероника. — Высадите меня у ближайшей остановки.

— Зачем? Могу подбросить. Мне как раз туда.

Она судорожно слотнула. Два часа кошмара наяву и она в столице. Конечно, это будет стоить ей пары седых волос, но чего не сделаешь ради сына.

— Замечательно, — вымучено улыбнулась она. — Буду вам очень благодарна.

— Как вам наш город?

Они как раз проезжали мимо главной площади. Та представляла собой почти идеальный круг, в центре которого разбили клумбу. Провинциальное очарование сквозило в каждой детали.

— Здесь спокойно, — призналась Вероника.

— Покой — наша главная достопримечательность. Местные живут по принципу «все хорошо, прекрасная маркиза», чтобы ни стряслось.

— А часто что-то происходит?

— Не особо, — пожал плечами Сергей. — Но все мы люди и ничто человеческое нам не чуждо.

— Вы давно здесь живете?

— Коренной житель.

Вероника заерзала на сиденье. Ее так и подмывало спросить Сергея о предках Бориса. Наверняка он должен что-то знать. Она кинула взгляд на мужчину. Он смотрел прямо перед собой на дорогу. Во время их первой встречи сегодня утром он показался ей рассудительным и уравновешенным человеком. Взвесив все за и против, Вероника решила, что может ему доверять.

— Вы были знакомы с Борисом?

— Немного. Я недавно устроился садовником. Сразу после ухода в запас, — слова Сергея подтвердили догадку о его военном прошлом. — Я хоть здесь родился, но большую часть жизни провел вне города. Только год, как вернулся.

— Но вы, наверное, слышали о его отце? — зашла она издалека.

— Вы о том, как он умер? — Сергей впервые за время в пути посмотрел на нее.

— Об этом, — кивнула Вероника. Хорошо, что Сергей оказался столь прямолинейным. Не потребует долго кружить вокруг да около.

— Темная история, — мужчина снова сосредоточился на дороге, тем более что они уже выехали за пределы города, и трасса стала оживленной. — Он вроде как застрелился. Имя у него еще такое было забавное, как в мультике.

— Леопольд, — подсказала Вероника.

— Верно!

Сергей замолчал. Похоже, он не собирался продолжать разговор, но она не думала сдаваться так быстро:

— Как это произошло?

— Да кто теперь помнит? Лет тридцать минуло, — Сергей на секунду задумался, а потом добавил: — и ведь точно как раз в этом году тридцать лет со дня его смерти.

— Откуда такая точность?

— Мне тогда шестнадцать исполнилось. Особый для меня год, вот и запомнил.

Единственный вывод, который Вероника вынесла из сказанного, был о возрасте Сергея. Сорок шесть лет.

Она уже было совсем пала духом, когда мужчина ударил себя по лбу и сказал:

— Вот я склеротик! Главное-то забыл. Дедушка Бориса ведь тоже как-то плохо из жизни ушел. Повесился, кажется. Не везет семье с мужиками. Мрут, как будто проклил их кто.

Глава 6

Митя всем сердцем полюбил новую бабушку. Такого товарища по проказам у него еще не было. Они вместе придумывали развлечения, играли и веселились. Иногда ему казалось, что старушка в инвалидном кресле его ровесница.

После завтрака он первым делом мчался на второй этаж. В комнату-кладовую, в недрах которой пряталось столько интересного. На днях ему попался взаправдашний револьвер. Тяжелый, с деревянной ручкой и курком. Жаль, пуль не было. Бабушка разрешила поиграть с револьвером, только велела никому о нем не рассказывать. Митя обожал секреты. Он представлял себя партизаном и ни за что бы не раскололся. Даже если бы Раиса лишила его пирожков.

Этим утром он как обычно постучал в дверь спальни, используя специальный кодовый стук. Услышав «Войдите!», шагнул в пещеру Али Бабы. Бабушка сидела в кресле у окна.

— Подойди, — она поманила его пальцем.

Когда Митя встал рядом, она указала на верхушки деревьев за окном и сказала:

— Видишь лес? Пообещай, что никогда туда не пойдешь.

— Почему?

Митя по натуре был любознательным мальчиком. Если уж ему запрещено что-то делать, необходимо выяснить с какой стати. Иначе любопытство сгрызет его, и он непременно отправится в лес. Просто так, чтобы наверняка вызнать, что с ним не в порядке.

— Потому что это дурной лес. В нем живут злые духи.

— Я не верю в духов, — признался он.

— Неважно. Главное они верят в тебя. Этого вполне достаточно.

Бабушка погладила его по голове. Сегодня она была особенно грустной. Митя давно заметил, что ей как будто чего-то не хватало. Она часто застывала с уныло свешенной головой.

— Кто такие эти духи? — он сел на пол у кресла, предвкушая хорошую историю.

— У каждого дерева, как и у человека, есть душа. Матушка природа создала их добрыми, но иногда, если под кронами дерева совершается зло, оно впитывает его в себя и становится одержимо им.

— Злом? — шепотом уточнил Митя.

— Им самым. Постепенно зло как опухоль ширится и растет в дереве. Ему не хватает места и оно распространяется дальше. До тех пор пока не захватит весь лес. И тогда он погружается во мрак. Любой, кто пойдет гулять в такой лес, рискует не вернуться.

Митя выглянул в окно. Всего полчаса назад лес казался ему самым обычным. Теперь же чудилось, будто стволы имеют невидимые глаза, а ветки как руки только и ждут, когда он приблизится, чтобы схватить его.

— Ни за что не пойду туда, — пообещал он.

— И правильно. Нечего тебе там делать.

Митя увлекся железной дорогой, собранной из найденных в коробках деталей. Глядя, как игрушечный паровоз совершает один круг за другим, он не мог выбросить мысли о лесе из головы. Рассказ бабушки его напугал, но и пробудил интерес. Конечно, он не нарушит данное слово. Ему бы лишь выяснить поподробнее, что ужасного произошло под тем деревом.

— Что там стряслось? — Митя посмотрел на бабушку снизу вверх. С этого ракурса почти не было видно морщин вокруг рта и глаз, и она выглядела моложе.

— О чем ты?

— О дереве со злой душой. Почему оно стало таким? Его кто-то обидел.

— Долго объяснять, — отмахнулась бабушка.

Впервые она заговорила с ним, как с ребенком, и Митя обиделся. Сам он считал себя взрослым.

— Но я хочу послушать, — капризно протянул он.

— Это не для детских ушей, — заявила бабушка, подтвердив догадку. А он-то полагал, что она относится к нему не так, как прочие взрослые.

Митя поднялся с колен, переступил через рельсы и направился к двери. Паровозик остановился без завода, но он его проигнорировал.

— Ты куда? — окликнула его бабушка.

— Спущусь вниз, — отозвался он.

— Дерево забрало у меня близкого человека, — призналась бабушка.

Митя не дошел до двери. На пятках он развернулся к бабушке и уставился на нее во все глаза. Только подумать: дерево, крадущее жизни! Подобное случается разве что в кино. И вдруг вот она сказка, пусть и страшная, зато под самым боком.

— В углу висит его фотография.

Митя придвинул табурет к стене и забрался на него. На фотографии были изображены двое: мужчина и женщина. Он в черном фраке и белой рубашке, с залезшими назад волосами. Она в вечернем платье, расшитом камнями, и с завитыми локонами.

— Кто эта тетя? — Митя ткнул пальцем в женщину.

— Это я.

Он посмотрел на старуху, а потом снова на красавицу. Никак не верилось, что это один и тот же человек.

— Да, — сказала бабушка. — Когда-то я была такой. С тех пор много воды утекло.

— Куда утекло? — не понял Митя.

— Неважно, — она снова махнула рукой. — Ты все еще хочешь услышать историю?

— Еще бы! — он спрыгнул на пол и снова уселся подле инвалидного кресла.

— Мужчина на фотографии был моим мужем.

— Ты любила его? — перебил Митя.

— Недостаточно.

— Разве можно любить кого-то недостаточно?

— Еще как можно. Если хочешь узнать, что с ним случилось, не перебивай.

Митя послушно кивнул и сложил руки на коленях. Он умел молчать, когда это нужно.

— Как уже сказала, я недостаточно любила мужа. Однажды он об этом узнал. Это повергло его в глубокую печаль, с которой он не смог справиться. Ночью он пошел гулять в лес и не вернулся. Я долго его искала, но когда нашла было уже поздно. Я была не в силах ему помочь. Его не стало. Я винила себя в его гибели и дала себе слово, что остаток жизни проведу в этом доме, ни разу не покинув его пределов. Это моя расплата за причиненные страдания. Я сдержала клятву, но этого оказалось мало. В сердце моего супруга жило слишком большое зло, и породила его я. Оно было столь велико, что и после его смерти не желало покидать наш мир. Через корни, зло впиталось в дерево, под которым он погиб, и навеки поселилось в нем. С годами оно крепло, пока не выросло до такой степени, что смогло выполнить последнюю просьбу моего несчастного супруга.

Бабушка замолчала. Немигающим взором она смотрела на лес, точно хотела среди сотен одинаковых сосен разглядеть ту самую, под которой умер ее муж.

Митя слегка коснулся ее колена и прошептал:

— О чем он просил?

— Что, милый? — старушка вздрогнула. Она выглядела так, как если бы только что очнулась ото сна и не осознавала, где находится.

— Ваш муж, — напомнил Митя, — о чем он просил?

— Да кто ж теперь вспомнит, — с преувеличенным безразличием пожала она плечами.

Но даже семилетнему мальчику было очевидно, что с памятью у бабушки дела обстоят куда лучше, чем она показывает.

— Я бы срубил это дерево, — заметил Митя, складывая железную дорогу.

— Теперь это не имеет смысла, — вздохнула старушка. — Оно успело заразить все вокруг. Невозможно вырубить целый лес.

— Надо было это сделать сразу.

— Тогда я была молодой и глупой и не верила в сказки, — развела она руками и напомнила: — Не забывай, ты обещал не ходить в лес.

— Не буду, — заверил ее Митя. — Вы поэтому все время грустите?

Не дожидаясь ответа, он продолжил:

— Когда я вырасту, срублю все деревья в том лесу, чтобы вы никогда больше не грустили.

Бабушка посмотрела на него и улыбнулась.

— Ты славный мальчик, Митя. Добрый, отзывчивый. Таким и оставайся.

До обеда они играли в прятки. Митя прятался, а бабушка искала. Единственным условием игры было не спускаться на первый этаж — без посторонней помощи туда нельзя съехать на инвалидном кресле.

Вторую половину дня бабушка отдыхала, и Митя был предоставлен сам себе. Он искал маму, но тетя Раиса сказала, что та уехала в Москву по делам.

Все еще находясь под впечатлением от рассказа старушки, Митя отправился на балкон своей спальни. Тот выходил на лес и не был застеклен. Лишь железные прутья отделяли его от пропасти.

Митя приблизился вплотную к краю, ухватился руками за поручень и подтянулся вверх. Лес высился в километре от стен дома. Деревья стояли плотно друг к другу, точно сбились в кучу перед неведомой опасностью. Сколько он не вглядывался в их одинаковые ряды, не видел различия между ними. Они все словно были скроены по одной кальке. На ум пришла игра «Найди десять отличий».

«Наверное, злое дерево растет где-то в другой части леса», — решил Митя. Он был уверен, что оно непременно должно отличаться. Или сосны умеют маскироваться?

Ему быстро надоел однообразный лес, и он переключился на другие предметы. Внизу рос боярышник. Высокий как дерево и густой как куст, он верхушкой практически доставал до перекрытий балкона. На одной из верхних веток покачивался первый весенний листок. Ярко-зеленый, сочный. Мите до дрожи в коленях хотелось его заполучить.

Чтобы дотянуться до листа, он лег животом на пол балкона и протиснулся между прутьев. Благо они располагались на приличном расстоянии друг от друга. Ему ничего не стоило просунуть между ними сначала голову, а затем туловище, и нагнуться. Он вытянул руку, но кончики пальцев лишь слегка коснулись листа, не сумев его ухватить.

Митя подтянулся еще немного вперед. На балконе остались только ноги, остальная часть тела свесилась вниз. Наконец, он заполучил желаемый лист. Но едва сжал его в ладони, как земля начала стремительно приближаться.

Митя полетел вниз. Да так стремительно, что наверняка расшибся бы насмерть, не смягчи падение боярышник.

* * *

Вероника провела в Москве остаток дня; обсуждала с адвокатом план по защите в суде. От зарплаты осталось несколько тысяч рублей. Пришлось их отдать. Впервые она пожалела, что ничего не откладывала на черный день. Но с ее маленьким окладом им с сыном понадобилось бы отказаться от еды, чтобы накопить подушку безопасности.

Сергей не только подвез ее, но и согласился подхватить на обратном пути. Его доброта и искреннее желание помочь тронули Веронику, и по дороге назад она рассказала ему о хитром плане свекрови.

— Не понимаю, зачем ей ваш сын? — недоумевал он. — Она и своим-то не особо интересовалась. К чему ей чужой?

— Все дело в наследстве, — Вероника давно нашла ответ на этот вопрос. — Если ей удастся стать единоличным опекуном Мити, то она сможет делать с деньгами все, что пожелает. Пока есть я, свобода ее действий ограничена. Так объяснил адвокат.

— Светлана Георгиевна – властная женщина. Вести с ней войну, да еще на ее же поле, будет нелегко. Вам потребуются союзники. Люди, которые смогут рассказать в суде о ее отношениях с сыном и что она за человек.

— Для этого нужен местный. Тот, кто хорошо ее знает. Вряд ли кто-то из знакомых Светланы Георгиевны пойдет против нее.

— Я могу, — предложил Сергей. — Она все равно мне никогда не нравилась.

— Вы потеряете работу.

— Да и шут с ней, — отмахнулся мужчина. — Вы удивитесь, но работа садовника вовсе не предел моих мечтаний.

— Значит, начинаем неравный бой? — она улыбнулась.

— Вы обязательно победите, — подбодрил Сергей. — И раз уж мы теперь союзники, давай перейдем на «ты».

Вероника кивнула. В обществе отставного военного она чувствовала себя спокойно и уверенно. За время поездки она привыкла и к немного солдафонским манерам Сергея, и к уязки без дверей.

Несмотря на протесты, Сергей подбросил ее прямо к дому. Она вышла из уязки, махнула ему на прощание и направилась к входной двери, когда оттуда выбежала Раиса. Вид у нее был напуганный, точно она минуту назад столкнулась с чем-то поистине ужасным, например, с крысой.

— Такое горе, такое горе, — причитала она, заламывая руки. Платок кухарки сбился назад, крупные кудри ореолом разметались вокруг лица.

От бессвязных криков у Вероники гудело в ушах. Она никак не могла взять в толк, что случилось. Не выдержав, она схватила Раису за плечи и как следует встряхнула. Та, наконец, умолкла, и Вероника спросила:

— Что стряслось?

— Митенька упал с балкона.

У Вероники подломились колени. Она устояла на ногах лишь благодаря тому, что держалась за плечи кухарки.

— Он жив? — онемевшими губами прошептала она.

— Жив ваш мальчик, — успокоила Раиса. — В больницу попал с переломом руки.

— До больницы минут пять езды, — сказал Сергей – невольный свидетель диалога. — Мигом домчу.

Вероника бросилась назад к машине. Всю дорогу до больницы она умоляла Сергея ехать быстрее. Ни спидометр, показывающий скорость больше ста километров, ни рев ветра в салоне, ни хлопанье брезента над головой ее не пугали.

Уязик притормозил около входа в больницу, Вероника выскочила из салона, не дожидаясь полной остановки. Она так торопилась, что забыла поблагодарить Сергея.

Не снижая скорости, подлетела к стойке регистрации, узнала в какой палате находится Митя и устремилась туда. Отыскав нужные цифры на двери, Вероника распахнула ее и, только увидев живого и относительно здорового сына, перевела дух.

— Как ты, Митенька? — она полезла с объятиями к сыну, стараясь не задеть гипс, сковывающий его левую руку.

— Я упал.

— Это я уже заметила, — она поцеловала его во влажную щеку. — Очень больно?

— Я почти не плакал, — заявил Митя.

— Ты настоящий герой. Но как ты умудрился свалиться с балкона?

Он насупился, а потом признался:

— Это дерево во всем виновато.

— Что еще за дерево? — удивилась Вероника.

— Оно злое, — доверительным шепотом поведал сын. — И весь лес тоже злой из-за него.

— Кто тебе такое сказал?

— Бабушка.

— Ты говорил, что не дружишь с бабушкой Светой.

— Это другая бабушка.

Ответ Мити поставил Веронику в тупик. Ни о какой другой бабушке она не слышала.

— Где ты с ней познакомился?

— В доме. Где ж еще, — сын был раздосадован ее несообразительностью.

— Если она живет в доме, почему я ее никогда не видела?

— Потому что она почти не выходит из своей комнаты.

Про себя Вероника решила непременно разъяснить этот вопрос, а вслух сказала:

— Она пошутила, солнышко. Деревья не бывают злыми.

— Еще как бывают, — упорствовал Митя.

Чтобы не расстраивать сына, Вероника согласилась. К тому же ей пришлось по душе запрет ходить в лес. С Митиным везением на приключения он еще чего доброго заблудится.

В восемь вечера ее попросили уйти. Больница закрывалась на ночь. Врач сказал, что если все будет в порядке, уже завтра она сможет забрать Митю домой. Конечно, его надо будет привозить на осмотры, но ночевать он будет в своей постели.

С тяжелым сердцем Вероника оставляла сына, вина себя в произошедшем. Не надо было доверять его Раисе. С чего она вообще взяла, что та способна уследить за ребенком?

— Как мой внук? — Светлана Георгиевна подловила Веронику в холле, когда она вернулась.

— Если бы вы навестили его, то знали бы ответ, — огрызнулась Вероника, что не было на нее не похоже.

Всегда вежливая и тихая она за последнюю неделю стала вдруг несдержанной и агрессивной.

— Я сама едва хожу, — свекровь продемонстрировала ей трость.

Но ее вид не произвел на Веронику впечатления. Хромота не мешала Светлане Георгиевне передвигаться по дому со скоростью спринтера и оказываться там, где ее меньше всего ждешь.

— Вам плевать на его здоровье. Сломай он себе днем шею, ваша жизнь бы заметно улучшилась.

— Что за глупости ты говоришь, милочка? — фыркнула свекровь. — Я люблю внука.

— Вы ни разу с ним не поговорили, не уделили ему ни минуты своего драгоценного времени и смеете утверждать, что любите его? — Вероника ошалела от столь откровенной лжи.

— Подлинной любви не нужны физические проявления. Она живет в сердце.

— Меня сейчас стошнит.

Игнорируя вытянувшееся от ее дерзости лицо Светланы Георгиевны, Вероника поднялась на второй этаж. Плевать свекровь хотела на Митю. Наследство – вот что для нее важно. Вероника не удивилась бы, скажи ей кто, что Мите помогли упасть с балкона.

Вероника хлопнула дверь в спальню и мстительно улыбнулась. Она еще покажет свекрови. Отберет у Светланы Георгиевны самое дорогое: те остатки денег, что у нее еще есть. Лучше бы старая мегера не вставала на ее пути. Вероника была спокойной, милой девушкой. Но теперь, когда ее ребенку угрожала опасность, она превратилась в тигрицу, чем немало удивила саму себя.

Следующим утром Вероника первым делом спустилась в кухню, переговорить с Раисой. Ей не давали покоя слова Мити об еще одной бабушке.

— Как спалось? — вместо приветствия осведомилась Раиса.

— Спасибо, неплохо.

Хотя они с кухаркой открыто не конфликтовали, Вероника интуитивно ощущала ее неприязнь. Неизвестно чем та была вызвана. Вероятно, преданная хозяйке дома Раиса всего-навсего разделяла ее мнение насчет бывшей девушки Бориса.

— Я хотела у вас кое-что спросить.

— Спрашивайте, — разрешила кухарка, перекладывая помытые яблоки на блюдо.

— Вчера в больнице Митя упоминал бабушку.

— И что с того? — перебила ее Раиса.

— Речь шла не о Светлане Георгиевне.

Женщина замялась. Она повернулась к Веронике спиной и продолжила выкладывать фрукты на блюдо, составляя из них художественную композицию. Делала она это с подчеркнuto сосредоточенным видом, точно от того как лягут яблоки зависело будущее человечества.

— Кого он имел в виду? — переспросила Вероника.

Раиса передернула плечами, словно сгоняя надоедливую муху, но снизошла до ответа:

— Он, наверное, об Изольде Карловне говорил.

— Это еще кто такая? — для Вероники стало открытием, что в доме живет кто-то еще. Честно говоря, она готовилась списать все на бурную фантазию сына. Это был не первый случай, когда он придумывал себе друзей.

— Изольда Карловна – мать покойного мужа Светланы Георгиевны и бабушка Бориса. Ей уже под девяносто. Она практически не выходит из комнаты и никогда не спускается на первый этаж. Инвалидное кресло не позволяет.

В прошлом году ее частично парализовало после инсульта.

Вероника молча переварила информацию. До чего же она невнимательная! Сколько еще людей живет в этих стенах, о существовании которых она не подозревает?

— Это все сюрпризы или мне надо знать еще о ком-то? — поинтересовалась она.

— Больше никаких сюрпризов. Только умоляю, не беспокойте Изольду Карловну. Старушка в последнее время совсем плоха. Ей волнения ни к чему. Между нами говоря, — Раиса понизила голос, — она немного приболела.

Кухарка покрутила пальцем у виска, намекая, что это за болезнь.

— Не переживайте, я не буду ее тревожить.

Вероника солгала, и совесть ее ни капли не мучила. Как только она услышала от Раисы о таинственной бабушке, она поняла, что просто обязана с ней увидеться.

Из кухни она отправилась на поиски Изольды Карловны. Ей было известно, где распложены ее и сына комнаты, а также спальня Светланы Георгиевны. Неподалеку находилась ванная. Неопознанной оставалась всего одна дверь. В нее то Вероника и постучала. Ответом ей была тишина.

— Изольда Карловна, — вполголоса позвала Вероника. Меньше всего она хотела привлекать к себе внимание. Не хватало, чтобы ее кто-нибудь застукал.

Имя подействовало, и с той стороны послышалось: «Войдите!». Прежде чем шагнуть в комнату, Вероника убедилась, что коридор пуст, и никто не следит за ней. Переступив порог, она едва не споткнулась о стопку книг. Чтобы добраться до старушки у окна, она преодолела всевозможные препятствия.

«Не спальня, а лабиринт Минотавра», — подумала Вероника, — «И как здесь инвалидное кресло разворачивается?».

Комната как кривое зеркало отражала дом, приумножая его недостатки. Особняк был полон старых вещей давно пришедших в негодность, но здесь их было в разы больше. Дом, давно нуждающийся в уборке, являлся образцом чистоты по сравнению с этой спальней.

Вероника приблизилась к креслу напротив старушки и плюхнулась в него. От резкого движения в воздух поднялось облако пыли, окружило ее, и она чихнула.

— Будь здорова.

Голос у старой женщины оказалась на удивление чистым, совсем не стариковским. Разве что слегка ворчливым, будто она была чем-то недовольна. Еще она немного шепелявила из-за отсутствия зубов.

Изрытое морщинами лицо напоминало смятую после бессонной ночи простыню. Такое же несвежее и словно пожеванное. Под стать ему были шея и руки. Одни только глаза светились подобием жизни. В них проглядывала энергия, запертая в немоющем теле. Голубой цвет глаз не померк в течение лет.

Вероника тщетно выискивала в этом лице признаки сумасшествия, на которое намекнула Раиса. Неухоженные волосы грязно-серого оттенка, в самом деле, придавали старушке безумный вид, но этим дело и ограничивалось. В остальном она производила впечатление нормального человека. Но Вероника не была столь наивна, чтобы купиться на внешнюю адекватность. Психически больные люди виртуозно притворяются.

— Вы Изольда Карловна?

— А ты искала кого-то другого?

Вероника поняла: разговор предстоит сложный. Она решила представиться. Вдруг это поможет заслужить расположение старухи.

— Меня зовут Вероника. Я — мама Мити.

Стоило упомянуть имя сына, как Изольда Карловна мигом к ней потеплела. Похоже, Митя нашел с ней общий язык.

— Он чудный мальчик, а вы прекрасная мать раз воспитали такого сына, — похвалила она.

— Спасибо, — поблагодарила Вероника. Она пришла сюда не для того, чтобы выслушивать дифирамбы в свой адрес. — Вы в курсе, что Митя упал с балкона?

— Да. Ужасный несчастный случай. Надеюсь, он быстро поправится.

— Он сказал мне, что в его падении виновато дерево, — она внимательно следила за реакцией Изольды Карловны. Надо отдать ей должное: она сохраняла спокойствие. Прямо хоть сейчас веди на допрос в Гестапо. В этом она походила на свою невестку — Светлану Георгиевну. Обе женщины были слеплены из одного теста, хотя родственницами по крови не являлись. — И что это вы рассказывали ему о дереве.

— Вот оно что, — старуха поджала губы, обдумывая следующие слова. После длительной паузы, во время которой Вероника терпеливо ждала ответ, та заявила: — Тебе так и быть скажу правду. У меня не получилось спасти своих мальчиков. Ни сына, ни внука. Может у тебя выйдет.

— Спасти от чего? Уж не от дерева ли? — Вероника усмехнулась. Она все сильнее верила в безумие старой женщины.

— Не от него. Историю про дерево я придумала, чтобы отвадить мальчишку ходить в лес.

— Мудро, — вынуждена была признать Вероника. — Нечего ему там делать.

— В лесу творится дурное, и причиной тому я. Трудно поверить, но когда-то я была чудо как хороша. Мужчины не давали мне прохода. Внимание вскружило мне голову, я считала себя особенной.

— Не вижу в этом ничего дурного. Практически каждая красавица мнит себя особенной.

— Верно. Только это ошибка. Я самая что ни на есть обычная. Красота моя, как видишь, увяла, а без нее ничего не осталось. Когда мне было шестнадцать, я вышла замуж за обеспеченного мужчину. Особой любви к нему я не испытывала, но и отвращения тоже, а потому какое-то время мы даже были счастливы. Через год родился Леопольд. А еще через пару лет я заскучала. Жизнь в большом доме с мужем и сыном казалась мне однообразной, и я начала искать развлечения на стороне.

— Вы изменяли мужу? — Вероника подивилась смелости этой женщины. Во времена ее молодости измена считалась чем-то из ряда вон выходящим. Надо было обладать недюжинной смелостью, чтобы решиться на подобное.

— Именно. Изменяла. Я сильно завралась, и однажды все вскрылось. Никогда не забуду глаза мужа. Он так смотрел на меня, точно я кинжал ему в сердце вонзила.

— И как он поступил?

— Он повесился.

Изольда Карловна повернулась к окну. Вероника проследила за ее взглядом. Та смотрела на раскидистую сосну, растущую на границе леса и поля.

— На том самом дереве, — указала на сосну старуха. — Чтобы я, проснувшись поутру одна в супружеской постели, выглянула в окно и увидела, что натворила.

Вероника сглотнула. Страшно представить, что довелось пережить этой женщине. От такого недолго сойти с ума.

— В тот день, когда мужа сняли с ветки, я обрекла себя на добровольное затворничество. Это была моя расплата за грехи.

— Сколько вам тогда было лет?

— Двадцать четыре.

— И с тех пор вы не выходите за пределы дома? — поразилась Вероника.

— Раньше я гуляла по саду, но теперь даже это мне недоступно.

Вероника одновременно сочувствовала и восхищалась стойкостью старой женщины. Должно быть, вина, что она ощущала, была чересчур велика.

— Я надеялась искупить зло, что причинила. Мой муж не был плохим человеком, не подумай. Просто некоторые вещи нельзя простить. Умирая, он проклял меня и моих потомков.

— Проклял? — не поверила ушам Вероника.

— Мой сын, а потом и внук покончили с собой в возрасте тридцати пяти лет, как это случилось с ним. Такое же будущее ожидает и Митю.

Глава 7

После беседы с Изольдой Карловной Вероника убеждала себя, что старуха спятила. Слова о проклятии не что иное, как бред воспаленного разума. Права была Раиса. Но сколько Вероника не твердила себе о помешательстве старухи, легче ей не становилось. Даже призрачная вероятность того, что проклятие окажется правдой, приводила в ужас.

Невозможно списать на выдумки ненормальной трех мертвых мужчин. Необходимо выяснить все детали. Нет гарантий, что они будут именно такими, каким их описала Изольда Карловна.

Окрыленная этой мыслью, Вероника отправилась в единственное место, где ей могли помочь — в полицейский участок. Поехала на «Рено», еще вчера починенное Сергеем.

Владимира она застала выходящим из здания полиции. Он держал путь к служебному автомобилю, Вероника окликнула его:

— Володя, мне надо с вами поговорить!

— Не беспокойтесь, — улыбнулся мужчина. — Забудьте о нашей прошлой беседе. Я закрыл дело. Отныне вас никто не побеспокоит. Покой в этом городе ценят превыше всего.

Он списал ее встревоженный вид на волнения после допроса, но за чередой событий Вероника успела забыть о нем.

— Помогите мне, пожалуйста, — попросила она, догнав Владимира.

— Всем, чем смогу.

— Я хочу поподробнее узнать историю семьи Севериных. Говорят, что дед и отец Бориса тоже покончили с собой.

— Откуда такая информация? — участковый внимательно посмотрел на нее, а потом протянул: — А, вы, должно быть, познакомились с Изольдой Карловной. Она вроде местной достопримечательности. Старушка давно выжила из ума. Я бы на вашем месте ей не верил.

— Значит, ее муж не повесился на сосне рядом с домом?

Владимир замялся. Поворот беседы явно был ему неприятен.

— Столько времени прошло. Кто теперь скажет, как там все на самом деле случилось.

— Но должны же сохраниться какие-то архивы?

Полицейский вздохнул и с обреченным видом поинтересовался:

— От меня вы чего хотите?

— Мне необходимо знать, как они погибли. Возможно, от этого зависит жизнь моего сына.

— Только не говорите, что верите в проклятье, — Владимир поморщился.

— Так вы о нем слышали!

— Да весь город о нем слышал. Толку от этого? Проклятие — страшилка для детей. Чтобы в лес гулять не ходили и родителей слушались. Вы же современная женщина. Откуда в вас это суеверие?

— Я не говорила, что верю в проклятие, — ответила Вероника. — Я просто хочу разобраться в ситуации.

Владимир пальцами выбил барабанную дробь о капот автомобиля и произнес:

— Хорошо. Если вам необходимо знать всю историю от начала до конца, я пороюсь в документах и поделюсь с вами находками. Предлагаю поужинать сегодня вечером.

— Ужин? — переспросила Вероника.

— Что вас удивляет? Я приглашаю вас на ужин. Раз уж мне придется тратить свое время в архиве, то я заслуживаю вознаграждение: ужин с красивой женщиной.

— Это свидание?

— Да, — без обиняков заявил он.

— Договорились, — согласилась Вероника. Владимир — приятный мужчина, ужин с ним не будет испытанием.

— Заеду за вами в восемь.

Полицейский попрощался и сел в машину. Вероника проводила автомобиль взглядом и нервно поежилась. Она уже забыла, каково это — ходить на свидания.

Остаток дня прошел в обычных хлопотах. Она забрала Митю из больницы. Светлана Георгиевна пригласила для внука няню. Она по-прежнему не проявляла интереса к мальчику, но будет ли это учитываться в суде? Неужели няня в глазах закона способна перевесить бессонные ночи матери?

В семь Вероника начала собираться на свидание. Жаль, она не догадалась взять с собой платье. Откуда было знать, что ее пригласят на ужин? Перерыв шкаф, она поняла, что надеть ей придется или повседневные джинсы или офисную юбку. И первое, и второе смотрелось одинаково убого. В таких нарядах ходят на работу, а не на свидание.

С верхом дела обстояли еще хуже. Всего одна приличная блузка. Что ж, по крайней мере, ей не придется мучиться с выбором. Прикладывая к себе поочередно то юбку, то джинсы она никак не могла определиться.

— Митя, — окликнула Вероника играющего на кровати сына, — тебе что больше нравится?

— Синее платье. То, что на бретельках, — не поднимая головы, ответил он.

— Мне тоже, — приуныла она. — Но я оставила его дома.

— А куда ты идешь? А с кем? А ты надолго? — Митя забросал ее вопросами, и она пожалела, что обратилась к нему за советом.

— Ступай к себе, — в конце концов, она не выдержала и выпроводила сына в его комнату. Под бок к няне.

После долгих метаний Вероника надела юбку. В ней она хотя бы выглядит женственно. Если не придирается к серому цвету ткани, то юбка ей даже идет. Подчеркивает округлые бедра и стройные ноги.

Вероника распустила волосы и подкрасила губы. Перед выходом еще раз придиричиво осмотрела себя в зеркало. Последний раз на свидании она была года два назад. В тот раз все пошло не так. С тех пор в ее личной жизни наступил ледниковый период. Отношения с мужчинами покрылись толстым слоем снега. Давно пора взять в руки лопату и откопать их.

Сердце взволновано трепетало, пока она спускалась по лестнице. Владимир ждал у служебной машины. Бок белой «Волги» пересекала синяя полоса со словом «полиция».

— Мы поедем на ней? — Вероника чувствовала себя не в своей тарелке, точно заключенная, которую должны были транспортировать в тюрьму.

— Не считая надписи, автомобиль ничем не отличается от других, — Владимир открыл перед ней дверь. — А по части скорости может дать фору некоторым иномаркам. На ней стоит движок от «Тойоты».

Она кивнула, словно поняла о чем речь. Владимир гордится своей машиной. Надо принять это как данность.

— У нас скромный выбор мест для развлечения, не как в столице, — сказал мужчина, но потом рассмеялся и поправил себя: — нашел, с чем сравнить. На весь город всего-то одна дискотека, ресторан да пара уличных кафе.

— Так куда мы едем? В ресторан, кафе или на дискотеку?

— Я подумал, что на дискотеке мы не сможем поговорить. Для уличных кафе вечером еще прохладно. Остается ресторан.

— Прекрасный выбор, — улыбнулась Вероника.

Ресторан приятно поразил. Вероника не рассчитывала наткнуться в провинциальном городке на заведение, оформленное с изысканным вкусом. Первой ассоциацией была Россия начала двадцатого века. Ее любимая эпоха.

Стены зала были выкрашены в приятный для глаза бежевый цвет. Потолок украшали розетками из гипса. На столиках лежали накрахмаленные скатерти. На каждом стояло по резному подсвечнику.

Одна беда: Вероника в юбке-карандаше и невзрачной блузке чувствовала себя здесь не к месту. В подобное заведение принято надевать вечернее платье с бриллиантовым колье, а не наряд бухгалтера.

— Почему вы не предупредили, что мы пойдем в шикарное место? — шепотом спросила она у Владимира, пока тот вел ее к столику.

Она буквально кожей ощущала взгляды наряженных дам и их кавалеров. Откуда они только взялись в тихом городке?

— В столице вы, наверное, и не в таких заведениях бывали.

Вероника предпочла сделать вид, что так оно и было. Хотя за всю жизнь она от силы посетила с десятков кафе, да и те были не высокого класса.

Ее спутник остановился около столика и отодвинул стул. Давно Веронике не оказывали такого внимания. Борис максимум на что был способен – первой пропустить ее в подъезд. Этим его ухаживания и ограничивались. Неизбалованная мужским вниманием Вероника растаяла от пары галантных жестов.

От предложенного Владимиром шампанского закружилась голова. На время она выкинула из головы все заботы. И в первую очередь мысли о проклятии.

Ужин шел своим чередом, когда на небольшую сцену в углу вышли музыканты – выгодно отличающиеся от тех, что поют хиты шансона. Живая музыка наполнила зал. В основном звучали спокойные эстрадные композиции прошлых лет в авторской аранжировке. Веронике показалось, что она попала на концерт. Исполнение было столь талантливо, что хотелось, забыв обо всем на свете, просто слушать.

Тягучие ноты мелодии завораживали, вводили в транс, словно напев заклинания. Вероника сама не заметила, как начала покачиваться им в такт.

— Потанцуем?

Вопрос застал ее врасплох. Владимир, не дав ей опомниться, встал из-за стола и протянул руку. Ничего не оставалось, как принять приглашение. Он вывел ее на середину зала, где несколько пар уже кружилось в танце, прижал к себе и они вместе заскользили по паркету. Владимир оказался прекрасным партнером. Все что требовалось от Вероники: расслабиться и подчиниться. И вот уже она, не умея толком танцевать, кружилась в подобии вальса.

За столик Вероника вернулась очарованная танцем и своим спутником. Опомнилась она, только когда подали десерт, и вдруг поняла, что два часа потратила на болтовню ни о чем.

— Ты нашел сведения о том, как умерли прадед, дед и отец моего сына? — перебила она Владимира на полуслове. К этому моменту они перешли на «ты» и вели себя как старые знакомые.

— А я все думал, когда ты вспомнишь.

— Рассказывай, — потребовала Вероника.

И он рассказал. Первым в очереди роковых смертей, преследующих семью Севериных, значился муж Изольды Карловны – Арнольд.

Он был на двадцать лет старше супруги. Обеспеченный мужчина, видный советский партийный деятель. Он имел не малый вес в округе.

В свою очередь семнадцатилетняя красавица Изольда славилась буйным нравом. Старожилы городка отлично помнили эту пару. Еще в день свадьбы многие пророчили им мрачное будущее. Так и случилось.

Уличив жену в измене, Арнольд не вынес позора и повесился. Желая больше ранить изменщицу, для самоубийства он выбрал дерево рядом с окном их общей спальни. Первое, что увидела поутру Изольда – раскачивающийся на ветке труп мужа.

Местные потом говорили: это зрелище так шокировало молодую женщину, что она тронулась умом. Изольда обрекла себя на добровольное затворничество, не пожелав срубить роковое дерево, а оставив его как напоминание о своей легкомысленности.

— На этом история Изольды Карловны заканчивается. Хочешь слушать дальше или для одного раза достаточно? — спросил Владимир.

— Продолжай, — попросила Вероника. — Я должна знать все.

— Ну, раз должна, — развел руками мужчина.

Следующий акт трагедии разыгрался спустя двадцать восемь лет. Леопольду – сыну Изольды и Арнольда – было семь лет, когда погиб его папа. Он благополучно вырос без отца, продолжил его карьеру и даже приумножил состояние семьи, женился, у него родился сын. В семье не было скандалов или неурядиц. Но на следующий день после тридцатипятилетия Леопольда нашли в кабинете застреленным. Проводилось расследование. Результаты были неутешительны. По всему выходило, что он покончил с собой.

— Но ты сам сказал, что поводов для самоубийства у него не было, — вмешалась Вероника.

— Вроде ничего такого не нашли. Но люди просто так себе в висок не стреляют. Верно? Семья была уважаемая, имела много влиятельных знакомых в столице. Светлану Георгиевну местные власти побаивались, поэтому дело предпочли замять.

— Бред какой-то, — покачала головой Вероника. — А если это убийство? Его ведь могли застрелить.

— Он оставил предсмертную записку, — отмел ее предположения Владимир. — О третьей смерти ты знаешь побольше моего.

— Все еще думаешь, что я общалась с Борисом перед его кончиной? — погрузилась она.

— Честно говоря, мне все равно. Есть свидетель, который видел, как он сам прыгнул под колеса. Остальное неважно.

— Борис был совершенно не похож на своих предков, — призналась Вероника. — Ты говоришь, они были дельцами. В нем этот стержень отсутствовал.

— Его взрослые годы пришлись на перестройку и тревожные девяностые, — заступился Владимир за Бориса. — В то время было трудно найти себя.

— По-моему, он не сильно искал.

— Но ты почему-то прожила с ним два года, — отметил он.

— И даже вышла бы за него замуж, не брось он меня, — призналась она. — Моей самой заветной мечтой было иметь семью. Я выросла в детском доме. Мне так хотелось иметь плечо, на которое я могла бы опереться. Человека, которого могла назвать родным.

— И Борис стал первым, кто предложил тебе это, — догадался мужчина.

— Да, — кивнула Вероника и добавила: — это потом я поняла, что он куда сильнее меня нуждался в твердом плече. Нас объединило одиночество, но мы так никогда и не стали по-настоящему родными людьми. И все же Борис сделал мне самый дорогой подарок в жизни. Он подарил мне сына. С тех пор я не одна.

— Ты боишься, что если проклятье реально, его следующей жертвой будет Митя, — озвучил ее опасения Владимир.

— Я не могу его потерять, — прошептала Вероника. От столь ужасной перспективы болело сердце.

— Тебе не о чем тревожиться. Даже если проклятье существует, до тридцати пяти лет твоему мальчику ничего не грозит.

— Ты предлагаешь мне спокойно дожидаться роковой даты, чтобы выяснить подтвердятся мои страхи или нет? — возмутилась она.

— А что еще тебе остается? Если предположить, что проклятие реально, ты все равно ничего не сможешь с ним поделать. Эти вещи за пределом человеческого влияния.

— Я не верю в мистику, — заявила Вероника.

— Тогда бояться нечего.

— Но я верю в факты. Трое мужчин из одной семьи покончили с собой в одном и том же возрасте. Если две смерти еще можно списать на совпадение, то три – это уже закономерность. Я не допущу, чтобы Митя пополнил этот список.

— И что ты намерена делать?

— Если понадобится, увезу его так далеко отсюда, как только смогу. Чтобы даже название этого города при нем не упоминалось. И буду надеяться, что вместе с этим местом из его жизни навсегда исчезнет проклятие, чем бы оно ни было. Но сперва я хочу выяснить, что здесь творится.

* * *

Вероника проснулась рано. На границе ночи и дня. Спальню затопил серый свет – предвестник рассвета. Все вокруг казалось сплетенным из сизой дымки тумана.

Она потянулась, зевнула, откинула одеяло и встала. Подошла к окну. Босые ноги зябли на голом полу, и она поджала пальцы. Вяло подумала о том, чтобы вернуться на теплый и мягкий ковер, но с места не сдвинулась. Словно загипнотизированная она не могла отвести взгляд от кромки леса, отчетливо виднеющейся из окна.

Одно из деревьев выделялось на фоне товарищей. Его ствол был шире других, ветки толще, крона гуще. Дерево-долгожитель. Сколько же ему лет? Вероника, не моргая, до рези в глазах всматривалась в его очертания. До тех пор, пока взгляд не затуманился от слез. Именно в тот момент ей почудилось движение под деревом. Она прильнула лбом к окну, задержала дыхание, чтобы не запотело стекло, и смотрела, смотрела, смотрела...

Упорство было вознаграждено. Неожиданно она все так четко разглядела, будто кто-то приблизил изображение при помощи бинокля. Она увидела веревку, завязанную на одной из крепких ветвей. Та свисала вниз, вилась вокруг шеи мужчины, душила его подобно рукам убийцы. А он, откинув голову назад и вывалив синий язык, раскачивался на ветру. Ноги бились о ствол с сухим треском, в лакированных туфлях отражались первые отблески восходящего солнца.

На ужасную долю секунды Веронике показалось, что его глаза с расширенными зрачками и обесцвеченными смертью радужками уставились прямо на нее. Не помня себя от страха, она попятилась назад, споткнулась о край ковра и, потеряв равновесие, завалилась назад.

Глава 8

В голове гудело так, словно к каждому уху приложили по морской раковине. Шум прибоя нарастал, пока не достиг наивысшей точки и не превратился в голос Раисы.

— Надо ж было так всех переполошить, — бормотала та, — у меня от ее визга чуть заикание не случилось.

— Чем болтать попусту, лучше приведи ее в чувства. Не хватает только, чтобы эта девка сдохла в моем доме.

В злом окрике Вероника безошибочно определила интонации Светланы Георгиевны. Кто еще мог столь трогательно заботиться о ней? С каждым днем антипатия к матери Бориса возрастала. На месте ее мужа она бы тоже застрелилась. Это какими железными нервами надо обладать, чтобы уживаться с подобной женщиной!

Стоило подумать о погибшем свекре, как Вероника вспомнила свои галлюцинации. Она распахнула веки и резко села. От пережитого кошмара тело сотрясал озноб.

— Очухалась, — констатировала Раиса.

Вероника дико озиралась по сторонам. Неподалеку от кровати возвышалась Раиса. В руках у нее был флакончик с нашатырным спиртом. Дверь спальни была распахнута настежь. Из коридора за ней зорко следила Светлана Георгиевна.

— Следовало предупредить нас, что ты подвержена лунатизму, — заявила последняя.

— Чему? — хрипло переспросила Вероника.

— Своими криками ты умудрились перебудить весь дом. Раиса нашла тебя на полу неподалеку от окна. Вероятно, ты ходила во сне.

— Мне приснился дурной сон? — Вероника с готовностью уцепилась за это объяснение.

— Дурные сны у всех случаются, — успокоила Раиса. — Это все от нервов.

— Дожили, — проворчала Светлана Георгиевна, прежде чем уйти, — в собственном доме нельзя расслабиться.

Вероника на пару с Раисой проводили ее неприязненными взглядами. Светлана Георгиевна обладала поразительным даром повсюду наживать врагов. Если сразу после приезда Вероника мнила, что кухарка предана хозяйке, то теперь было очевидно: она терпеть ее не может. Но заработная плата покрывает недостатки сварливой хозяйки.

— Мне пора бежать. Через полчаса завтрак. С вами все в порядке? — Раиса улыбнулась.

На памяти Вероники это случилось в первый раз с момента их знакомства. А еще она впервые видела ее без платка. У нее оказались на удивление красивые вьющиеся волосы. Завитушки каштановой волной обрамляли круглое лицо. Торчали, непослушные, во все стороны.

«Она хорошенькая», — подумала про себя Вероника, а вслух сказала:

— Конечно, идите. Я в порядке.

Кухарка закрыла за собой дверь, и Вероника перебралась с пола на кровать. Чувствовала она себя так, будто гуляла ночь напролет. Видение отняло все силы.

Она ни на миг не сомневалась, что повешенный ей почудился, но даже в качестве сна он был ужасен. Всему виной разговор с Володей. Она всегда была впечатлительной. Наслушалась всяких небылиц и вот результат.

Стыдно признаться, руки все еще дрожали. Чтобы успокоиться, она приняла горячий душ, а потом долго перед зеркалом внушала себе, что глупый сон не стоит ее нервных клеток.

Импровизированный сеанс психотерапии принес плоды — следы паники стерлись с лица. В таком виде не стыдно показаться людям, и Вероника вышла из спальни. По пути к двери она обогнула окно по дуге, держась от него подальше. Не то чтобы она всерьез опасалась, что пригрезившийся ей повешенный по-прежнему раскачивается на сосновой ветке, но выяснять это наверняка не желала.

Проходя мимо гостиной, она заметила в окне Сергея и вместо столовой направилась в сад.

— Как спалось? — заметив ее, поинтересовался Сергей. — Слышал, ты устроила переполох.

— Откуда ты знаешь? — поразилась Вероника.

— Раиса одна из первых сплетниц. Не удивлюсь, если уже весь город в курсе твоих ночных походов.

— Не было никаких походов, — поморщилась она. — Обычный кошмар. Наслушалась накануне про самоубийц, вот и снится всякая гадость.

— Местные полицейские мастера рассказывать страшилки.

Новость о том, что Сергей в курсе про ужин с Володей Вероника восприняла равнодушно. Попривыкла к местным порядкам.

— И кого ты видела? — поинтересовался Сергей.

— Повешенного, — призналась Вероника.

— Был у нас один похожий случай, — сказал Сергей. — Послали одного солдата траву вокруг фонарей на рулежке скосить. Дали ему обычную косу, а поверх дождевик, чтобы дождь не замочил. И тут как раз вырывает самолет на полосу. Солдат, как положено, отходит, чтобы не мешать, и стоит с косой в капюшоне, машет приветливо экипажу. Пришлось летчикам связаться с базой и попросить отозвать солдата, пока пассажиры от такой картины не передумали лететь. Так что кому повешенные мерещатся, а кому сама смерть.

— Спасибо за рассказ, — Вероника кисло улыбнулась. — Приятно знать, что я не одна такая. Но что мне с этим делать?

— С чем именно? — не понял Сергей.

— С проклятием, естественно. Не могу же я просто закрыть глаза на череду странных смертей. Тем более, когда у Мити есть все шансы продолжить список.

— Хм, — собеседник с угрюмым видом водил кисточкой по стволу яблони, — я не полицейский. Почему бы тебе не попросить совета у него?

— Он считает, у меня нет причин для опасения.

Сергей окинул ее задумчивым взглядом, точно прикидывая в уме стоит она того, чтобы ей помогать или нет. Вероника растянула губы в очаровательной улыбке. Она отчаянно нуждалась в союзнике. Как бы ей не был симпатичен Володя, она прекрасно понимала, что в этом деле он не помощник.

— Я бы на твоём месте, — смилостивился Сергей, — выяснил для начала, что толкнуло Бориса на самоубийство. Он умер совсем недавно. Разузнать обстоятельства его гибели будет проще всего.

— Верно, — щелкнула пальцами Вероника.

В эту самую секунду в сад выглянула Раиса. Увидев Веронику, она прокричала:

— Завтрак готов.

И тут же скрылась. Сергей с Вероникой переглянулись, и мужчина сказал:

— Вот тебе первая кандидатура для допроса. Райка работает в доме лет десять, не меньше. А последние годы Борис, как и его бабка, почти не покидал этих стен.

Все то время, что длился завтрак, Вероника с трудом сидела на месте. Даже ее сын вел себя спокойнее. Митя сосредоточено ел гречневую кашу с молоком, заедая ее булкой с маслом. Он явно никуда не торопился, а потому все еще продолжал жевать, когда остальные вставали из-за стола. Веронике едва сдерживалась, чтобы не поторопить его.

Наконец, Митя отодвинул пустую тарелку. Вероника среагировала моментально, велев сыну идти к себе. Наконец, она осталась наедине с Раисой. Кухарка мыла посуду, стоя лицом к раковине. Вероника взяла кухонное полотенце и принялась вытирать чистые тарелки. Так у нее появился шанс завязать будто бы случайную беседу. Раз уж Раиса болтушка, как утверждает Сергей, ее будет легко разговорить.

— До чего нелегко жить в этом доме, — посетовала Вероника, рассчитывая на бурную ответную реакцию.

— Ох, и не говорите, — покачала головой Раиса. — Тут и работать-то тяжело. Давно бы ушла. Да только у нас другую такую хорошую зарплату не найдешь. А вам и того хуже. Вы уж не обижайтесь, но Светлана Георгиевна вас люто ненавидит.

Откровение кухарки не стало неожиданностью для Вероники. Их чувства со свекровью были взаимны.

— Ладно я, а Митя что ей сделал? — вздохнула Вероника. — Он же ее внук. Не верю, что она сына не любила.

Раиса оглянулась, убеждаясь, что их никто не подслушивает и прошептала:

— Между нами она и Борю не особо баловала. Называла, его бесполезным. Так и говорила: «Зачем я тебя родила? Только фигуру попортила».

— Она ненавидела сына?

— Это как посмотреть, — Раиса протянула Веронике мокрую тарелку. — Когда пришло известие о его смерти, она так убивалась. Никто не ожидал. Прям лица на ней не стало. Я думала, заплачет. Но нет, сдержалась. Волевая женщина, что тут скажешь.

Вероника поняла, что запуталась. Характер Светланы Георгиевны не укладывался в общепринятые рамки.

— Борис был несчастен? — уточнила она.

— Счастливым я бы его не назвала, но и бед у него особых не имелось.

Вероника решила перевести беседу с Бориса на мужа свекрови.

— А Леопольда вы тоже знали?

— Нет, меня тогда и на свете не было. В то время тут моя мамка работала. Я ей на замену пришла.

Грязная посуда закончилась, чему Вероника не сильно огорчилась. Она выяснила все необходимое. Мать Раисы – вот с кем следует побеседовать.

Она повесила полотенце сушиться и уже стояла в дверях, когда Раиса сказала:

— Проклятье-то оно самое что ни есть настоящее. Мне мамка еще про него рассказывала. И Борис о нем знал. Сам говорил, что оно придет за ним. И не ошибся: точнехонько в тридцать пять лет на тот свет отправился.

* * *

Няня не нравилась Мите. От нее пахло чесноком. И еще она напоминала огромную пузатую бочку. Когда она подходила к нему и протягивала руки, ему каждый раз чудилось, что она собирается схватить его за горло и придушить. Он и в самом деле задыхался от непереносимой чесночной вони. Казалось, эта женщина ничего не ест кроме чеснока.

У него неплохо получалось избегать дурно пахнущую няню, ведь помимо недостатков имелось у няни одно достоинство. Оно с лихвой перевешивало все плохое. Няня обожала сериалы. Часами не отходила от телевизора. Около одиннадцати пополудни она усаживалась в глубокое кресло перед экраном и до обеда отключалась от реальности. Митя за пару дней изучил ее график на зубок. Теперь он лучше любой программы передачу знал расписание дневных и вечерних показов сериалов, а потому был в курсе, когда можно отлучиться из детской незамеченным, а когда следует вернуться, чтобы избежать нагоняя.

Как только на экране появились титры очередной серии, Митя выскользнул в коридор. Поначалу он опасался, что няня во время рекламы захочет проверить как он и не отходил далеко от двери в спальню. Но вскоре выяснилось, что в рекламный перерыв она переключает канал, посмотреть отрывок из другого шоу.

Постепенно Митя осмелел. С каждым разом он уходил все дальше, стараясь не попадаться на глаза домочадцам. Даже к бабушке не заглядывал. Еще лет в пять он уяснил: взрослые заодно. Как бы хорошо к тебе не относились, случись чего и один взрослый всегда примет сторону другого. Поэтому он держался от них подальше. Если его поймут, то непременно запрут с ненавистной няней в спальне. И тогда ему придется смотреть сериалы вместе с ней. Худшего наказания Митя не мог представить.

Он прошелся по второму этажу. В это время суток можно было не бояться случайной встречи. Мама куда-то уехала с мужчиной из сада. Злая бабушка, которую он про себя окрестил бабой-ягой, не поднималась наверх в течение дня. Из-за больной ноги она мало двигалась. Лестница была для нее тяжелым испытанием. Вторая бабушка отсиживалась в своей комнате. Весь коридор второго этажа всецело принадлежал Мите.

Но с некоторых пор ему этого было мало. Пытливый детский ум жаждал приключений. Сегодня больше, чем обычно. Сломанная рука висела на перевязи, нисколько не мешая. Она почти не болела. Разве что когда Митя заигрывался и, забывая о ней, дергал локтем, острая боль пронзала всю левую сторону туловища от плеча до колена, но она исчезала также внезапно, как и появлялась.

Поиски новой игры увенчались успехами. Митя заметил дверь в конце коридора, которую до этого дня игнорировал. Он еще ни разу не видел, чтобы кто-нибудь входил или выходил из нее. Таинственная дверь так и манила. Он помнил обещание данное маме: вести себе хорошо и избегать опасности. Но что опасного может быть в обычной двери?

Он посмотрит одним глазком, что там такое, и тут же вернется назад. Митя подкрался поближе и приложил ухо к замочной скважине. С той стороны было тихо. Он пощупал круглую ручку. Она была холодной, словно кусок льда из морозилки.

Митя невольно отдернул руку. Прикрыв ладонь рукавом рубашки, он снова ухватился за ручку и повернул ее. К его радости дверь была не заперта. Может, не было там ничего особенно важного, раз ее оставили открытой. Но любопытство не дало ему свернуть с намеченной цели. Ах, скольких оно погубило! Сколько невинных душ из-за треклятого любопытства окончили свой жизненный путь раньше положенного срока. Но Митя в силу возраста не мог этого знать.

По ту сторону была лестница. Она начиналась прямо за порогом и вела вверх к еще одной двери. Митя шагнул на первую ступень. Доска прогнулась под его весом, закричала протяжно и тоскливо, будто волк завыл на луну. Одну за другой Митя преодолел двадцать три ступени. «Математика закаляет характер», — любила повторять учительница, и не соврала. Сосредоточенность на счете помогла не думать о жутких звуках.

Снова он стоял перед дверью. На какую-то долю секунды Мите почудилось, что вот сейчас он ее отопрет, а там будет еще одна лестница, а потом еще и еще, и так до бесконечности. Но нет, за дверью его ждал чердак. Округлое как мишень для игры в дартс окно было единственным источником освещения. Света едва хватало, чтобы осмотреться. Свалка – вот что это было. Склад ненужных вещей. Комната бабушки по сравнению с чердаком содержалась в идеальном порядке.

Митя шагнул вперед. На полу, покрытом ковром пыли, остались его следы. Он прошелся вдоль ряда разбитой мебели. Остатки стульев и комодов напоминали рыбные скелеты. На трехногий стол кто-то водрузил люстру. Паутина висела между плафонами, соперничая ажурностью с хрустальными подвесками.

Внимание привлекал огромный сундук. Он стоял обособленно, будто подчеркивал, что его ничего не связывает с прочим хламом. Митя при желании мог поместиться в сундуке целиком, и еще осталось бы место для любимой игрушки – медведя Тедди. В большом сундуке удобно хранить тайны. Собрать все в одном месте и запечатать, чтобы никто и никогда ничего не узнал.

Митя остановился рядом с сундуком. Высотой тот доставал ему до пояса. Крышка была плотно закрыта. Резьба на ее поверхности изображала волшебный пейзаж. На первом плане озеро. На камне сидит русалка. Толстый хвост свисает в воду, волосы плавают на ее поверхности как водоросли. За спиной русалки лес, но деревья необычные. Кроны у них точно шляпки у сыроежек: широкие и плоские.

Митя провел ладонью по крышке. Она оказалась гладкой и на удивление чистой. Кругом была пыль, грязь, паутина, а сундук выглядел так, словно его минуту назад протерли. Чистенький, новенький, ничего общего с остальными вещами на чердаке, будто он пришелец из другого мира.

Митя осмотрел сундук со всех сторон, но запоров не нашел. Тогда он взялся за крышку и потянул ее вверх. Он что есть силы упирался ногами в пол и пыхтел. На лбу выступили капельки пота. Сначала крышка не поддавалась. Она точно срослась с краями сундука. И зазора не нащупать.

Но Митя не думал сдаваться, и в конечном счете его усилия были вознаграждены. Сундук дрогнул под напором и открылся, дыхнув на него спертым запахом старых газет. Митя чихнул. Вытерев нос кулаком, он уставился на содержимое сундука.

А посмотреть было на что! Огромное пространство внутри сундука было забито всевозможными вырезками из журналов, старыми фотографиями, одеждой давно вышедшей из моды. Дрожащими от нетерпения руками Митя разбирал добро. Он вытаскивал из сундука целые стопки, складывал их на пол, перебирал, точно сокровище. Пару раз ему попались действительно интересные вещи. Например, модель автомобиля. Черные бока блестели, колеса до сих пор крутились. Настоящий подарок судьбы.

Митя отложил машинку в сторону. Ее он оставит себе. Хотя бы на время. Кому будет хуже оттого, что он немного с ней поиграет? Все равно она никому не нужна. А так быть не должно. Игрушки созданы для того, чтобы в них играли, а не чтобы валяться без дела. Он исправит эту несправедливость.

Вскоре к машинке присоединился плюшевый заяц с одним ухом. Митя не мог оставить его в сундуке. Тот выглядел несчастным и одиноким. Митя был обязан спасти его. Еще через пару минут компанию им составила юла. Ее разноцветные бока немного выцвели, но она по-прежнему отлично крутилась.

Митя добрался до самого дна, когда увидел ее – прямоугольную доску. К ней прилагался треугольник размером с ладонь взрослого человека. По центру треугольника кто-то просверлил дыру. И доска, и непонятный предмет были сделаны из дерева.

Митя выгнул их и повернул к свету. На доске были начерчены буквы. Они шли полукругом, в середине он прочел два слова: «да» и «нет». Размер дыры в треугольнике четко подходил под размер букв.

Митя опустил доску на пол. На ощупь она была теплой, словно чьи-то руки согрели ее за минуту до того как он ее нашел. Доска пахла сосной. Терпкий и одновременно сладкий аромат свежей смолы. Как-то раз Митя испачкался в смоле. Полчаса ушло на то, чтобы отмыть ладони, а рубашку пришлось выбросить.

Митя смотрел на доску, не отрываясь. Она была огромной. Чтобы ухватить за ее концы, надо было максимально развести руки. Про машинку, зайца и юлу он забыл. Доска – вот что отныне занимало его мысли. Он не знал, для чего она нужна, не знал, что с ней делать, но желание обладать непонятной вещью полностью овладело им.

Митя укутал доску в тряпку, найденную неподалеку. Прижал ее к груди, как родную, и пошел к себе в комнату. Он крался как вор. Не дай Бог, кто словит. Тогда они обязательно отберут доску, а этого нельзя допустить.

В детской его ждала няня. На его счастье до конца серии еще было немного времени. Он прошмыгнул в дверь, добежал до кровати и спрятал заветную доску за ее изголовье.

— Ты чего делаешь? — обернулась няня.

Митя испугано уставился на нее. Врать он не умел, но сказать правду тоже не мог.

— Посмотри на себя, — вздохнула няня. — Ты весь в пыли и паутине. Лазил под кроватью?

Митя с облегчением кивнул. Ему понравилось, что няня самостоятельно нашла объяснение его поведению.

— Быстро в ванную, умываться, — скомандовала она, и Митя послушно отправился выполнять приказ.

Проходя мимо изголовья кровати, он бросил на него взгляд. Он не видел доску, но словно чувствовал ее. «Скорей бы остаться одному. Вот тогда я с ней наиграюсь!», — мечтал Митя, намыливая лицо.

Глава 9

«Борис знал о проклятии», — слова Раисы звучали у Вероники в голове, точно эхо. Она перебирала в памяти годы, проведенные рядом с этим мужчиной. Да, во многом он походил на большого ребенка, но запуганным никогда не выглядел. Чтобы его не изменило, это случилось в последние семь лет, когда ее не было рядом.

Больше от Раисы она ничего не добила, но главное она выяснила: есть свидетель смерти Леопольда — отца Бориса. Во что бы то ни стало надо поговорить с матерью кухарки.

Спросить адрес пожилой женщины у дочери Вероника не посмела. Кухарка бы мигом поняла, что к чему. Однако в маленьких городках тоже есть свои прелести. Одна из них в том, что все знакомы друг с другом, а значит, найти нужного человека не составит труда.

И снова ей помог Сергей. На вопрос, где проживает мать Раисы, он дал точный ответ и предложил подвезти (его рабочий день как раз подходил к концу — он трудился в саду до обеда). Вероника подождала, пока он закончит дела, и они вместе отправились на поиски старухи.

— Только едем на моей машине, — выдвинула она условие.

— Но я за рулем, — не остался в долгу Сергей.

Вероника согласилась. Не так уж сильно она любила водить. Автомобиль был для нее необходимостью, а не удовольствием.

— На что, собственно, ты надеешься? — поинтересовался Сергей, как только они отъехали. — Ей должно быть уже девяносто. Взгляни на Изольду Карловну, она и два слова связать не в состоянии.

— Ерунда, — отмахнулась Вероника. — Изольда Карловна, может, пребывает в плену своих заблуждений, но говорит она вполне связно. Не каждый молодой в состоянии этим похвастаться.

— Как знаешь, — пожал плечами мужчина.

Остаток пути они проделали молча. Вероника ощущала себя непривычно на пассажирском сиденье. На поворотах ее так и тянуло ухватиться за руль. Правда, Сергей оказался отличным водителем. «Рено» подчинялся каждому его движению.

Пару раз она поймала взгляд мужчины, брошенный на ее колени, и одернула юбку, чувствуя себя неловко.

— Я пойду с тобой, — заявил Сергей, когда автомобиль остановился перед избой.

Не дожидаясь реакции, он вышел из машины вслед за Вероникой. Вид одноэтажного дома внушал опасения.

Входная дверь, обитая дермантином, выглядела так, словно ее подрали одичалые коты. Из дыр свисали грязно-коричневые куски ваты. Стены, некогда выкрашенные в приятный оттенок молодой зелени, давно облупились. Лишь в паре мест цвет сохранил первозданную красоту. Забор вокруг дома давно покосился.

— Пошли, — Сергей толкнул калитку, и она, издав протяжный стон, отворилась. Мужчина первым шагнул к входной двери и постучал.

Ждать пришлось недолго. Спустя минуту дверь открылась. На пороге стояла бабка. Сморщенная и скукоженная она походила на сухофрукт. Бабка куталась в пуховую шаль и близоруко щурилась.

— Кто? — спросила она дрожащим голосом.

— Мне надо с вами поговорить, — промямлила Вероника, осознавая, как глупо это звучит. Она даже не потрудилась выяснить у Раисы, как зовут ее мать.

— Об чем это?

Бабка была на удивление подозрительной. Она смотрела на незваных гостей, как бизнесмен на внезапно нагрянувшего с проверкой налогового инспектора.

Вперед выступил Сергей. Он дружелюбно улыбнулся и сказал:

— Добрый день, Марфа Станиславовна. Как поживаете?

— Сerezка, ты че ли? — признав в нем знакомого, бабка, вмиг подобрев, распахнула дверь и пригласила Веронику со спутником в дом.

Внутри пахло кислой капустой. Запах показался Веронике аппетитным. Она обожала домашние соленья. Жалюзи у самой не получалось делать вкусные закрутки. Результаты ее потуг на этой почве отправлялись в мусорное ведро, так как есть их было невозможно.

Из сеней они попали в маленькую комнату. В углу стоял старый телевизор, накрытый сверху белой кружевной салфеткой. Ее точная копия лежала на журнальном столике. На застеленной кровати высилась гора из подушек.

Веронику поразил контраст внешней запущенности дома и внутреннего уюта. Она ожидала увидеть ободранные обои и обвалившуюся штукатурку, а вместо этого наткнулась на осколок советского прошлого в столь идеальном состоянии, что, чудилось, будто машина времени перенесла ее на несколько десятилетий назад.

— Щас чайку принесу, — с этими словами бабка отправилась на кухню.

Передвигалась она с трудом, шаркая ногами. От этого звук домашнего звука у Вероники засосало под ложечкой. Тоска по тому, чего она никогда не имела, накатила волной. Она стиснула зубы, изобразив интерес к фотографиям на стене, отворачиваясь тем самым от Сергея. Меньше всего ей хотелось, чтобы посторонний человек догадался о ее чувствах.

— Чайку? — Марфа Станиславовна вернулась с подносом в руках.

Она несла его так уверенно, что блюдца с чашками не дребезжали. Вероника отдала должное ее профессионализму. Бабка едва ходит, а выправка бывшей кухарки все еще при ней.

Марфа поставила поднос на стол и разлила чай в фарфоровые чашки с изображением Мадонны, потом устало присела в кресло. Напротив устроилась Вероника. Сергею достался табурет.

— Марфа Станиславовна, — обратился он к бабке, — моей знакомой нужна ваша помощь.

Он вкратце обрисовал ситуацию Вероники, не забыв упомянуть о ее сыне, наследстве и проклятии. Со стороны история звучала абсурдно. Вероника диву давалась, как ее угораздило ввязаться во все это. Вернуться в столицу — вот что надо сделать. Снова приступить к работе, пока ее не уволили. Конечно, Ирка позаботится о том, чтобы с местом бухгалтера ничего не случилось, но лучше с отгулами не затягивать. В столице ситуация с проклятием покажется нелепой выдумкой. Вдвоем с подругой они еще долго будут смеяться над ней.

Вероника настолько погрузилась в фантазии, что забыла, где находится. На краткий миг все встало на свои места. Страх отступил. Возвращение в реальность стало болезненным.

Она поморщилась, когда бабка обратилась к ней:

— Спрашивай, че ли, чаво хотела.

Сергей подбодрил ее улыбкой. Она у него была светлая и мальчишеская. Когда он улыбался, ему можно было дать лет сорок не больше. Даже седина на висках не портила картины. К тому же она была почти незаметна на светлых волосах.

— Вы помните семью Севериных? Вы работали у них, — сказала Вероника. — Расскажите об этом времени пожалуйста.

— Как жеш не помнить? Хорошая семья. Бохатая, — бабка заявила это с таким видом, точно наличие денег — главный критерий нравственности. — Я поступила туды совсем девчонкой, тады еще Леопольд был живехонек. Ох, и красавец он был! Весь в маменьку. Род у них такой.

Вероника мысленно нарисовала Бориса таким, каким он выглядел в их последнюю встречу. Она бы не стала утверждать, что он был так уж привлекателен. Высокий, чересчур худой и бледный. Невзрачный — это слово отлично подходило для описания ее бывшего сожителя.

— Не веришь? — бабка оказалась почище детектора лжи. Вмиг догадалась, о чем думает Вероника. — Борьку небось вспомнила. Эт он в мамку свою мордой пошел. Чаво взять-то с деревенской девки?

— Светлана Георгиевна из простой семьи? — не поверила Вероника. Судя по поведению свекрови, та принадлежала как минимум к знатному дворянскому роду, и в ее венах текла едва ли не царская кровь.

— Самой что ни на есть простецкой. У Светки отродясь своего ничего не было. Ее Леопольд голодранкой в дом привел. А гонору-то сколько, гонору-то. Быстро она всех за пояс заткнула.

Эта информация никак не помогла Веронике. Разве что теперь она будет чувствовать себя в присутствии свекрови увереннее. Не так далеко та от нее ушла.

— А как погиб Леопольд, Марфа Станиславовна? — спросил Сергей.

— Дык он в себя выстрелил. Бедняга, — покачала головой бабка. — Я опасяя целую неделю его мозги со стен кабинета соскребала.

От подобной откровенности Веронику замутило. Жуткие образы Митинового будущего пронеслись перед мысленным взором.

— А из-за чего он застрелился? — Сергей, между тем, продолжал изображать из себя детектива. Он наклонился вперед, уперев локти в колени, и впился в бабку взглядом.

Вероника обратила внимание на то, какие сильные у него руки. Из-за неудобной позы мышцы напряглись, и рукава рубашки плотно их облегли. Нет, ему никак нельзя дать сорок шесть лет. Максимум тридцать пять.

— Кто ж его разберет? — бабка, причмокивая, глотнула чая. — Мож Светка его со свету сжила, а мож бич ентот треклятый его достал.

— Бич? — повторила Вероника.

— Поговаривают, кады Арнольд себе петлю вязал, его последние слова были: «Гореть вам всем ясным пламенем!». Проклял он свою гулену-женушку и потомство ейное вместе с нею.

— За что же он так детей? — воскликнула Вероника. — Они в чем виноваты?

— Дык не евойный Леопольд был. Нагулянный. В том-то вся и беда.

Вероника потеряла дар речи. Она хорошо помнила разговор с Изольдой Карловной. Ни о каком внебрачном ребенке речи не шло. Вот и доверяй после этого людям.

— Я о таком не слышал, — признался Сергей.

— Не то шоб это была великая тайна, но о том помалкивали. Арнольд помер. Чаво былое ворошить? Ему одному и было дело кто чейный сын, а остальным-то ненадобно вмешиваться.

— Но как так получилось? — теперь уже Вероника подалась вперед, жадно ловя каждое слово бабки.

— Я тады еще малюткой была, но мамка мне рассказывала, что будто бы Изольда в молодости чудо как хороша была. Все парни на нее заглядывались. Имелся у ней один дружок, любовь у них приключилась. Но родители рассудили иначе. Отдали девку за богатого. А она — кровь с молоком, сердце ретивое — наказ родителей выполнила,

да старую любовь не забыла.

— И все время, что Арнольд и Изольда состояли в браке, она изменяла мужу со своей первой любовью? — догадался Сергей.

Бабка в ответ лишь пожала плечами.

— У Арнольда были причины покончить с собой, но почему это сделал Леопольд? — Вероника говорила сама с собой и не ожидала ответа.

— Тута сложно сказать. Знаю только, што имелась у няго полюбовница. Поговаривали, будто он к ней от Светки уйти хотел.

— Вы случайно не помните, как ее звали? — с надеждой поинтересовалась Вероника.

Но здесь ее постигло разочарование: бабка покачала головой. Она выглядела уставшей. Разговор ее утомил. Вероника поняла, что пора откланяться. Поставив чашку на поднос, она встала.

— Спасибо за рассказ. Вы нам очень помогли.

Сергей поднялся вслед за ней. Он горячо поблагодарил Марфу Станиславовну и сказал, что выход они найдут сами.

На улице Вероника окончательно пришла в себя. Совершив обратный скачок во времени, она снова вернулась в привычную действительность. На свежем воздухе мысли понеслись вскачь. Она перебирала новые факты, пытаясь увязать их с теми, что уже известны и все больше склонялась на сторону Арнольда. У последнего были все причины для злости. Но способна ли ненависть породить проклятие? До этого дня Вероника относилась к сверхъестественному к выдумке. Даже карточные гадания, которыми увлекались девчонки в школе, считала бессмысленным занятием. Как после этого поверить в реальность проклятия?

— Что ты об этом думаешь?

Вопрос Сергея вывел ее из размышлений. Вероника, сев в «Рено», ответила:

— Все это, по меньшей мере, странно. Три самоубийства, разница между которыми примерно лет в тридцать. Не будь все погибшие из одной семьи, я бы сказала, что это совпадение.

Сергей крутанул руль, выводя автомобиль на дорогу, и заметил:

— Что бы это ни было, расследование бросать рано. Мы только в начале пути.

— И что нас ждет в конце?

Вопрос остался без ответа.

* * *

— Как мне поступить? — Вероника посмотрела на Сергея в надежде, что он разрешит дилемму.

Всю обратную дорогу она размышляла над одной проблемой: теперь, когда известно, что Изольда Карловна соврала, следует ли уличать старушку во лжи? Веронике хотелось выяснить, как в действительности обстояли дела. Был ли Леопольд неродным Арнольду или слухи о неверности его жены преувеличены? И если это все-таки правда, то кто его настоящий отец? Жив ли он до сих пор?

Весь поток вопросов Вероника обрушила на Сергея, как только «Рено» притормозил у дома. Садовник слушал, не перебивая. Когда она выдохлась, он сказал:

— Изольда Карловна не так проста, как может показаться. Если она сразу не сказала правду, то не факт, что ее вообще удастся разговорить.

Вероника хмыкнула. А ведь он прав. Что бы ни скрывала старушка, она определенно желает, чтобы это и дальше оставалось в тайне.

— Что же тогда делать? Как все разузнать?

— Изольда Карловна ничего не выкидывает, — поделился Сергей своим наблюдением. — Особенно бережно она хранит то, что напоминает ей о молодости.

— Верно. Я была у нее комнате. Там настоящая свалка.

— Возможно, где-то там хранится важная информация. Хотя бы о том же любовнике.

Чем глубже Вероника увязывалась в это дело, тем сильнее она жаждала докопаться до истины. Это желание толкнуло ее на отчаянный шаг.

— Я обязана отыскать эту информацию, — заявила она Сергею.

— Как ты это сделаешь? Старуха не покидает комнату. Но даже когда выходит, дальше коридора второго этажа не уезжает.

Вероника прикусила губу. Она была прирожденным бухгалтером. С детства любила все просчитывать. А, как известно, математический склад ума во многом схож с аналитическим, а потому идеально подходит для разгадывания всяких задачек. Кто бы мог подумать, что этот навык пригодится ей где-то помимо бухгалтерских отчетов.

На размышления ушла от силы пара минут. Вероника обратилась к Сергею:

— Ты мне поможешь.

— Буду стоять на шухере? — пошутил он.

— Неплохой вариант, но нет. Ты вывезешь Изольду Карловну в сад. Мне показалось, она скучает по прогулкам.

— Почему бы и нет? — улыбнулся Сергей. — Она будет рада проветриться.

— А я тем временем пороюсь у нее в комнате. Если повезет, найду что-нибудь стоящее.

Они договорились встретиться завтра.

Поднимаясь к себе в спальню, Вероника удивлялась своей неизвестно откуда взявшейся наглости. Та Вероника, которая покидала столицу пару дней назад, была скромной, тихой девушкой. Новая Вероника не имела с ней ничего общего. Она была полна решимости, видела цель и шла к ней, невзирая на приветствия.

Раньше она и не подозревала, что способна на такое. Если бы речь шла о ней, то она бы давно сдалась. Но ради Мити – краеугольного камня ее существования, его причины и следствия – она могла ни то что горы свернуть, но и вовсе изменить ландшафт планеты до неузнаваемости.

Вечером ей позвонил Владимир. Говорил о том, как прекрасно они провели время в прошлый раз, снова приглашал на свидание. Вероника ответила, что подумает. Ей было неловко заниматься устройством личной жизни, пока все вокруг рушится.

Будущий обыск комнаты Изольды Карловны взволновал ее больше, чем она предполагала. Чтобы заснуть, Вероника выпила полтаблетки снотворного, которое ей прописали года четыре назад в один из самых тяжелых периодов ее жизни. Работы не было, денег тоже, на руках двух летний ребенок и обратиться за помощью было не к кому. Из-за стресса она почти не спала. Бессонница превратила ее в ходячую мумию: тощую, с запавшими глазами и землистым цветом лица. Только благодаря этим таблеткам она вернула полноценный сон. Чуть позже в ее судьбе появилась Ирина, а вместе с ней должность бухгалтера, и нужна в таблетках отпала, но Вероника до сих пор хранила несколько штук про запас. Как раз для таких случаев.

Снотворное действовало безотказно. Спустя двадцать минут она заснула, и видения ее не тревожили.

Сергей зашел за Изольдой Карловной около десяти утра. Приоткрыв дверь, Вероника через щель наблюдала, как он вывозит старушку из комнаты и катит кресло к лестнице. Послышались сухие щелчки – это колеса стучали о ступени. Вскоре все стихло.

Вероника вышла в коридор и выглянула в окно, убеждаясь: прогулка идет своим чередом. Сергей установил кресло на солнышке, которое сегодня по-летнему припекало, и о чем-то болтал с Изольдой Карловной. Судя по улыбке последней, она была довольна. Это немного успокоило совесть Вероники. В некотором роде она совершила добрый поступок.

Вероника пробралась в комнату старухи. Сделать это было легко: дверь не заперли. Но внутри она растерялась, не зная с чего начать. Чтобы перебрать все стопки бумаг и заглянуть во все ящики понадобилась бы ни одна неделя, а у нее от силы есть пара часов. Покрутив головой, она остановила выбор на секретере. Он внушал оптимизм.

К сожалению, впечатление оказалось обманчивым. Секретер, в самом деле, хранил огромное количество информации. Жаль, бесполезной.

Зато теперь Веронике была известна точная дата свадьбы Изольды Карловны, а также когда родился и умер ее сын. Из папки с газетными вырезками она выяснила все о жизни города. Из фотоальбома узнала, как выглядела старушка в молодости. Те, кто говорил о ее красоте, не преувеличивали. Она была из той породы женщин, из-за которых идут на подвиги и рождаются королевства, открываются новые земли и слагаются легенды. Можно вообразить, какой фурор производил каждый ее выход в свет в провинциальном городе. Таких женщин принято называть роковыми. Не удивительно, что именно она положила начало череде трагических событий.

От секретера Вероника перешла к прикроватной тумбе. Там она поживилась несколькими фотографиями Леопольда. Изольда Карловна заключила их в рамку из чистого серебра и хранила поближе к себе. Вероника представила, как старушка смотрит на фото перед сном, вспоминая сына. От мысли, что схожее будущее ждет и ее, вспотели ладони, и она едва не выронила рамку. Родители не могут жить дольше детей. Ни один грех не должен наказываться столь сурово.

Полная сочувствия к Изольде Карловне Вероника приступила к изучению комода. Но и здесь ее ждало разочарование. Ничего кроме вороха старых писем найти не удалось. Увы, все они содержали официальную переписку по работе фабрики. Та давно перестала существовать, но здесь – в изолированном мирке Изольды Карловны – она по-прежнему являлась частью реальности.

Взгляд на часы дал понять, что ее время истекло. Пора было покидать комнату старушки, пока та не вернулась. Как только Вероника выскользнула в коридор, со стороны лестницы донеслись характерные звуки: Изольда Карловна возвращалась в свои владения.

Вероника укрылась в спальне, чтобы не столкнуться со старушкой. Слишком велик был соблазн попробовать разузнать, отчего та соврала о происхождении Леопольда. Неужели причина в банальном стыде? Молодая женщина на фотографиях не походила на скромницу. Объектив фотоаппарата четко уловил и навеки запечатлел огонь страсти в ее глазах. Такие люди не привыкли подчиняться. Они скорее изменят мир вокруг себя, чем поменяются

сами. Вероятно, смерть мужа подкосила Изольду Карловну сильнее, чем можно представить. Вероника не заметила в пожилой женщине этого огонька. Он давно потух.

Поиграв с сыном, Вероника вышла в сад, поделиться с Сергеем результатами обыска, а точнее их полным отсутствием. Мужчина сразу обратил внимание на ее мрачный вид и спросил:

— Не повезло?

— Не то слово. Там работы непочатый край. Надо завтра будет повторить все еще раз.

— Не выйдет, — покачал он головой. — В последний раз Изольда Карловна была на улице около года назад. Еще до инсульта. Если будем усердствовать, она быстро догадается, что дело нечисто.

В словах Сергея было разумное звено. Но Вероника не имела права сдаваться.

— Речь идет о жизни моего сына. Я не могу ждать год, прежде чем вернуться в комнату.

— Ему пока только семь. У тебя в запасе минимум лет двадцать.

От возмущения Вероника не нашлась с ответом. Осознав, что сказал глупость, Сергей пошел на попятную:

— Ну, хорошо. Я попробую. Завтра в это же время.

На следующий день все повторилось. Снова Сергей забрал Изольду Карловну на прогулку, а Веронике пробралась к ней в комнату. На этот раз она первым делом разобрала стопку бумаг на подоконнике. Желтые от времени страницы были исписаны аккуратным почерком. Буквы с завитушками жались одна к другой ровными рядами, хотя листы не были разлинованы. Почерк оказался прост для понимания. Пробежав глазами пару страниц, Вероника поняла, что ей в руки попал дневник Изольды Карловны или, по крайней мере, его часть. Записи шли не по порядку и без обозначения дат.

Увлеченная чтением, Вероника присела в кресло. Она полностью погрузилась в текст, позабыв о времени. Окружающие звуки отошли на второй план. Жизнь Изольды Карловны была полна удивительных событий и переживаний.

Но спустя пару листов характер записей резко изменился. Из беззаботного он стал мрачным, полным безнадежности. Это был тот период, когда повесился Арнольд. Вина буквально сочилась из текста, хлестала через край. Изольда Карловна обвиняла себя пусть в косвенном, но все же убийстве.

Вероника с трудом сдерживала слезы, так растрогало ее содержание дневника. По всему выходило, что Изольда Карловна любила мужа. Только поняла это слишком поздно.

В тот самый момент, когда Вероника, хлюпая носом, перевернула очередную страницу, дверь отворилась, и в спальню вкатилось инвалидное кресло.

Вероника обомлела. Ее застукали на месте преступления: в комнате, где ее не должно быть, да еще с чужим дневником в руках.

Позади кресла маячил Сергей. Он виновато развел руками, словно извиняясь. Наверняка он шумел, как мог, поднимая кресло наверх, но Вероника слишком увлеклась чтением.

Первой молчание нарушила Изольда Карловна:

— А я-то все думаю, с чего мне вдруг столько внимания уделяют.

Щеки Вероники запыхали, как если бы к ним проложили раскаленные ложки. Старушка догадалась об их с Сергеем плане.

— Ступай, Сережа. У тебя много работы в саду. Дальше я сама.

Сергей не посмел ослушаться. Прежде чем оставить Веронику наедине с Изольдой Карловной, он послал ей полный сочувствия взгляд. «Крепись!», — означал тот. И она крепилась. Ничего другого ей не оставалось.

Дверь за садовником закрылась, и старушка подкатила инвалидное кресло на привычное место — прямо напротив Вероники. Изольда Карловна вытянула шею, заглядывая в бумаги, усмехнулась беззубым ртом и спросила:

— Интересно?

— Вам бы романы писать, — похвалила Вероника.

— Это чтобы ничего не забыть. С возрастом память притупляется.

— Вы написали это недавно? — поразилась Вероника. Она-то думала, что записи сделаны в те года, когда случились описанные в них события. Стало ясно, почему в дневнике отсутствуют числа. Старушка просто не помнила точные даты.

— После инсульта начала. Пусть хоть что-то от меня останется потомкам.

— Я должна извиниться, — пробормотала Вероника. — Я вломилась к вам в комнату, читала ваш дневник. Мне ужасно стыдно.

— Боишься за сына? — вместо ожидаемого порицания спросила Изольда Карловна.

Вероника кивнула.

— И правильно делаешь. Это мужчины пока гром не грянет, не перекрестятся, а мы — женщины — обо всем заранее думаем. Вдруг грозу миновать получится, тогда и креститься не придется.

— И все-таки я поступила некрасиво, — вздохнула Вероника.

— Согласна. Могла бы прийти ко мне и попросить, что тебе надо. Разве бы я отказала?

— Вы мне солгали! — обвинение сорвалось с языка против воли.

Изольда Карловна поджала губы. Глаза старушки полыхнули огнем, в котором Вероника углядели отголоски того пламени, что видела на фотографиях. Значит, есть еще порох в пороховницах!

Ни годы, ни тяготы, ни потери не уничтожили эту искру. Вероника невольно позавидовала старой женщине. В ней самой подобной искры отродясь не было. Она, как это принято говорить, была заурядной. Милой, симпатичной, но заурядной. Без изюминки. Причина крылась в интернате, где выросла Вероника. Там она усвоила одну простую истину: чем меньше на тебя обращают внимания, тем лучше.

— Я рассказала тебе все, что имело значение, — процедила Изольда Карловна.

— Про то, что Леопольд не сын вашего мужа вы умолчали. Будете утверждать, что это неважно?

Старушка отвернулась от Вероники. Она смотрела на лес, виднеющийся из окна спальни. Вероника заметила: та часто к нему обращалась, будто советовалась. Ей стало не по себе. Отчетливо вспомнился недавний кошмар: повешенный пристально глядит на нее. Она неосознанно окинула взглядом кромку леса. Убедилась: там никого нет.

— Буду, — наконец, проворчала старушка. — Это касается только меня и Арнольда.

— Но ведь сразу ясно, почему он проклял вас, ваших детей и внуков. Все потому, что сын не его!

— Он бы никогда так не поступил! — взвилась Изольда Карловна.

— Вы сами рассказали мне о проклятии. Вы верите в него. А когда я нашла ему объяснение, утверждаете, что я не права.

Старушка опустила голову и закрыла лицо руками. Жест был одновременно трогательным и виноватым. Вероника поняла, что давить бесполезно. Да и смысла нет. Своим поведением Изольда Карловна подтвердила слухи.

— Хотя бы скажите: он жив? Настоящий отец вашего сына.

— Нет, его уже давно нет.

Вероника тихонько встала с кресла, положив листы дневника обратно на подоконник. Она собиралась покинуть комнату, но Изольда Карловна схватила ее за руку. Вероника остановилась и оглянулась на старушку.

— Забудем обо всем. Я тебя простила. Позволь тебе помочь.

Не успела Вероника отреагировать, как старая женщина подкатила кресло к стопке книг в углу за кроватью. Несколько минут она перебирала их, в итоге остановив выбор на «Острове сокровищ» Стивенсона, выгащила книгу из общей кучи и встряхнула. На пол выпали два скрепленных между собой листа. Отбросив книгу, Изольда Карловна подняла листы и протянула их Веронике.

— Что это? — спросила она.

— Взгляни сама.

Вероника взяла документы. Тонкая бумага слегка подрагивала в напряженных пальцах. Она сняла скрепку, разделив страницы. В центре обоих листов было написано несколько предложений от руки. Было видно, что писали их разные люди – подчерки отличались, но, удивительное дело, тексты были идентичны, как братья близнецы. «Я все обдумал и решил. Прощайте», – прочла Вероника и на первом, и на втором листе.

Смутное узнавание шевельнулось на задворках сознания. Недавно она читала нечто подобное. Вспомнить бы где.

На помощь пришла старушка, пояснив:

— Это предсмертные записки. Та, которую ты держишь в левой руке, принадлежит моему мужу, а та, что в правой – сыну. После расследований я попросила отдать их. Мне пошли навстречу, и я сохранила записки.

— То же самое написал Борис, — прошептала Вероника. Не считая приписки на обратной стороне, прощальное письмо Бориса копировало те, что она держала в руках. У Вероники мурашки по коже побежали. Никогда прежде она так остро не ощущала близость потустороннего. Она точно заглянула за занавесь привычной жизни и там ей открылась поразительная картина: все причины и следствия бытия вовсе не такие, какими люди привыкли их видеть.

— Теперь ты веришь в проклятие? Ни мой сын, ни тем более внук не знали содержание записки Арнольда. Это он пришел за ними. Он руководил их рукой, когда они писали последние в своей жизни строки.

Глава 10

Митя с трудом дождался вечера. Он едва не прыгал от радости, когда за окном сгустились сумерки. Обычно они с мамой болтали перед сном. Он рассказывал ей, как прошел день, она внимательно слушала и давала советы. Но в этот раз Митя начал зевать почти сразу, как она вошла. Старательно изображая усталость, он прикрыл глаза. Маме ничего не оставалось, как выключить свет и уйти.

Митя еще долго лежал в постели, прислушиваясь к шорохам. Убеждался, что все уснуло. Лишь после того, как

дом окончательно затих, он откинул одеяло и встал. Залез под кровать и вытащил найденную на чердаке доску.

Как был в пижаме, он уселся на пол и пристроил доску перед собой. За день она странным образом изменилась. От нее уже не веяло восхитительным ароматом хвои, да и на ощупь она была холодной. Митя смотрел на нее и недоумевал, что притягательного он нашел в этом куске древесины?

Он покрутил доску, перечитал алфавит, но былое очарование не вернулось. Митя расстроился. Выходит, он провел день в напрасном ожидании. Лучше бы он забрал с чердака модель машинки или ту же юлу.

Он хотел спрятать доску обратно, а завтра вернуть ее на место, когда увидел валяющийся в пыли под кроватью треугольник. Он совсем забыл, что к доске прилагался этот бесполезный на первый взгляд предмет. Митя лег на живот и вытянул руку. Он выбрался из-под кровати весь в комьях пыли, зато с зажатым в кулаке треугольником.

Как только он опустил треугольник на доску, та магическим образом преобразилась. Точно фея взмахнула волшебной палочкой. Митя снова ощутил волны тепла и терпкого аромата хвои. Доска и треугольник были так тесно связаны друг с другом, что один без другого не могли существовать. Все чародейство заключалось в том, чтобы их соединить.

Но вот как и куда применить эту силу? Митя задумался. Размышляя, он возил треугольником по доске. Просто так. Не отдавая отчета в своих действиях. В какой-то момент он убрал руку, и произошло невероятное: треугольник без всякой помощи со стороны продолжил двигаться. От буквы к букве. Как если бы набирал слово. К-А-Б-И-Н-Е-Т – прочитал Митя, прежде чем в ужасе отпрянул от доски.

Он пытался, пока спина не уперлась в стену. Треугольник продолжал двигаться, но с этого ракурса Мите не было видно букв. Да он и не хотел их видеть! Доска напугала его. Идея поиграть с ней уже не казалась хорошей. Зачем он вообще полез на чердак? Лучше бы смотрел с няней сериал.

Треугольник замер. Он больше не елозил о дерево, скребя его точно кошка. Комната погрузилась в тишину. Звенящую, настороженную тишину. Митя чувствовал: треугольник остановился не просто так. Он выжидает.

Тепло идущее от доски возросло. Казалось, в центре комнаты находится не кусок дерева, а пышущая жаром печка. Стало душно. Митя дышал часто и прерывисто. Кислорода с каждой минутой становилось все меньше. Митя попытался закричать, но звуки не желали покидать горло. Доска словно требовала, чтобы он приблизился и прочитал сообщение.

Он был вынужден подчиниться. На коленях подполз обратно к доске. Не очень близко, так чтобы взглянуть одним глазком и сразу отпрянуть на безопасное расстояние. Вытянул шею и прочитал короткое слово «да». Но он не задавал вопроса!

Стоило прочесть послание, как все пришло в норму. В комнату вернулся кислород и нормальная температура, а к Мите голос. Распахнув рот, он завопил во всю глотку.

Крик в считанные мгновения поднял на ноги дом. Вскоре в спальню ворвалась растрепанная мать. Никогда прежде он не видел ее такой взволнованной.

Как только появилась мама, Митя смолк. Одним своим видом она разогнала кошмар, вырвав его из цепких лап ужаса. Всклипывая, он поднялся с колен и бросился к ней в объятия.

— Тихе, тихе, мой маленький, — нашептывала она ему на ухо. — Мама уже здесь. Я не дам тебя в обиду.

Митя искренне верил, что так и будет. Мама сумеет его оградить от всех невзгод. В том числе и от жуткой доски с треугольником, который двигается сам по себе.

В комнате зажегся свет. Митя оторвал зареванное лицо от плеча матери. В дверном проеме стояла бабушка Света. В запахнутом и подвязанном халате, с забранным в хвост волосами, в руках вечная спутница – трость со злобным грифоном – она выглядела так, словно тщательно готовилась к выходу из спальни. Лицо у нее было крайне недовольное.

— Что стряслось на этот раз? — бабушка окинула комнату взором схожим на взор грифона: стены, кровать Мити и, наконец, пол, где ее взгляд споткнулся о доску. — Как она здесь очутилась? Это ты ее принес?

Бабушка шагнула к Мите. Он спрятался за спиной мамы, которая выпрямилась в полный рост.

— О чем вы говорите? — мама преградила путь надвигающейся на него бабушке.

— Спиритическая доска, — та указала на пол. — Что она здесь делает?

— Я не хотел, — опережая материнский гнев, пробормотал Митя. Он осознавал, что поступил дурно, но как объяснить взрослым, что доска практически заставила взять ее с собой.

— Это ты принес доску? — теперь уже и мама повернулась к нему и смотрела строго-престрого.

— Я, — Митя повесил голову. Лучше признаться во всем и получить заслуженный нагоняй, чем увилить и быть наказанным вдвойне: за проступок и обман.

— Зачем? — поразилась мама. — Где ты ее взял?

— На чердаке, — он проигнорировал первый вопрос. Ответ на него находился за гранью нормальности.

— Ты ходил на чердак?

Митя не понял, к чему переспрашивать. Как бы он мог взять доску с чердака, если не был там?

— Это все ваша хваленая няня, — мама обернулась к бабушке, и он облегченно вздохнул. Пусть она направит свой гнев на нее.

— Ни к чему сваливать с больной головы на здоровую, милочка, — парировала бабушка. — Если ты не в силах воспитать сына, винить надо только себя. Няня тут ни при чем.

— Митя – хороший мальчик. Просто он подвижен, как все дети. Я бы проверила, чем ваша няня занимается вместо того, чтобы присматривать за ребенком.

— Твой золотой мальчик – вороватый лунишка. Это ты тоже спишешь на растущий детский организм? — бабушка указала на Митю концом трости, и он невольно съежился. Казалось, она вот-вот проткнет его.

— С меня довольно, — голос у мамы звучал обиженно. Мите было жаль маму, и он взял ее за руку, чтобы поддержать. — Идем, сынок. Сегодня ты будешь спать со мной.

Обрадованный этой новостью, он пошел вслед за мамой. Ни за что на свете он бы не остался на ночь в своей комнате.

— Прекрасно, — в спину им сказала бабушка, — ребенок нашкодил, а ты его поощряешь. Чудесный воспитательный ход.

Мама не ответила, она только ускорила шаг, едва ли ни насильно впихнула Митю в спальню и хлопнула дверь.

— До чего вредная женщина! — покачала она головой.

— Ты сердисься? — спросил Митя.

— Не на тебя, — она потрепала его по голове. — Хотя ты тоже был не на высоте.

— Как это понять «не на высоте»? Мы как раз на высоте – на высоте второго этажа.

— Я хотела сказать, что ты плохо себя вел. На кой тебе понадобилась эта доска? Зачем ты вообще полез на чердак?

— Мне было скучно, — признался Митя, прячась под одеяло. Постель была мягкой и удобной. А когда мама легла рядом с ним стала еще и неприступной.

— Ты убежал от няни?

— Она постоянно смотрит сериалы, а они такие занудные.

— Ну, хорошо, — мама подоткнула одеяло, чтобы ему слаще спалось. — Но зачем ты взял доску?

— Она меня об этом попросила, — шепотом признался Митя, наблюдая за мамой через полуприкрытые веки.

— Как так? — она озадаченно нахмурилась. — Словами?

— Нет, но я чувствовал, что она хочет пойти со мной.

— Почему тогда ты кричал?

— Потому что доска меня напугала, — Мите было неприятно вспоминать об этом, но ради мамы он сделал над собой усилие.

— Как именно она тебя напугала?

— Треугольник двигался сам по себе. Он показывал мне буквы.

— Какие буквы? — спросила мама и замерла в ожидании ответа.

— Это были буквы К, А, Б, И, Н, Е, Т, а потом я испугался и больше не читал. В конце доска сказала мне «да».

— А ты о чем-то ее спрашивал?

— Нет.

Мама наклонилась к нему и поцеловала в лоб. От прикосновения ее губ по телу разлилось тепло, словно он выпил чашку горячего какао.

— Спи, малыш, — она погладила его щеку. — Тебе приснился дурной сон, как и мне недавно. Но теперь все позади.

Митя хотел возразить. Сказать, что он не спал, и все было взаправду, но усталость дала о себе знать и он заснул.

* * *

Кто-то толкнул Веронику в спину. Будто холодная ладонь легла ей между лопатками. Всего на один краткий миг, но этого хватило для пробуждения.

Вероника часто заморгала, осознавая, где находится. Она лежала в постели. Рядом во сне тихо посапывал Митя. Из-под одеяла виднелась лишь его макушка. Сын сладко спал, надо было поддаться дреме и снова прилечь рядом с ним, но Вероника никак не могла успокоиться. Тишина, царящая в комнате, должна была успокаивать, но только не в этот раз.

Сердце билось о ребра. Вряд ли она сможет уснуть. Надо умыться. Раньше это нехитрая процедура помогала привести мысли в порядок. Вода смывает все наносное, уносит печали.

Вероника с наслаждением ополоснула лицо и шею. Туман в голове рассеялся, сердце возвратилось к привычному ритму, но напряженные нервы и не думали расслабляться.

В коридоре по пути к спальне Веронике почудилось, что на лестнице кто-то есть. Она была готова поклясться, что слышала шаги. Человек медленно, не скрываясь, спускался в холл. Первым делом она подумала про Светлану Георгиевну. Но та ходит с тростью, и ее походка сопровождается ударами палки о пол. Звонкое «транг» ни с чем нельзя спутать. Ничего похожего с нынешним шумом.

Кто кроме свекрови может разгуливать по дому среди ночи? Кандидатура Изольды Карловны отпадала из-за инвалидного кресла. Раиса на ночь возвращается к престарелой матери. Она, как и Сергей, не ночует в доме. Митя спит. Она видела его в щель неплотно прикрытой двери. На этом список возможных ночных гуляк обрывался.

А что если это вор? Пробрался в дом и хозяйничает на первом этаже. И, может, статья, вот-вот доберется до второго. Вдруг он вооружен? От этой мысли сердце Вероники забилося сильнее прежнего. Она убеждала себя, что всему виной старые половицы, но истошный вопль шестого чувства заглушал тихий голос разума.

Вместо того чтобы вернуться в спальню, Вероника шагнула к лестнице. Она с опаской выглянула из-за угла, прижимая потные ладони к стене. Никого. Только почудилось, будто мелькнула чья-то спина на повороте в дальний коридор первого этажа. Может, всего-навсего мираж. Преломление лунного света. А, может, что похуже.

Чувствуя, как дрожат колени, Вероника ступила на лестницу. Она шла аккуратно, вымеряя каждый шаг, чтобы ни одна ступень не скрипнула под ногами. При этом она трусила так отчаянно, что впору было отказаться от глупой затеи со слезкой. Но что-то неизменно толкало ее вперед. Точно чужая рука по-прежнему давила в область между лопатками, как и в момент пробуждения.

До конца лестницы Вероника успела многое передумать. Например, она думала о том, чтобы позвать на помощь. Но кого? Можно догадаться, что ответит ей Светлана Георгиевна, если она разбудит ее второй раз за ночь. А больше в доме помощников нет. Был еще вариант позвонить в полицию. Но что им сказать? Что ей привиделся человек? Первый же вопрос будет: «Вы сегодня пили?».

По всему выходило, что ей предстоит разобраться во всем самостоятельно. А уже потом, если понадобится, звать на помощь и звонить куда следует.

Первый этаж встретил ее безмолвием. Через распахнутую дверь в гостиную в холл проникал свет. Полосой он пролегал по центру пола, напоминая лунную дорожку на озере. Но чтобы догнать призрачную фигуру, Веронике необходимо было свернуть за угол: в мрачный, лишенный всякого намека на освещение коридор. Она ни разу не забредала туда, а потому не знала, что он скрывает.

Из темного коридора донесся четкий звук – хлопнула дверь. Вероника вздрогнула и перекрестилась. Прежде она не замечала в себе особой религиозности, но рука непостижимым образом знала, что делает.

Вероника глубоко вздохнула и задержала дыхание. Она чувствовала себя парашютистом. Вот сейчас она сделает шаг в темноту, как прыгнет с самолета, ветер подхватит ее и закружит. Голова, в самом деле, закружилась, как только она пересекла полосу света и очутилась во мраке, но она все еще твердо стояла на ногах. Разве что колени немного подрагивали.

Вытянув руки перед собой, чтобы не наткнуться на препятствие, она продвигалась вперед. За пару минут глаза привыкли к скудному освещению, и Вероника начала различать окружающие предметы. Она обратила внимание на открытую дверь. Та словно ждала ее. Вероника приняла приглашение и шагнула в комнату.

Это был кабинет. Вспомнилось слово, что Митя прочел на спиритической доске. Совпадение или знак?

Широкое, будто экран в кинотеатре, не зашторенное окно располагалось напротив двери. Лунный свет на миг ослепил Веронику. Она часто заморгала, пытаясь навести фокус, но картинку искажали выступившие на глазах слезы.

Ряды полок, забитые книгами. Корешки напоминали кирпичную кладку. Ковер на полу. Алый как мак. С ромбами разных оттенков и размеров. Стол на толстых ножках у окна. Кресло с бархатной обивкой. Так и тянет провести по нему ладонью, ощутить, как ткань скользит по коже. Обстановку кабинета зрение выхватывало поэтапно, одно за другим.

Взгляд задержался на столе. Слезы высохли, но Вероника все равно не могла поручиться за то, что увиденное реально. Кресло слегка прогнулось, будто приняло тяжесть человеческого тела. Вероника прищурилась. То ли ракурс сменился, то ли освещение поменялось, но ей показалось, что за столом сидит мужчина: темные волосы, орлиный нос, волевой подбородок. Лунный свет струился вокруг фигуры и в то же время будто через нее.

Вероника моргнула. И вот уже мужчина лежал на столе лицом вниз. Вместо левой части лица было кровавое месиво. Красная жидкость струйкой стекала на ковер. А тот всасывал ее, как ненасытный вампир. Рука незнакомца сжимала револьвер, ствол которого дымился, как если бы выстрел прогремел секунду назад.

— Леопольд, — выдохнула Вероника. Перед ней был сын Изольды Карловны. Тот самый, который застрелился.

Едва лишь она произнесла имя, как мертвец поднял голову и посмотрел на нее. Совсем как повешенный несколько дней назад. И взгляд у него был в точности такой же: пустой, мертвый. Пуля вошла через висок и вышла с другой стороны, разворотив череп. Кровь текла по щеке покойника, собираясь в уголке губ.

Веронику затошнило. Больше всего на свете ей хотелось с визгом броситься прочь из кабинета, но холод сковал

ее по рукам и ногам. Температура в комнате резко упала. Дыхание вырывалось изо рта белым паром, точно она выдыхала сигаретный дым.

Мертвец подался к ней навстречу, лег грудью на стол. Он тянул к ней руки, будто намеривался вцепиться в нее бледными пальцами. Вероника прикрыла ладонями лицо, защищая голову. И в этот миг ее окликнули:

— Что ты здесь делаешь?

От голоса Светланы Георгиевны Вероника пришла в себя. Она указала на стол, стараясь не смотреть в его сторону, и пробормотала:

— Там, там...

— Что ты мямлишь? — в своей обычной манере проворчала свекровь. Она вошла в кабинет и приблизилась к столу.

Вероника проследила за ней взглядом. Стол выглядел, как обычно. Никаких следов покойника или крови. Словно и не было их никогда.

Глава 11

Вероника лежала в постели. Рядом во сне тихо посапывал Митя. Из-под одеяла виднелась одна макушка. Сердце Вероники оглушительно билось о ребра. Она дико замерзла, будто провела последние часы не в постели, а в холодильной камере. Ее колотило. зуб на зуб не попадал. Желая согреться, она укуталась в одеяло и принялась растирать предплечья, чтобы кровь быстрее побежала по венам.

Светлана Георгиевна выставила ее из кабинета и велела вернуться в кровать. Никогда еще Вероника не выполняла указы свекрови с таким рвением.

Воспоминания о видении казались реалистичными, и было трудно убедить себя, что покойник ей пригрезился. Но она сумела. Списала ужас увиденного на собственную впечатлительность. Сын рассказал про спиритическую доску, и она напридумывала не весь что — контакт с призраком.

Дом дурно на нее влияет. Прежде ей редко снились кошмары, а теперь что ни ночь, так очередное испытание для нервов. Надо заглянуть в аптеку и купить успокоительное. Это была последняя мысль перед тем, как она заснула. Остаток ночи прошел без сновидений.

Весь следующий день мысли Вероники то и дело возвращались к кабинету. Как если бы кто-то намеренно напоминал ей о нем. Чем больше думала о Леопольде, тем сильнее росла в ней уверенность, что она обязана побывать в кабинете еще раз.

После обеда Вероника напрямик из столовой свернула в коридор, по которому гуляла ночью. Днем он выглядел безобидно.

От заветной двери ее отделяла пара шагов, когда она услышала Светлану Георгиевну: — Куда это ты опять идешь?

— Решила изучить дом, — она повернулась к свекрови. Та стояла в начале коридора, точно стражник. — Вы за мной следите?

— Вот еще! Только нечего тебе здесь шастать. А может, — Светлана Георгиевна подозрительно сощурилась, — ты решила прикинуть, как будешь здесь всем распоряжаться, когда меня не станет?

— О чем вы?

— Да все о том же. Думаешь, я не вижу, что ты только и ждешь, чтобы заполучить особняк, а вместе с ним и все наследство?

Вероника закатила глаза. Это было чересчур, и она не сдержалась:

— Ваше наследство пустые слова. Я отлично знаю, что вы разорены. Фабрики давно нет. Дом денег не приносит. На что вы живете? Хватит уже строить из себя королеву. Вы родились простой деревенской девчонкой, вот и оставайтесь ею. Будьте проще и люди к вам потянутся.

Лицо Светланы Георгиевны пошло красными пятнами. Вероника переборщила, но идти на попятную и извиняться не собиралась. Впервые в жизни она сказала, что думает и чувствовала себя при этом великолепно. Гордо вздернув подбородок, она прошла мимо свекрови.

— Нахалка! — прокричала та ей вслед.

Но Веронике не было дела до попыток Светланы Георгиевны ее оскорбить. Жаль, только попасть в кабинет не удалось. Надо будет попытаться счастье в другой раз. Например, ночью, когда все будут спать.

Вероника с нетерпением и вместе с тем со страхом ждала приближение вечера. С одной стороны ей хотелось как можно скорее попасть в заветную комнату. Но что если привидение поджидает ее там? И неважно верит Вероника в призраков или нет. Тело решало за нее. Стоило подумать о кабинете, как волоски на руках вставали дыбом.

Часы пробили десять вечера. Вероника уложила Митю спать. Он согласился ночевать у себя в спальне после того, как она уверила его, что спиритическую доску вернули обратно на чердак. Выйдя из комнаты сына, она для

порядка свернула в свою. Подождала полчаса, прежде чем снова высунуться в коридор. Несколько минут Вероника стояла на месте, прислушиваясь к шумам в доме. Она убедилась, что все спят, и спустилась на первый этаж. Там ее ждало разочарование: дверь в кабинет была заперта. Сколько она не дергала ручку, результата это не принесло. На память пришло, что Раиса хранит ключи от всех комнат на доске в кухне.

Отыскать доску было несложно. Ключи висели на маленьких крючках без подписей или других опознавательных знаков. Вероника узнала ключ от чердака. Она видела, как Светлана Георгиевна запирала им чердак после того, как отнесла туда спиритическую доску. Этот ключ висел в самом верху, венчая пирамиду из остальных ключей. Что если они расположены в строгом порядке: те, что открывают двери на первом этаже в самом низу; те, что от второго над ними. На линии первого этажа было пять ключей. Она сгребла их в кучу и направилась подбирать нужный.

С третьей попытки ей повезло: дверь в кабинет открылась. Вероника осторожно кончиками пальцев толкнула ее. Нелегко было снова войти сюда. Посмотреть на полки с книгами-кирпичами, на ковер едкого алого цвета, на массивный стол и, конечно, на уютное кресло. Вероника зажгла настольную лампу с зеленым абажуром. Комната окрасилась в приятные оттенки зелени. Даже ковер на полу уже не выглядел отталкивающе.

Вероника обошла комнату по часовой стрелке. Она сама не знала, что хотела здесь найти, но уходить не торопилась. Страх испарился. Наличие призрака не ощущалось, и она решила задержаться.

Повинуясь порыву, Вероника села в кресло. На то самое место, где она якобы видела привидение. Именно в этом кресле умер Леопольд. На обивке ручки, если присмотреться, можно было различить несколько крохотных пятен крови – свидетельство его смерти. Видимо, их не заметили во время уборки или же их невозможно вывести. Вероника провела по ним рукой, понюхала пальцы. Ничего. Характерный металлический запах крови давно выветрился.

Она откинулась на спинку кресла и закрыла глаза. Каково это знать, что ты сейчас умрешь от собственной руки? Она направила указательный палец себе в висок, имитируя револьвер, но ничего не почувствовала. Тогда Вероника сказала: «бах», – и повалилась лицом на стол, имитируя позу, в которой лежал Леопольд.

Столешница обожгла щеку, такой ледяной она была. Вероника открыла глаза. До этой минуты она пусть и смутно, но полагала, что в ее видении был смысл. Недаром из всех комнат в доме она вчера зашла именно в эту.

Вероника уперлась ладонями в стол и уже собралась подняться, когда заметила странную вещь. В той позе, в которой она лежала, взгляд упирался прямо в книжную полку. Их тут было в избытке, но конкретно эта отличалась от своих товаров. Книги стояли не ровными рядами, подобранные по высоте и ширине переплета, а в разнорядной, что не соответствовало идеальному порядку в кабинете. Его хозяин явно был педантом. Он бы не совершил подобный промах. Если только не поставил книги так с определенной целью.

Вероника встала из-за стола и пошла к полке. Остановилась перед ней, не осмеливаясь прикоснуться к книгам. Но желание разгадать загадку взяло свое: одну за другой она вытаскивала книги и складывала их на пол. Полностью освободив полку, она прощупала стену за ней. Постучала, рассчитывая найти тайник. Но звук был глухим. Будь там пустоты, он был бы звонким.

Разочарованная Вероника присела на пол. Перед ней высилась стопка из книг. «Надо бы вернуть их на место», — вяло подумала она и потянулась за верхней. В голову пришло, что совсем не обязательно долбить стену, чтобы сделать тайник. Можно спрятать важные документы между страниц, где они прекрасно сохраняются.

Она снова принялась за дело. На этот раз переворачивала каждую книгу старицами вниз и трясла ее, пока не убедится, что в той ничего нет. Действие повторялось снова и снова. Стопка ощутимо поредела. Вместе с ней таяли надежды Вероники найти что-нибудь стоящее. Она взяла предпоследнюю книгу без особой веры в успех. Тем сильнее было ее изумление, когда к ногам упала стопка перетянутых ленточкой писем. Книга внутри оказалась поллой. Не книга даже, а шкатулка.

Отбросив книгу в сторону, Вероника непослушными пальцами развязала веревку. Письма пахли типографской краской. Должно быть, пропитались от книги. Развернув первое письмо, она прочитала начало.

Писала женщина. Много слов о любви, тоске и надежде на скорую встречу. Пробежав глазами несколько строк, Вероника поняла, что держит в руках любовную переписку. Права Марфа Станиславовна – мать Раисы – у Леопольда был роман. Вероника подивилась прозорливости старушек. Откуда они только все знают? Не иначе у них есть секретный информационный канал.

Она собиралась свернуть письма, когда заметила край фотографии, торчащий из вороха бумаги. Потянув за него, Вероника вытащила фото женщины. Та была абсолютной противоположностью Светланы Георгиевны. Тонкая, как ствол молодого деревца, светловолосая, с бледной кожей. Будто вся соткана из света. Веснушки на щеках усиливали впечатление. Говорят, у кого есть веснушки, тех любит солнце. Глядя на фотографию, хотелось улыбаться. Такой светлой и доброй выглядела запечатленная на ней женщина.

Вероника увлеклась чтением писем и разглядыванием фото и не сразу обратила внимание на шум во дворе. Лишь когда в холле раздался топот ног, она вскинула голову. Стена кабинета попеременно окрашивалась то в

красный, то в синий оттенки, словно за окном кто-то по очереди включал разноцветные фонари. Первый шок прошел, и Вероника сообразила, что это результат работы мигалки на полицейском автомобиле.

Она вскочила и заметалась по комнате, прижимая письма с фотографией к груди. Инстинкт подсказывал: их надо спрятать. Но куда? Полки с книгами не выглядели надежным убежищем. Если она смогла найти переписку, смогут и другие. А, между тем, письма хранили важную информацию. С их помощью можно отыскать любовницу Леопольда и пролить свет на причину его самоубийства.

Вероника подбежала к окну. За ним рос куст боярышника. Того самого, на который свалился Митя. Недолго думая, она распахнула окно и выбросила бумаги на улицу. Куст сохранит их до утра.

Дверь с оглушительным треском ударилась о стену. Вероника едва успела отвернуться от окна. На пороге стояли двое мужчин в полицейской форме. Не говоря ни слова, они бросились к ней, схватили за руки и защелкнули на них наручники. Не понимая, что происходит, Вероника не сопротивлялась. Все прояснилось, когда ее вывели из дома и посадили в машину. Она арестована!

* * *

За окном полицейской «Волги» мелькали дома. Окна по большей части были темны. Улицу освещал лишь свет фонарей.

— В чем я виновата? — спросила Вероника.

Один из полицейских, тот, что сидел на пассажирском сидении, обернулся к ней и ответил:

— К нам поступил звонок о проникшем в дом грабителе.

— Но я живу в этом доме! — возмутилась она. — Я гостя Светланы Георгиевны. Спросите у нее.

— Спрашивали, — полицейский отвернулся.

Дальше приставать с расспросами не имело смысла. Свекровь сделала вид, что они не знакомы. Завтра она опомнится и Веронику отпустят. Володя не позволит, чтобы она сидела в камере как преступница. Но до утра еще надо дожить. Месть Светлане Георгиевне удалась на славу. Вот у кого следует поучиться тому, как поступать с врагами. Вероника бы восхитилась сообразительностью женщины, если бы не угодила из-за нее в неприятности.

Под конвоем, словно рецидивистку, ее проводили в камеру. Прежде чем запереть решетку, полицейский обыскал Веронику. «Чтобы убедиться, что ты ничего не прихватила из дома», — пояснил он. В более унижительной процедуре Вероника еще не участвовала. Она терпеливо вынесла все: и ладони полицейского, скользящие по бедрам и ногам, и похлопывания в области талии, и даже заглядывание в вырез блузки. Сстиснув зубы, она сосредоточилась на придумывании для Светланы Георгиевны расплаты одну страшнее другой. Фантазии помогли продержаться до конца экзекуции.

Наконец, ее оставили в покое. Вероника осмотрела место заточения. В камере было не так уж и плохо. Чисто и главное никого кроме нее. Больше всего она опасалась, что придется коротать ночь в обществе проституток и драгдилеров. Судя по пустующим камерам, город мог похвастаться низким уровнем преступности.

Вероника присела на край койки, обхватила себя за плечи. После всех переживаний, выпавших на ее долю, она невыносимо устала. Глаза закрывались сами по себе, и она не боролась со сном. Все равно до прихода Володи ситуацию не исправить. Полицейские ясно дали понять, что не намерены ничего делать без его ведома. Упав на койку, она подтянула колени к груди. Любимая с детства поза эмбриона дала иллюзорное чувство безопасности. Так Вероника проспала до утра.

В камере у потолка было маленькое забранное решеткой окно. Свет через него почти не проникал. Вероника проспала рассвет, а потому все еще находилась во власти сна, когда за ней пришли.

— Вставай! — грубый голос ворвался в дрему. — Пора на допрос.

Вероника протерла глаза, озираясь вокруг. Сонную, растрепанную с ночи ее повели в кабинет к Володе. На ходу она пятерней расчесала волосы, придавая себе более или менее презентабельный вид. Мало того что ее обвинили в воровстве, так она еще и выглядит как бомжиха. Едва ли Владимир захочет повторить свидание.

— Доброе утро, — полицейский встал ей на встречу, кивком отпустив сопровождающего. — Как ты?

Он протянул стакан с водой, и Вероника с благодарностью его приняла. Половину она выпила, а остатками жидкости смочила виски.

— Мне жаль, что тебе пришлось провести ночь в участке.

— Мне, в общем-то, тоже, — она присела на стул. Вспомнилась их первая встреча: кабинет Владимира по-прежнему блистал чистотой, напоминая операционную, она сидела на том же стуле, и разговор у них тоже был не из приятных.

— Сердишься? — Владимир посмотрел на нее с усмешкой. — Имеешь право. Если бы мне сообщили раньше, я бы еще ночью тебя отпустил, но ребята решили не беспокоить меня из-за ерунды.

— Приятно знать, что я и есть та самая ерунда.

— Да ладно тебе, — поморщился он. — Если уж на то пошло, ты сама виновата. Что ты делала в кабинете Леопольда?

— Гуляла, — огрызнулась Вероника и тут же пожалела о сказанном. В конце концов, Володя хочет помочь. Да и прав он: это ее вина. Не надо было лазить, где не следует. Но несмотря на арест, Вероника не жалела об обыске кабинета. Мысль о спрятанных в кустах письмах согревала душу. — Мне приснился кошмар, я решила проветриться и случайно забрела в кабинет.

— Звучит неправдоподобно, — заявил полицейский. — Особенно учитывая ключи, которые ты зачем-то стянула из кухни.

— Всему виной любопытство, — посетовала Вероника. — Накануне мне показалось, что я кого-то видела в кабинете. Вот и пошла проверить.

— Эта комната давно заперта. Туда уже много лет никто не заходит. Там просто не могло никого быть.

— Может, влез кто через окно, выходящее в сад, — озвучила Вероника ранее пришедшую ей на ум догадку. Только так она могла объяснить увиденное. Она собиралась развить эту мысль, когда вдруг задалась вопросом: откуда Владимиру известны подробности про запертый кабинет?

— Светлана Георгиевна приняла тебя за грабителя и вызвала полицию. Ты должна ее понять: она сильно испугалась.

— Светлана Георгиевна испугалась? — фыркнула Вероника, вмиг позабыв про подозрения насчет полицейского. — Да эта ведьма сама кого хочешь напугает до икоты. Ей с грабителем справиться, как нечего делать. Огреет тростью, и он готов.

Владимир нахмурился. Вероника поздно сообразила, что ее тон не по нраву полицейскому.

— Светлану Георгиевну уважают в городе. Если ты намерена ее в чем-то обвинить, то тебе понадобятся веские улики. Одних слов мало.

— Да она меня терпеть не может! — воскликнула Вероника, обиженная отсутствием сочувствия. — Убеждена, она нарочно позвонила в полицию, чтобы проучить меня.

— Проучить? А есть за что?

— Накануне днем мы поссорились, — призналась она.

— Выходит, ты в некотором роде заслужила наказание.

— С чего ты взял, что виновата в ссоре была я?

— Светлана Георгиевна слишком воспитана, чтобы спровоцировать скандал.

Веронике нечего было ответить. На ее аргументы Владимир с легкостью подбирал контраргументы. Все они сводились к одному: Светлана Георгиевна – святая женщина. Либо он настолько слеп, что не видит очевидного, либо сознательно не желает видеть. И тот, и другой варианты были одинаково губительны для Вероники.

Она благоразумно отступила. Покаянно склонив голову, сказала:

— Пожалуй, я вела себя несдержанно. Но всему виной переезд и смерть Бориса. Вот нервы и сдали.

— Не страшно, — улыбнулся мужчина. — Светлана Георгиевна забрала заявление, так что ты можешь вернуться домой к сыну.

Вероника облегчено вздохнула. Отличная новость. Володя лично проводил ее до дверей участка и даже выделил служебную машину с водителем, чтобы тот ее подбросил.

— Поужинаем завтра вечером? — спросил он, открывая перед Вероникой дверь.

— Договорились, — кивнула она. После событий последних дней необходимо развезтись.

Через десять минут Вероника была у дома. Она вошла и первым делом направилась к лестнице на второй этаж повидать Митю, но тут услышала голос свекрови, доносящийся из гостиной. Вероника замерла на месте, ощущая себя гончей, взявшей след. Позабыв обо всем на свете, она как самонаводящаяся ракета устремилась на голос.

Светлана Георгиевна сидела в своем любимом кресле, вполоборота к двери, сжимала в руке трубку телефона и говорила, эмоционально жестикулируя. Увлеченная беседой она не заметила появление Вероники. Вид свекрови пребывающей в добром здравии и в отличном расположении духа, когда она сама провела ночь на нарах, вызвал у Вероники бурю негодования.

Не церемонясь, она подошла к столику, на котором стоял телефон, и нажала на рычаг, прервав разговор Светланы Георгиевны. Последняя удивленно подула в трубку, повернулась к телефону, проверить в чем там дело, и увидела Веронику. Будучи женщиной со стальным характером, она не вздрогнула. Лишь слегка приподняла одну бровь, точно наткнулась взглядом на нечто неподобающее, и спросила:

— Тебя выпустили?

— Представьте себе, да, — Вероника уперла руки в бока. — А если бы не вы, меня бы и не посадили.

— Я посчитала, что урок пойдет тебе на пользу. Я научу тебя уважать старших.

Вероника задохнулась от возмущения. Свекровь не скрывала, что намеренно отправила ее в тюрьму! С таким наглым противником трудно состязаться.

— К тому же теперь закон будет на моей стороне, — добавила Светлана Георгиевна.

— О чем вы?

— О Мите, естественно. Вряд ли суд оставит ребенка с матерью-уголовницей.

— Вы не посмеете, — покачала головой Вероника. — Я не совершила преступления. Все это одно сплошное недоразумение. К тому же заявление вы забрали.

— Заявление я, допустим, забрала из жалости к тебе. Чтобы тебе, дурехе, не дали пятнадцать суток. И, конечно, из любви к внуку. Он бы скучал без мамы.

— Именно из любви к внуку вы намерены лишить его матери? — спросила Вероника.

— Такая мать ему ни к чему. Какое воспитание ты ему дашь? — Светлана Георгиевна поднялась, грузно опираясь на трость. — То, что тебя пригласили пожить в доме, еще не значит, что ты можешь копаться в моих вещах, как в своих собственных. Что ты искала? — свекровь шагнула к Веронике. Она походила на чекиста, ведущего допрос: еще немного и в ход пойдут пытки.

— Ничего, — пробормотала Вероника. Ее лепет выглядел неубедительно, но под строгим взглядом свекрови она растеряла боевой пыл.

— Интересно, — Светлана Георгиевна поджала губы, — почему это «ничего» ты искала именно в запертом кабинете Леопольда?

— Я его там видела, — выпалила Вероника.

— Леопольда? Где?

— В кабинете.

Светлана Георгиевна покачала головой:

— Кажется, проблема глубже, чем я подозревала. Мало того, что ты не имеешь понятие о такте и нормах поведения в обществе, так ты еще и психически нездорова. От такой матери ребенку одни проблемы, — сказала, как отрезала свекровь.

Даже в худшие детдомовские годы так Веронику никто не оскорблял. Глядя в спину уходящей свекрови, она впервые почувствовала, что может проиграть суд. Светлана Георгиевна говорила столь убедительно, что Вероника сама едва не поверила в свое помешательство. Она представила эту женщину на суде, столь же бодро вещающую о ее невменяемости и криминальных наклонностях. А потом себя, мялящую что-то о невиновности. Ну и чью сторону примет суд? Ответ поверг Веронику в уныние. Ее шансы на победу ничтожно малы, но сдаваться у нее нет права. Ведь речь идет о ее единственном сокровище — о сыне.

После разговора со свекровью Вероника напрямик отправилась в детскую. По пути она несколько раз глубоко вдохнула и медленно выдохнула, успокаиваясь. Не хватало только срывать зло на ребенке. К Мите она вошла, сияя улыбкой.

Няня смотрела телевизор, сын играл, предоставленный сам себе. Мастерил из конструктора «Лего» бензозаправку. Вероника автоматически отметила про себя, что игрушка из дорогих. Она не в состоянии купить сыну такую вещь. Неужели Светлана Георгиевна опустилась до подкупа? Подобный ход часто применяется непутевыми родителями. Но Вероника не ожидала встретить его в арсенале свекрови. Похоже, ради наследства Светлана Георгиевна готова пасть и не так низко.

— Мама! — Митя увидел Веронику и бросил к ней с объятиями. — Где ты была утром?

— Выходила по делам.

— А няня сказала, что ты себя плохо вела, и тебя забрали в полицию.

Вероника послала полный негодования взгляд смущенной няне и пояснила:

— Она это придумала. Я всегда себя хорошо веду. И ты тоже хорошо себя веди. Ты больше не ходил на чердак?

— Нет, — Митя энергично затряс головой. — И никогда не пойду. Мне там не понравилось. Много пыли и грязи.

Вероника подозревала, что пыль и грязь ни при чем. Сын боялся спиритической доски. Она произвела на него неизгладимое впечатление, раз и навсегда внушив страх перед чердаком. Но спорить и тем более объяснять, что доска неопасна, она не стала. Пусть держится подальше от чердака.

— Смотри, что мне бабушка Света подарила, — Митя с гордостью продемонстрировал конструктор, подтверждая опасения Вероники.

— Очень красиво, — похвалила она, а потом не удержалась и прокомментировала: — Я смотрю, вы с ней неплохо проводите время.

— Она ничего, — признался Митя. — Не такая злая, как я думал.

Следующий час Вероника посвятила игре с сыном, хотя внутри продолжала негодовать. Светлана Георгиевна развернула настоящую войну за любовь внука. Чего она хочет добиться? Неужели всерьез думает, что сможет склонить Митю на свою сторону? И тогда на суде на вопрос: «С кем ты хочешь остаться?», он ответит: «С бабушкой Светой».

Веронику так и подмывало отыскать свекровь и высказать все, что она о ней думает, но она благоразумно сдержалась. Прощая ссору вылилась в ночное заточение. Неизвестно во что ей обойдется еще одна. Светлана

Георгиевна играла по-крупному. Лишний раз связываться с ней себе дороже.

подавив, а частично и законсервировав до лучших времен, свой гнев, Вероника вышла в сад. Там ее на пути к вожделенным письмам ждала преграда. Вероника недооценила растение. Ветви куста покрывали мелкие, но острые колючки. Она вспомнила, что Митя жаловался на них. Когда он упал, колючки серьезно поранили его.

Куст рос так плотно к стене дома, что обогнуть его было невозможно. Вероника с грустью осмотрела руки. Она гордилась их нежностью, пользовалась специальными кремами, надевала перчатки, когда мыла посуду или пол, чтобы не пересушить кожу. Страшно представить, во что превратится кожа после встречи с шипами. Хотелось верить, что стопка старых писем стоит этих жертв.

Вероника приготовилась разгребать ветки руками, когда услышала:

— Ты же не намерена лезть туда?

Позади с лопатой в руках стоял Сергей. Щурясь от солнечного света, он с усмешкой смотрел на нее.

— Каково быть политзаключенной? — насмешливо спросил он.

— Довольно паршиво.

— Не удивительно, что тебя сдали в полицию. Старухи тщательно охраняют свои секреты.

— Именно поэтому я залезла в кабинет без чьего-либо ведома. Иначе мне было туда не попасть, — Вероника заметила на поясе Сергея садовые перчатки и попросила: — Одолжишь?

Обезопасив руки, Вероника ринулась в кусты. Добираясь до писем, которые застряли в нескольких сантиметрах от земли, она сломала пару веток и оцарапала щеку, но в целом почти не пострадала. Перчатки надежно защитили кожу.

— Зачем ты туда лазила? — спросил Сергей, все это время наблюдавший за ее действиями.

— Вот за этим, — Вероника продемонстрировала стопку бумаг.

— Ты нашла их в кабинете? — одобритительно хмыкнул он. — Молодец!

От внезапной похвалы она зарделась, чувствуя себя школьницей у доски. Она правильно ответила и вот награда. Пока Вероника справлялась с нахлынувшими ощущениями, Сергей наспех прочел несколько писем.

— Марфа Станиславовна сказала правду: не все было гладко в супружеской жизни Севериных. Никогда не верил, что взрослый мужик может без причины убить себя.

— А как же самураи? — поинтересовалась Вероника.

— Другая культура, — отмахнулся Сергей. — Нам не понять. Я тебе про простого русского мужика говорю.

— У Бориса причин точно не было, — напомнила она, пряча письма в карман куртки.

— Борис был не от мира сего. Даже его мать это признает.

— Сергей, — грозный голос Светланы Георгиевны разнесся по саду, — вам что больше нечем заняться кроме как обсуждать мою семью с гостями?

Вероника и Сергей дружно озирались, пока не увидели Светлану Георгиевну, выглядывающую в открытое окно гостиной.

— Я как раз шел делать новую клумбу, — оправдался садовник.

— Так идите. Чего зря время терять?

Выпроводив Сергея, Светлана Георгиевна захлопнула окно, лишний раз подчеркнув, что не желает общаться с невесткой, чему Вероника несказанно обрадовалась. Плюс у нее имелся еще один повод для радости: свекровь не слышала начала разговора и о письмах ей по-прежнему ничего неизвестно.

Чтобы не испытывать судьбу, Вероника отдалилась от дома. В тишине и покое она досконально изучит переписку. В поисках убежища Вероника забрела в дальний угол сада, где наткнулась на беседку.

Резные, словно плетенные из кружев, стены беседки покрывал зеленый плющ. В это время года он не цвел, а потому со стороны казалось, будто деревянные опоры обвили корни дерева. Внутри полукругом стояли лавочки. Вероника представила, как здорово здесь летом. В центре беседки можно поставить стол, принести из дома подушки, чтобы удобно было сидеть. Принадлежи дом ей, она бы каждый выходной устраивала в беседке чаепитие, пока позволяет погода.

Вероника тряхнула головой, отгоняя неуместные мысли. Откуда у нее мечты о доме? Никогда она не хотела быть его хозяйкой. От него одни неприятности. И вид пусть даже самой милой беседки в мире не изменит ее мнения об этом месте.

Судя по тропинке, усеянной сухими листьями, в эту часть сада никто не забредал. Но в свое время здесь был его центр, его душа. Чуть поодаль от беседки виднелся небольшой фонтан. Он представлял собой чашу, в центре которой распустился гипсовый цветок. Когда-то вода стекала по его лепесткам, наполняя чашу, но нынче их покрывал сизый налет — свидетель упадка. Повсюду разросся мох. И снова Вероника вообразила, до чего замечательно было, когда фонтан работал. Струи прозрачной воды били в небо, искрились на солнце. В воздухе витал запах свежести. Вокруг цвели розы. Непременно ее любимого белого цвета.

Вероника, не замечая этого, моделировала сад по своему вкусу. Незаметно для себя она полюбила дом и все,

что его окружает, включая город с жителями. Тем тяжелее было осознавать, что сказка вскоре закончится. Осталось недолго ждать, пока часы пробьют время отъезда, и ей как Золушке придется в спешном порядке бежать с бала.

Вероника устроилась на одной из трех лавок, достала из кармана письма и погрузилась в чтение. Спустя два часа она подняла голову. Плечи и спина затекли от долгого пребывания в одной позе. Она потянулась, разминая суставы.

Отправителем всех писем была женщина, запечатленная на фотографии. Ее звали Марина. Она обладала спокойным ни лишенным романтизма характером. Столько любви и нежности было вложено в каждое слово в письмах, что Вероника непроизвольно позавидовала незнакомой женщине. В ее жизни подобного не было. Она могла только мечтать о том, чтобы влюбиться в кого-нибудь столь же страстно.

Непонятно отвечал ли ей взаимностью Леопольд. По обрывкам фраз, ссылкам на его прошлые письма Вероника предположила, что он, по крайней мере, тоже писал Марине. В пользу ответных чувств говорил тот факт, что он сохранил письма и фотографию женщины. Но в посланиях не встречалось упоминаний о планах на совместную жизнь. Либо Леопольд ничего подобного не помышлял, либо любовники соблюдали конспирацию. Оба варианта имели право на существование.

На конвертах был указан адрес Марины. Вот бы с ней повидаться! Только где гарантия, что она не переехала. Столько лет прошло. Что если она умерла?

Вероника отложила этот вопрос до лучших времен. Ей и без того надо много с чем разобраться. Единственно, что не давало покоя – мысль о самоубийстве Леопольда. Если он был счастлив и думал начать жизнь заново с другой женщиной, то зачем ему убивать себя? В это месте рассуждения Вероники наткнулись на бетонную стену непонимания. Она никак не могла придумать достойную причину для выстрела в висок. Лишь одна вещь была в состоянии объяснить смерть Леопольда – проклятье.

Глава 12

Вероника толком не понимала, зачем пришла сюда. Наверное, хотела услышать авторитетное мнение. Хотела, чтобы кто-то умный и сведущий доказал, что проклятья нет и не может быть. Но где взять такого человека? Профессуры по вопросам проклятий не существует. Тонкие материи находятся за пределами науки, они пребывают в духовной сфере. И Вероника отправилась к бабушке. Кому как не человеку веры разобраться в этих вопросах?

В прошлую встречу, когда она пришла проститься с Борисом, бабушка произвел на нее приятное впечатление. Помимо рассудительности в нем чувствовалась доброта, которой сейчас так не хватает представителям церкви. Пусть он не ответит на ее вопросы, но хотя бы не высмеет. В этом Вероника была уверена.

В церкви пахло ладаном. От терпкого сладковатого аромата слегка кружилась голова. В середине дня церковь пустовала. Только старушка в черном пальто молилась около иконы.

Вероника повязала на голову газовый шарф. Последний раз в церковь она ходила в двенадцать лет, но воспоминание об этом визите было четким. Особенно сильно ее в тот раз поразил сводчатый потолок и роспись стен. Она словно попала в музей со своими правилами для посетителей и запретом на шум.

Бабушка стоял у алтаря, поправлял свечи. Вероника шепотом окликнула его. Он улыбнулся ей как старой знакомой, и стало ясно, почему ее так тянуло сюда. Причина крылась в добрых глазах священника. Человеку с такими глазами можно рассказать все. Они располагают к душевной беседе, а еще они дарят надежду, что все непременно наладится.

— Мне надо с вами поговорить, — сказала Вероника.

Бабушка снова поразил ее. Он ничего не спросил, а лишь кивнул и предложил выйти на улицу, чтобы не мешать прихожанам.

— Здесь нас никто не подслушает. Можете говорить откровенно, — он остановился под березой, растущей неподалеку от входа в церковь. На ветвях дерева появились первые намеки на листья: молодые, свежие, чистые, пока еще яркие и сочные.

— Что у вас случилось? — спросил бабушка.

— С чего вы взяли, что что-то случилось? — вошедшая в привычку за последние дни осторожность дала о себе знать.

— Ко мне редко приходят поделиться счастьем. Люди вспоминают о Боге в пору невзгод. Хотя это неправильно. Бог с нами и в горести, и в радости.

Окладистая борода скрывала пол лица. Из-за нее трудно было определить, сколько бабушке лет. Вероника предположила, что он старше тридцати, но явно моложе пятидесяти, так как и волосы до плеч, и борода были темно-каштанового цвета без намека на седину.

— Мне нужен ваш совет, — сказала Вероника. — Точнее даже не совет, а мнение по одному вопросу.

— Что за вопрос?

— Вы верите в проклятья? — Вероника, не моргая, следила за реакцией бабушки, пытаясь по косвенным

признакам разобрать, что он думает. Но священник ее разочаровал: он всего-навсего нахмурился – вот и весь отклик.

— Я слуга Господень, — напомнил он, словно заподозрил, что Вероника забыла, с кем имеет дело. — Православие не признает колдовства. Как служитель церкви я не могу рассуждать о таких категориях.

— Значит, церковь не признает существование проклятий? — настал черед Вероники хмуриться. Она рассчитывала, что ей помогут разобраться, а не сильнее запутают. — А как же смерти, происходящие якобы по их вине? Церковь считает их совпадением?

— Вы интересуетесь этой проблемой не без причин, — проявил сообразительность батюшка.

— Вы, наверное, знаете, что я живу в доме Севериных.

— У нас маленький город, — вместо ответа сказал он.

— Верно, — усмехнулась Вероника. Она начала привыкать к этой присказке. Ее можно было считать девизом местных жителей. — И вы в курсе как умер Борис, а до него его отец и дед.

— Три заблудшие души, — покачал головой батюшка. — Нам остается молиться за них.

— Выходит, по-вашему, это чистая случайность, что трое мужчин в одной семье покончили с собой в одном возрасте, оставив одинаковые предсмертные записки? — упорствовала она.

— Про записки я не слышал. Мне трудно судить о причинах, что толкнули этих мужчин на кощунство. Жизнь дарована нам Господом Богом, а значит священна. Отнимать ее – его привилегия. Тот, кто поступает иначе, обрекает душу на вечные страдания.

— Хорошо, — кивнула Вероника, — со страданиями мы разобрались. Но что делать тем, кто еще жив?

— Упомянуть имена грешников в своих молитвах и надеяться, что Бог дарует им прощение.

Разговор протекал сложнее, чем Вероника представляла. Батюшка не понимал, к чему она клонит. Уяснив, что говорить намеками бесполезно, она заявила напрямик:

— Но что если проклятие существует, и оно не остановится на Борисе? Как от него защититься?

— Прогуляемся? — он указал на тропинку между надгробьями, уходящую вглубь погоста.

Прогулка по кладбищу показалась Веронике символичной. Лучшего места для беседы о жизни и смерти не подобрать. Она пропустила батюшку вперед и, прежде чем догнать его, несколько секунд заворожено наблюдала за тем, как развивает низ черной рясы, точно парус на пиратском судне.

— Для начала вы должны понять: слово «проклятье» в церкви означает «отдаленность от Бога». Если вы искренне верите в Бога, молитесь, соблюдаете посты и заповеди господни, причащаетесь и исповедуетесь, как того требует церковь, то вам нестрашны проклятья и порчи.

— И все? Это и есть ваш метод борьбы – вера и соблюдение обрядов?

— Чистый душой и помыслами православный не подвержен нападкам лукавого. Ему нечего бояться. Бог не допустит, чтобы с ним стряслась беда.

Вероника перевела взгляд на ближайшую могилу с памятником в виде гранитной плиты. На ней значились имя и дата смерти. Маленькая фотография в овальной рамке напоминала окошко, через которое почивший смотрел на оставленный им мир. При всем уважении к батюшке единственное, во что верила Вероника, было это окошко. Оно одно останется после ее смерти. Оно ждет в свое время и Митю. Разница лишь в том, как скоро это случится. А потому как бы не был мудр совет, для нее он не годится.

— Кто, по-вашему, проклинал мужчин семьи Северных?

Вопрос священника отвлек Веронику от созерцания. Она честно ответила:

— Мне кажется, это был Арнольд – дед Бориса. Он повесился, узнав, что жена ему изменила. Думаю, он не смог простить ей обмана. Она выдала за его сына ребенка рожденного от другого.

— Это возможно, — слова батюшки поразили Веронику. Видя ее недоумение, он пояснил: — Когда причиняешь кому-то зло, и он тебя проклинает, его слова имеют силу. Бог допускает такую вероятность. Так же как он порой допускает убийство одного человека другим.

— Но минуто назад вы говорили, что проклятья не существует, — напомнила Вероника.

— Это не совсем оно. Бог всего-навсего каждому воздает по делам его. Согрешил – будь добр расплатиться. Но если проклятье адресовано человеку праведному, оно вернется назад к тому, кто проклинал.

— Рада за праведных, — сказала Вероника, — но в этом случае проклятье было заслуженным. Изольда Карловна, в самом деле, изменяла мужу.

— Тогда ей надобно покаяться. Неподдельное раскаяние творит чудеса.

— Я передам ей ваши слова.

Внезапно батюшка остановился, резко повернулся к Веронике и произнес:

— А ведь Борис приходил ко мне с похожим вопросом. Я совсем забыл о нашей беседе. Прошло более полугодя.

— И что вы ему ответили?

— То же, что и вам.

— Что ж, — криво улыбнулась Вероника, — к сожалению, ему ваш совет не особо помог.

Они повернули обратно к церкви. Вероника шла, глядя себе под ноги. Вид могильных плит угнетал. Идея прогуляться по кладбищу теперь казалась ей, по меньшей мере, странной.

— Выходит, вы не допускаете возможности, что проклятье реально и что его можно снять? — спросила Вероника, когда они остановились у входа в церковь.

— Боюсь, что так, — кивнул батюшка.

— Но трое мужчин погибли! Вы не можете этого отрицать.

— Я не отрицаю. Их смерти реальны, но проклятье - результат отдаленности от Бога, а не следствие наложения порчи. Люди умирают от болезней и старости, их губят дурные пристрастия и необдуманные поступки, с ними происходят несчастные случаи, а еще людей убивают другие люди, но отнюдь не магия.

* * *

Близился вечер, а вместе с ним свидание назначенное Владимиром. Специально для этого случая Вероника купила в местном универсаме платье. Стоило оно сущие копейки, и она не удержалась. Голубой искусственный шелк отлично ложился на ее фигуру. В новом наряде она походила на леди из высшего общества. Жаль денег не хватило на туфли в тон.

— Ты очень красивая, — похвалил Митя. — Как принцесса из сказки.

— Что за принцесса? — переспросила Вероника.

— Мне няня на ночь читает сказку про Золушку. У нее тоже было голубое платье и темные волосы.

Вероника посмотрела на сына. В последнее время они мало общались. Обмен ничего незначущими фразами перед сном не считался. Раньше она всегда находила для него несколько часов в день. Никакая работа, домашнее хозяйство и прочие бытовые мелочи ей не мешали. Теперь она даже не в курсе, какие книжки он читает.

— Мы сейчас нечасто видимся, — она присела рядом с Митей на кровать, где он складывал пазл. — У меня много дел и я почти не бываю дома. Обещаю, мы непременно все наверстаем.

— Не страшно. Я понимаю: ты взрослая, тебе некогда играть со мной. Для игр есть няня.

— Кто тебе это сказал? — удивилась Вероника. Слишком уж по-взрослому прозвучали слова Мити.

— Бабушка Света, — ответил Митя. — Она говорит, что ты очень занятая и что я не должен тебе мешать.

— Солнышко, — она обняла сына и прижала к груди. — Ты никогда мне не мешал. Хочешь, мы завтра проведем целый день вместе?

— Очень хочу, — признался Митя.

— Вот и договорились. Завтра пойдем на пикник. Только ты и я. А сейчас мне надо идти.

Вероника ощущала себя предателем. Вместо того чтобы провести вечер с сыном, собралась на свидание. Что она за мать? Оправданием частым отлучкам могло послужить лишь желание обезопасить будущее Мити, а для этого ей нужно разобраться в происходящем.

Борясь с чувством вины, Вероника вышла на улицу к Владимиру. Они отправились в тот же ресторан, где были в прошлый раз. Мужчина посетовал, что в городе только одно приличное заведение, и они вынуждены повторяться. Но Вероника была этому рада. Ей до того понравился ресторан, что она с превеликим удовольствием ходила бы туда каждый день.

Сегодня она чувствовала себя, если не королевой, то определенно принцессой. Проход до столика по залу, который в прошлый раз стал для нее сущим наказанием, дался Веронике без труда. Она с наслаждением ловила на себе восхищенные взгляды мужчин и ревнивые взоры их спутниц.

Владимир подвел ее к тому же столику. Вероника только со второго раза оценила его положение. Он стоял чуть поодаль от остальных. При этом отсюда открывался прекрасный вид на зал.

— Ты сегодня подозрительно тихая, — заметил Владимир, открывая меню.

— Я беседовала с батюшкой, — сказала Вероника.

Мужчина удивленно посмотрел на нее поверх меню и поинтересовался:

— Вы обсуждали спасение души?

— И это в том числе. Но большей частью мы говорили о проклятьях.

— Кто о чем, а ты все о том же, — покачал головой Владимир. — Все никак не успокоишься?

— Как я могу успокоиться, когда речь идет о моем сыне?

Подошел официант. Они сделали заказ. Как только он удалился, Владимир спросил:

— И что же священник тебе сказал?

— Ничего особенного. Но он навел меня на одну любопытную мысль.

— Поделишься?

Вероника улыбнулась:

— С чего еще я бы стала заводить этот разговор? Он намекнул, что все беды людей случаются по вине других

людей. Я не помню точные слова, но смысл примерно такой. И я подумала, а что если проклятья нет?

— Я тебе об этом твержу с самого начала, — поддержал полицейский.

— Но смерть трех человек нельзя игнорировать. Что хочешь со мной делай, но я не верю в совпадения. Да и эти одинаковые записки выглядят странно.

— Одинаковые записки? — Владимир приподнял бровь.

Вероника забыла, что не поделилась с ним этой новостью, и быстро исправила положение:

— Изольда Карловна показала мне предсмертные записки мужа и сына. Они точь-в-точь совпадают с запиской Бориса. Ну, за исключением приписки на другой стороне.

— Изольда Карловна до сих пор хранит эти записки?

— Да, — кивнула Вероника.

— Сумасшедшая старуха, — Владимир потянулся за бокалом с шампанским, принесенный официантом. — Подумай сама, кто бы ей отдал столь важные документы. Ведь это улики. Чем строить предположения, давай лучше выпьем.

Вероника чокнулась бокалом с Володей и выпила шампанское одним глотком. Газировка ударила в голову. Защипало в носу. Пить шампанское залпом – плохая идея.

— Я верю Изольде Карловне, — сказала она, придя в себя. — К чему ей врать?

— Кто говорит, что она врет? Изольда Карловна пребывает в плену заблуждений. Она выдумала себе мир и живет в нем, веря, что муж проклял весь ее род. Для нее проклятье также реально, как для нас с тобой события вчерашнего дня. Она даже мысли не допускает, что все могло быть иначе.

— Но доказательства, — слабо возразила Вероника.

— О каких доказательствах идет речь? О записках? Их можно подделать. Трое мертвых мужчин? Поверь, в жизни случаются вещи и похлеще. Я, работая в полиции, такого навидался, что ни в одном романе не прочтешь. Что если Изольда Карловна сама виновна в смертях сына и внука?

— Каким образом?

— О, я, конечно, не обвиняю ее в убийстве. Но представь, что тебе изо дня в день твердят, что в тридцать пять лет ты покончишь с собой. Как ты будешь себя чувствовать в день своего тридцатипятилетия?

— Ты считаешь, Изольда Карловна довела сына и внука до самоубийства? — прошептала Вероника.

Владимир пожал плечами. Вроде бы невинный жест, но он вложил в него бездну сомнений, и Веронике стало не по себе. Официант с заказом разрядил обстановку. Вероника с радостью отвлеклась на салат с морепродуктами. Изображая нешуточный аппетит, она выкроила несколько минут на раздумья.

Доводы Володи не были лишены правдоподобности, но она не могла поверить в такое развитие событий. Что там говорила кухарка о последних днях жизни Бориса? Он был подавлен, часто упоминал проклятье. Надо выяснить все наверняка.

Если Борис покончил с собой из-за страха перед проклятьем, то он как минимум должен был видеть предсмертную записку отца или деда. Иначе откуда взяться стопроцентному совпадению текстов? Нельзя без доказательств обвинять старушку во всех смертных грехах. Не тянет Изольда Карловна на коварного убийцу.

Почувяв сомнения Вероники, Владимир сказал:

— Я не намерен уличать старую женщину в умышленных действиях против родных. Уверен, она никому не желала зла.

— Похоже, ты для себя уже все решил и нашел виноватого, — заметила Вероника.

— Начнем с того, что я его вообще не искал. Это ты у нас детектив-любитель. Тебе и карты в руки.

Под насмешливым взглядом мужчины Вероника смутилась. В самом деле, кого она учит? Володя не первый год работает в полиции. Если уж профессионал убежден, что ничего таинственного в смертях нет, то куда она лезет? Больше она не поднимала эту тему, чтобы выглядеть глупой в его глазах.

Остаток вечера прошел в расслабленной обстановке. Как только она оставила разговор о проклятьем настроение Владимира вмиг улучшилось. Он снова превратился в галантного кавалера с хорошим чувством юмора, напомнив Веронике, почему она обратила на него внимание.

После ужина Владимир подвез ее домой и проводил до крыльца. Вероника будто опять очутилась на выпускном вечере. И ощущения были схожими: горели щеки; не хватало воздуха, хотя ночь не была душной; и подрагивали пальцы.

— Спасибо за приятный вечер, — сказал Владимир.

— А я думала, что испортила его своей болтовней об убийствах.

— Возможно, кому-нибудь другому это бы и омрачило настроение, но только не полицейскому, — улыбнулся он. — Для этого понадобится что-то пострашнее каких-то там проклятий.

— Выходит, я верно выбрала спутника.

— Выходит, что так.

Щелкнула собачка замка. Дверь открылась. Но Вероника не торопилась переступить порог. Что-то удерживало ее на крыльце.

— Знаешь, — произнес Владимир, — это прозвучит ужасно, но я благодарен проклятью.

— За что? — Вероника взглянула ему в глаза: голубые, как васильки.

— Не будь его, мы бы с тобой никогда не встретились.

— Что ты такое говоришь, — пробормотала она, — оно погубило Бориса.

— Я предупредил, что это прозвучит ужасно.

Владимир коснулся ее лица. Его пальцы погладили виски Вероники, скользнули к волосам, а оттуда к затылку.

Она запрокинула голову, подставляя губы для поцелуя, и он не заставил себя ждать.

Она почти позабыла, каково это — быть желанной. Когда мужчина смотрит на тебя и не может наглядеться.

Одним поцелуем Владимир напомнил ей это упоительное чувство, вернул утерянную женственность.

Первый поцелуй — это как дегустация. Проба страсти на вкус. И длится он, как правило, пару мгновений. Прекрасных, но скоротечных.

Владимир отдалился от Вероники и прошептал:

— Мне пора.

После этих слов он развернулся и зашагал к машине, словно опасаясь, что она попытается его удержать, а он едва ли устоит. Вероника подождала, пока полицейский автомобиль отъедет от крыльца и только после этого вошла в дом.

Внутри было тихо. В это позднее время все спали. Вероника на цыпочках прокралась в свою комнату. Переоделась, умылась и легла в постель, но все никак не могла заснуть. Губы пылали, распространяя жар по всему телу. Она точно подзарядилась от мощной батарейки и теперь была полна энергии. И, конечно же, планов. Вот разберется с чертовщиной, что здесь творится, и начнет жизнь сначала. Мите нужен отец. Мальчику без него никуда.

Глава 13

Следующий день Вероника, как и обещала, планировала посвятить сыну. Но планы эти продержались ровно до тех пор, пока в коридоре второго этажа она не встретила Изольду Карловну. Стоило увидеть старую женщину, и Вероника поняла, что просто обязана поговорить с ней, прояснить все до конца. Особенно после разговора с Володей. Он посеял в ней сомнения, а Вероника принадлежала к числу тех людей, которые не могут долго находиться в подвешенном состоянии. Ей всегда и все требовалось знать досконально.

Она поздоровалась с Изольдой Карловной и попросила уделить ей несколько минут. Старушка пригласила Веронику к себе.

— О чем ты хотела поговорить, девочка? — спросила она, подкатив инвалидное кресло к окну.

— О записках, которые вы мне показывали. Помните?

— Я может и стара, но из ума не выжила, — проворчала Изольда Карловна. — И с памятью у меня полный порядок.

— Тогда вы знаете, что я по уши увязла в этом деле. И мне нужна ваша помощь.

— Слушаю, — кивнула старушка. Судя по блеску глаз, в ней дремала авантюрная жилка, но в силу возраста она прозябала.

— Я хочу сдать записки на экспертизу.

Эта идея пришла Веронике в голову ночью. Она вся извелась, пока поняла, как именно ответить на главный вопрос: кто написал предсмертные записки? Самоубийцы или им кто-то помог? Ей повезло родиться и жить в век прогресса, о чем она и вспомнила во время ночного бдения. Нынче можно без проблем заказать экспертизу подчерка. Любопытно, что она покажет.

— Что еще за экспертиза? — насторожилась старушка.

— Обычная проверка подчерка. Так мы выясним, кому он принадлежит.

— Ты думаешь, записки написал один и тот же человек?

— Вряд ли это возможно, — снисходительно улыбнулась Вероника. — Кто бы это мог быть? Ведь в этом случае он или она должны были жить еще во времена вашего мужа.

Спросила и тут же осознала: один такой человек все же есть. Сама Изольда Карловна.

— Я решительно не понимаю, что именно ты рассчитываешь найти, — старушка то ли не заметила ее намека, то ли сделала вид, что не поняла его.

— Я просто подумала: что если ваш сын не покончил с собой? Его могли, например, убить, а записку подделать. Или, может, Леопольд видел записку отца и сознательно ее скопировал?

— Откуда эти домыслы? Я точно знаю, что мой сын записки не видел.

— Значит верно мое первое предположение, — осмелела Вероника.

— Что за предположение? Ты меня запутала.

— Я говорила с бабушкой, и он подал мне отличную идею, — пояснила Вероника. — Он сказал, что всякое зло идет от человека. Мистика обычно ни при чем.

— Хорошо, — согласилась Изольда Карловна. — Возьми записки. Они лежат на трюмо. Только ради Бога верни их назад целыми и невредимыми.

— Об этом можете не волноваться, — Вероника приблизилась к трюмо.

Записки лежали там же, где она их оставила в прошлый раз. Старушка их не прятала. Привыкла считать свою комнату чем-то вроде несгораемого сейфа? Видимо, никто никогда не покушался на ее сокровища. Да и что здесь было брать? Вероника окинула взглядом стопки книг в потрепанных переплетах, коробки доверху набитые вещами, начиная от игрушек и заканчивая посудой. Найти среди хлама что-то по-настоящему ценное будет непросто. Любой, кто проникнет сюда, запутается в горах мусора и быстро оставит бессмысленные поиски.

— Нашла? — окликнула Изольда Карловна.

— Да, они здесь.

— Я до сих пор помню, где что хранится, — похвасталась старушка.

Вероника посмотрела на нее, не скрывая зависти. И кто-то еще смеет говорить, что она не в себе? Да чтобы запомнить расположение предметов в этой комнате надо вместо мозга обладать компьютерным процессором.

— Сколько продлится эта твоя экспертиза? — поинтересовалась Изольда Карловна.

— Этого я не знаю.

— Даю тебе три дня. Потом вернешь записки.

— А если эксперты не успеют?

— Пусть работают быстрее, — ворчливо ответила старушка.

— Мне еще нужны образцы почерка Арнольда и Леопольда. Наверняка у вас что-нибудь найдется. После недавних событий мне закрыт ход в кабинет.

— Еще бы, — хмыкнула старушка и повернула кресло к тумбе, порылась в одном из ящиков и вытащила оттуда с десяток листков исписанных мелким подчерком. — Вот, — она протянула два из них, пояснив: — на первом подчерк Леопольда, на втором моего мужа.

— Спасибо, — от всего сердца поблагодарила Вероника.

— Как поживает мой правнук? — сменила тему Изольда Карловна. — Он давно ко мне не заходит.

— Митя находится под неусыпным надзором няни. После истории со спиритической доской она не спускает с него глаз.

— И правильно. Нечего играть с плохими вещами. Никогда не знаешь, каких духов разбудишь.

— Это же простая игрушка. Кому она может навредить?

— Когда я была молодой, в моде было проводить сеансы с подобными досками, — ответила старушка. — Медиумы могли при их помощи вызывать духов. И те не всегда были настроены дружелюбно.

Вероника сдержанно улыбнулась. Спорить не имело смысла. Если уж старая женщина верит в проклятие, почему она должна иначе относиться к прочей чертовщине? Изольда Карловна считала мир духов реальным. Возможно, для нее он являлся даже более осязаемым, чем мир живых.

— Не переживайте, — успокоила она. — Доску отнесли обратно на чердак.

— Там ей и место.

— Я пойду.

Вероника встала, но Изольда Карловна не дала ей уйти, заявив:

— Я видела тебя вчера с Володей. Наблюдала за вами через окно в коридоре.

Признание старушки разозлило Веронику. У Изольды Карловны нет права лезть в ее личную жизнь. Сдерживая ярость, она выдавила из себя короткое: «Ну и?».

— Он тебе нравится? — поинтересовалась она.

— Даже если так, вас это не касается.

— Верно, — согласилась она, но тут же добавила: — ты уж прости, что я лезу не в свое дело, но мне странно видеть тебя с Володей.

— Это еще почему? — насторожилась Вероника. Она чувствовала: ее ждет очередная семейная тайна. Но каким боком здесь замешан Владимир? Полицейский ей симпатичен. Долгое время ни один мужчина так не волновал ее. Не хотелось бы потерять его из-за проблем в чужой, в общем-то, для нее семье.

— Не переживай, — произнесла Изольда Карловна. — Володя — хороший мальчик. Мы с ним не особо дружны, но это не его вина. Я всего лишь подумала, что раз ты не ладишь с моей невесткой, то и с ним вряд ли найдешь общий язык.

— Как Светлана Георгиевна связана с Владимиром? — настороженность Вероники возростала поминутно. Она ощущала себя сапером на минной поле: один неверный шаг и взрыв.

— Володя ее любимчик. Всегда им был, — пояснила старушка. — Так уж вышло, что племянник воплотил в себе те черты, которых ей не хватало в сыне. Помню, в детстве мальчики соперничали за ее внимание. Но Борис всегда проигрывал.

— Пойдите, — Вероника сопроводила просьбу взмахом руки, — вы хотите сказать, что Владимир — часть семьи Севериных. Но у него другая фамилия.

— Он сын Светиной сестры. Она и ее муж погибли, когда он был еще ребенком. Света воспитала Володю, заменила ему мать. Мальчик вырос в этом доме, но сейчас живет отдельно. Взрослый уже.

— Вот так новость, — прошептала Вероника.

— Разве ты не знала? — пришел черед старушки удивляться.

— У Владимира не нашлось подходящего времени, чтобы рассказать мне о своем детстве. Еще раз спасибо. Я пойду.

Вероника вылетела из комнаты, как ядро из пушки. Ей необходимо было остаться одной, все обдумать, и она спряталась от людских глаз в своей комнате.

Володя обманул ее. По-другому не скажешь. Зачем он скрыл родство со Светланой Георгиевной? Знал, что Вероника ее терпеть не может и боялся, что это испортит их отношения? Лучше бы так.

В противном случае получалось, что он намеренно водил ее за нос и все это время помогал Светлане Георгиевне. Следил за Вероникой. А сколько раз он повторял, что ее расследование выеденного яйца не стоит? И ведь она почти поверила. Начала подозревать Изольду Карловну не пойми в чем.

Дверь бесцеремонно открылась, и в комнату влетел Митя. Проскакав по спальне на одной ноге, он остановился перед Вероникой и с радостной улыбкой заявил:

— Я готов!

— К чему? — не поняла она. Мысли были заняты полицейским и его вероломным предательством. Она силилась понять, где правда, а где ложь. Являлся ли вчерашний поцелуй частью плана по ее обезвреживанию или Владимир поддался порыву?

— К пикнику, — пояснил Митя.

— Ах, пикник, — вздохнула Вероника. Она совсем забыла о нем. При всей любви к сыну она не была готова претворяться веселой. — Прости, малыш, давай в другой раз. Я неважно себя чувствую.

Глядя на сына, Вероника подумала о наследстве. Если Владимир приходится племянником Светлане Георгиевне, она могла надеяться, что все достанется ему. Появление Вероники и Мити нарушило их планы.

— Как это в другой раз? — Митя обиженно выпятил нижнюю губу. — Ты обещала.

— Я же сказала, что плохо себя чувствую, — раздраженно ответила Вероника. Неясно, что больше ее злило: нытье сына или тот факт, что она не сдержала данное ему слово.

— Ты всегда так говоришь, когда дело касается меня, — заявил Митя. — Вчера ты чувствовала себя хорошо.

Она опешила. Впервые сын открыто обвинял ее в чем-то. Всему виной этот дом и нездоровая атмосфера в нем.

— Ступай к себе в комнату, — велела Вероника.

— Только это от тебя и слышу, — пробормотал Митя на пути к двери и добавил у самого порога: — Бабушка Света правду сказала.

— Стой! — окликнула Вероника. — Что тебе сказала бабушка Света?

— Что я тебе не нужен! — выкрикнул Митя и выбежал из комнаты.

Веронику потрясла глубина обиды в его голосе. Они с сыном ссорились и раньше, но никогда он не упрекал ее в том, что она недостаточно его любит.

Ни на секунду Вероника не поверила, что причина кроется в пропущенном пикнике. Все дело в Светлане Георгиевне. Она настраивает Митю против нее, чтобы заполучить над ним единоличную опеку. Первыми в ход пошли игрушки и вот уже бабушка не так плоха, как казалось поначалу. Затем она как бы мимоходом упоминает при мальчике, будто мама уделяет ему недостаточно внимания, и он начинает сомневаться в ее любви. Дело сделано: Митя запугался, капризничает.

Отчасти Вероника обвиняла и себя, но только отчасти. Не ее вина, что расследование отнимает столько сил и времени. В любом случае она делает это ради сына. Когда-нибудь он это поймет, а пока нужно срочно спасать положение. Иначе Митя окончательно попадет под влияние бабки и тогда пиши пропало: на суде по поводу опеки Светлана Георгиевна легко заставит его говорить то, что ей выгодно.

Вероника устало повалилась на кровать и прикрыла глаза. Надо все обдумать. Составить план действий. А для этого необходимо привести мысли в порядок. Только как это сделать, когда внутри бушует настоящий ураган? Когда чувства представляют собой коктейль злости, обиды и недоверия? Взрывоопасная смесь.

Она попробовала расслабиться, отбросить все лишнее и сосредоточиться на главном. А главным был простой и вместе с тем невероятно сложный вопрос: что делать? Сейчас конкретно в эту самую минуту, что она может сделать? Как обернуть ситуацию в свою пользу?

Чем больше она думала, тем сильнее возбуждалась. Дошло до того, что она вскочила на ноги и принялась расхаживать по комнате, позабыв про намерение расслабиться. Владимир – предатель; Светлана Георгиевна – ведьма, желающая отнять у нее сына; Изольда Карловна – темная лошадка, не исключено, что это она убила мужа и сына. Что Вероника делает в этом клоповнике? Чего ради надрывается, стараясь понравиться всем без исключения?

Она остановилась у окна и посмотрела на лес, а точнее на то самое дерево. На месте старухи она бы его непременно срубила. Это же надо додуматься, провести жизнь, любуясь сосной, на которой повесился твой муж. Определенно у нее не все в порядке с головой. В такой атмосфере будет расти Митя? Здесь он как минимум превратится в неврастеника или еще хуже – сойдет с ума. Они гостят в доме всего несколько недель, а Мите уже мерещится всякая чертовщина. Вспомнить хотя бы спиритическую доску.

Даже у невпечатлительной Вероники начались проблемы. Что ни ночь, так очередной кошмар. Она – закостенелая материалистка – видит призраков, задумывается над реальностью проклятия. На нее это совсем не похоже.

Внезапно ее озарило. Она поняла, что надо делать. Бежать! Как можно быстрее и как можно дальше. Прочь от этого дома и его обитателей. Пусть оставят наследство себе на пару с дурацким проклятием. Ей ничего не нужно. Только вычеркнув новых родственников навсегда из жизни, они с Митей освободятся.

Вероника кинулась к шкафу, вытащила чемодан и принялась скидывать в него одежду. Прямо как есть, не складывая. Она закончила сборы за час. Первым ее порывом было броситься собирать вещи Мити, но она вовремя остановилась. Была середина дня. Сын играет в детской под присмотром няни. Та немедленно доложит Светлане Георгиевне об их отъезде, а это в планы Вероники не входило. Она рассчитывала уехать по-тихому, затаиться где-нибудь на время. Страсти улягутся, о них забудут. Все снова придет в норму. Эта мысль помогла ей продержаться до вечера.

Как только дом погрузился в сон, Вероника, прихватив чемодан, прокралась в комнату сына. Митя сладко посапывал в постели. Она решила не будить его раньше срока, а то он еще чего доброго поднимет шум. Сложив вещи сына, она присела рядом с ним на кровать. Нежно погладив Митю по голове, позвала его по имени.

— Солнышко, просыпайся. Нам пора ехать.

— Не хочу, — он перевернулся на другой бок и зарылся в одеяло, но Вероника была настойчива.

Игнорируя протесты сына, она скинула одеяло и принялась одевать Митю. Тот почти не сопротивлялся, все еще прибывая во власти сна. Лишь когда она потащила его к двери, он, немного придя в себя, попытался вырваться.

— Куда мы идем?

— Мы уезжаем.

— Куда? — требовал ответа Митя.

— Домой.

Вероника рассчитывала, что ответ удовлетворит сына, но не тут-то было. Его сопротивление стало еще более яростным. Он неожиданно сильно уперся ногами в пол, так что она едва могла сдвинуть его с места.

— Прекрати немедленно или я тебя накажу, — потребовала Вероника.

— Но я не хочу уезжать. Мне здесь нравится.

— Я твоя мама и ты должен меня слушаться. Если я сказала, что мы едем домой, то так и будет.

— Это нечестно, — шмыгнул носом Митя.

— Даже не вздумай плакать, — предупредила Вероника, подталкивая его к лестнице. — На меня это не действует.

На самом деле, еще как действовало. И Митя прекрасно это знал. На то она и мать, чтобы слезы ребенка вызывали у нее сострадание. Но в этот раз Вероника дала себе слово: ни за что не поддаваться. Стиснув зубы, она вывела сына из дома.

Чуть ли не насильно затолкав его на заднее сидение автомобиля, она спрятала чемоданы в багажник и села за руль. Митины всхлипы перешли в рыдания. Вероника бросила взгляд в зеркало заднего вида. Лицо ребенка пошло красными пятнами, глаза припухли, он судорожно хватал ртом воздух. Давно он так горько не плакал.

— Успокойся, — попросила она. — Мы обязательно как-нибудь навестим бабушек. Обещаю.

— Ты уже обещала, что мы сходим на пикник, — сквозь слезы ответил Митя.

— И мы сходим. Я от своих слов не отказываюсь. Просто мы сделаем это дома.

Вероника чувствовала себя чудовищем. Не каждая мать способна довести ребенка до истерики, а потом наблюдать за его страданиями. Последний каплей стала икота, до которой Митю довел плач. Не выдержав, Вероника остановила «Рено» у обочины и перегнулась назад.

— Ну же, не плачь, малыш, — попросила она, вытирая слезы со щек сына. — Я тебя очень сильно люблю. Все наладится, вот увидишь. Если не хочешь ехать домой, не поедем. Давай, навестим тетю Иру. Она же тебе всегда нравилась.

Около получаса она потратила на то, чтобы успокоить сына. Наконец, он уснул. Вероника укрыла его своей

курткой и обернулась назад к рулю. Повернула ключ в замке зажигания, нажала на педаль газа, но тут ее ждало горькое разочарование: автомобиль молчал.

— Нашел время, — проворчала она.

Вероника несколько раз пыталась завести машину, но та была глуха к ее мольбам. От дома они отъехали всего на несколько километров. Утром их непременно найдут.

Чувствуя подступы паники, Вероника судорожно искала в сумочке мобильный телефон. Первым ее порывом было позвонить Ирине. Но чем та поможет? От столицы несколько часов пути. Ира не успеет добраться. К тому же у нее нет машины. Подруга считала, что автомобиль в столице – дополнительный источник стресса и приводила в качестве аргумента статистику нервных срывов за рулем. В данный момент Вероника была готова с ней согласиться.

Как это обычно бывает, в руки лезло что угодно, но только не нужная вещь: расческа, кошелек, ключи от квартиры, старая резинка для волос, которую, как Вероника думала, она уже давно потеряла. Вне себя от злости она вытряхнула содержимое сумки на пассажирское сидение. Последним выпавшим из нее предметом был сотовый.

Она оставила вещи валяться на пассажирском сиденье и сосредоточилась на записной книжке мобилника. Пролистывая одно имя за другим, Вероника все отчетливее понимала: ей не к кому обратиться за помощью. Телефон по большей части содержал рабочие номера. Друзей у нее было немного, из них всего один кому можно позвонить среди ночи – вездесущая Ирка.

Вероника совсем было отчаялась, когда наткнулась на новое в записной книжке имя – Сергей. Она забила номер его мобильного телефона в тот день, когда он подвозил ее к адвокату, и совершенно об этом забыла. Удача в кои-то веки улыбнулась ей, щедро вознаградив за годы страданий.

Она набрала номер, нисколько не заботясь о том, что подумает о ней Сергей и, возможно, его жена. Когда на карту поставлено собственное благополучие редко считаешься с проблемами других.

Ответили через пару гудков. Видимо, телефон лежал неподалеку от постели.

— Вероника?

Она не смогла определить, чего в сонном голосе было больше: удивления или беспокойства.

— Мне необходима помощь. Машина заглохла. Я сейчас в десяти минутах езды от дома Светланы Георгиевны.

— В такое время?

Вероника бросила взгляд на наручные часы. Половина второго ночи. Поздновато.

— Ты можешь нас забрать?

— Ты не одна? — насторожился мужчина.

— С Митей. У меня нет времени объяснять. Приезжай за нами, по дороге все расскажу.

Надо отдать Сергею должное он не спросил, куда они поедут. Он вообще не задавал вопросов. Бросив в трубку «скоро буду», Сергей отключился.

Вероника не успела заскучать, когда из-за поворота показался знакомый узик без дверей. Он поравнялся с «Рено» и притормозил. Из машины показался Сергей. Выглядел он собранным и бодрым, точно не было ночной побудки. Вероника в который раз подивилась его умению подстраиваться под любую ситуацию. Должно быть, в армии эти его качества высоко ценились.

— Что за спешка ехать куда-то среди ночи? — спросил Сергей, подходя к «Рено». — Почему не дождалась утра?

— Потому что не хотела, чтобы о нашем отъезде кто-нибудь знал, — ответила Вероника, выходя из автомобиля. Она решила ничего не скрывать от Сергея.

— Выходит, я участвую в незаконной операции?

— Тебя это смущает?

— Что ты, — усмехнулся мужчина. — Скорее веселит.

Вероника открыла багажник и достала чемоданы, а Сергей тем временем забрал Митю из «Рено». Тщательно закутав ребенка в куртку, он перенес его в узик. Мальчик крепко спал. События прошедшего дня и слезы сделали свое дело.

Вероника со стороны наблюдала за тем, как бережно Сергей обращался с ее сыном, как осторожно опустил его на заднее сиденье узика, подоткнув куртку, и спросил:

— Он не замерзнет?

— Я поеду с ним и закрою от ветра, — сказала она, ставя чемоданы в багажное отделение узика.

— Накинь тогда вот это, — Сергей снял и протянул Веронике свою куртку цвета хаки. — Не хватало только, чтобы ты из-за меня простудилась.

— А как же ты?

— За меня не волнуйся. Не первый год на нем езжу, — Сергей похлопал машину по капоту. — Закаленный уже.

Она с благодарностью приняла куртку и надела ее поверх тоненького свитера. Та пришлось как нельзя кстати.

По правде говоря, она замерзла еще в «Рено». Без печки в салоне было прохладно.

Вероника забралась в узик, положила голову сына к себе на колени и кинула последний взгляд в сторону своего автомобиля.

— Что с ним будет? — поинтересовалась она.

— Отвезу вас, а потом вернусь за «Рено». Отгоню к себе. Машина старая, поломок много. Придется повозиться. Кстати, куда едем-то?

— В столицу. Как доберемся, назову точный адрес.

Глава 14

Вероника не заметила, как задремала. Проснулась она от шума: узик въехал в город, и движение по автостраде усилилось. Столице не ведом был отдых. Она вечно бодрствовала.

— На следующем светофоре направо, — указала она дорогу хриплым после сна голосом.

Сергей, подавив зевоту, выполнил указания. Веронике стало неловко. Она разбудила человека, заставила его везти их куда-то и даже толком не поблагодарила. Исправляя положение, она сказала:

— Прости, что сорвала тебя среди ночи. Надеюсь, из-за меня у тебя не будет проблем с женой.

— За это не волнуйся. Я разведен.

Степень неловкости возросла. Сергей никогда не говорил о жене, и Веронике не следовало о ней упоминать.

— Мы расстались пять лет назад, — мужчина почувствовал ее замешательство и разрядил обстановку. — Как это модно говорить: не сошлись характерами.

— А дети? — Вероника не знала, что ее толкнуло задать этот вопрос, но отступить было поздно.

— Их нет, — Сергей бросил взгляд в зеркало заднего вида на мирно спящего Митю и добавил: — Всегда мечтал о сыне, но у Лизы было свое мнение насчет детей.

Вероника не нуждалась в дальнейших объяснениях. Она все поняла сама: жена Сергея не хотела детей. Мысленно Вероника поддержала бывшего военного. Женщине, лишенной материнского инстинкта, не стать хорошей спутницей жизни. Но отчего-то мужчины любят ветряных эгоисток. Вероника в тайне немного завидовала таким женщинам. Они умеют получать желаемое, избегая неприятных последствий. Она этим похвастаться не могла. Что бы она ни делала, последствия всегда давали о себе знать.

— Приехали, — Вероника увидела знакомый дом. — Останови у дальнего подъезда.

Ирке в жизни повезло. У нее были родители. Одного их наличия Веронике хватало для зачисления человека в счастливчики. Но подруга предпочитала снимать квартиру вместе того, чтобы жить с матерью и отцом. Будь Вероника на месте Ирки, ни за что бы не покинула отчий дом.

Часы на приборной доске показывали начало шестого. Не самое подходящее время для визита в гости. Вероника набрала номер Ирины. Потянулись минуты ожидания. Трубку долго не брали и звонок прервался. Вероника позвонила на домашний. Его громогласная трель могла поднять даже мертвого. И точно: повезло — ответили.

Заспанным и одновременно сердитым голосом подруга спросила:

— Кто?

— Иришка, — с интонациями подлизы заговорила Вероника, — ты только не ругайся, но мы у тебя под окнами. Впустишь?

В трубке повисла тишина. Ира переваривала информацию. Вероника не торопила. Спустя несколько секунд Ирина бодро скомандовала:

— Поднимайтесь!

Квартира Иры была на втором этаже. Сергей нес Митю, а Вероника чемоданы. Подруга ждала их, открыв дверь.

— Принимай беженцев, — кисло улыбнулась Вероника, пересекая порог.

Ира недавно переехала, и Вероника впервые зашла в гости. Ирка часто меняла местожительство — скандалила с хозяевами. «Однажды», — как-то сказала ей Вероника: «в столице не останется съемных квартир, где бы ты не жила».

— Почему не предупредила, что ты с мужчиной? — проворчала Ирка, кокетливо запахивая короткий халатик.

Она с одинаковым успехом могла бы открыть им дверь в одной сорочке. Веронике не понравилось, как Сергей окинул взглядом фигуру Ирки. Особенно раздражали собственные эмоции по этому поводу.

— Отнесите ребенка в постель, — Ирина показала куда именно.

Пока они с Сергеем занимались Митей, Вероника пристроила чемоданы в углу в коридоре, чтобы не мешались на проходе.

— Митька спит сном праведника, — доложил Сергей. — А я, пожалуй, поеду.

— Как даже чай не выпьете? — огорчилась Ира.

— Мне «Рено» надо до утра отогнать, пока его не нашли.

— О чем речь? — заинтересовалась Ирка.

— Я тебе расскажу, — пообещала Вероника и обратилась к Сергею: — Спасибо огромное. Не знаю, чтобы я без тебя делала.

— Вызвала бы такси. Делов-то.

С этими словами он ушел, а Вероника ощутила себя идиоткой. Как она сама до этого не додумалась? Всего-то надо было набрать номер службы такси и не пришлось бы никого беспокоить.

— Фрейд бы на это сказал, — многозначительно заметила подруга, с усмешкой наблюдая за выражением ее лица. Ира не договорила, что такого мог сказать Фрейд, дав Веронике поразмышлять над продолжением фразы.

Ирка заварила чай, достала печенье, чуть подумала и добавила початую бутылку коньяка. Веронике та была отлично знакома. У бутылки даже название имелось. Они прозвали ее «Антистресс». Уже и не вспомнить, когда ее купили. Где-то в начале их знакомства.

Когда у одной из подруг случалась беда, они доставали коньяк из заглазника и немного добавляли его в чай, снимали напряжение. Бутылка переезжала вместе с Иркой с квартиры на квартиру. То, что коньяк продержался так долго, могло означать две вещи: либо они с подругой мало пьют, либо у них все прекрасно.

— Ну, рассказывай, — разлил коньяк в чай, потребовала Ирка.

— Я сбежала, — отхлебнув горячительного напитка, сообщила Вероника. — Вот и вся история.

— Как это вся? — возмутилась подруга. — Почему ты сбежала? От кого? И, в конце концов, где ты нашла такого классного мужика?

— Это Сергей, — рассмеялась Вероника. — Он работает садовником у Светланы Георгиевны. И, кстати, он холост. Так что у тебя есть все шансы прибрать его к рукам.

— Увы, мне это не грозит. Он положил глаз на тебя.

— С чего ты взяла? — удивилась Вероника.

— Уж поверь мне. Я в этом знаю толк.

Спорить с Иркой себе дороже. Кроме того она действительно чувствовала такие вещи подобно радару и крайне редко ошибалась.

Не желая заострять внимание на скользкой теме, Вероника отвлекла подругу: поведала о причинах своего побега из дома свекрови, а после заявила:

— Я подозреваю, что никаких самоубийств не было.

— Вот как, — Ира нахмурилась. — Думаешь, всех троих убили?

С первого дня Вероника докладывала о ходе расследования Ирине, так что та была в курсе всех событий.

— Похоже на то, — кивнула Вероника.

— И кто же?

— Мне кажется, убийца Изольда Карловна, — шепотом призналась Вероника. — У нее был любовник, от которого она родила сына. Что если муж, узнав об этом, собирался бросить ее? Чем не мотив для убийства?

— Допустим, — согласилась Ирка, наливая вторую порцию чая с коньяком, что было рекордом для их посиделок. — Но как она повесила его на дереве? Для этого нужна недюжая сила.

— Может, у нее был сообщник. Тот самый любовник.

— А как насчет сына и внука? Их она, по-твоему, тоже прикончила?

— В этом я не уверена, — призналась Вероника. — Я нашла письма любовницы Леопольда. Если верить им, он хотел развестись с женой и переехать к любовнице. Может, мать не простила ему предательства?

— Она у тебя прямо защитник семейных отношений, хотя сама не без грешка. Муж собирался ее бросить — повесила. Сын намеривался уйти от жены — застрелила. Одна нестыковочка получается: Борис не был женат. За что с ним так жестоко?

— Зря иронизируешь, — обиделась Вероника. — У Изольды Карловны точно не все в порядке с головой. Она предсмертные записки мужа и сына хранит на тумбе возле кровати.

— Это не доказывает, что она убийца.

— Хорошо, — согласилась Вероника. — Пусть она невиновна. Мне уже все равно. Я не собираюсь туда возвращаться.

— Бросишь расследование? — подскочила на месте Ирка. — Когда ты так близка к разгадке?

— К какой разгадке? Ничего нового я не выяснила. Топчусь на одном месте. К тому же это не мое дело.

— А как же Митя? — Ира качнула головой в сторону спальни.

— Вдали от этого проклятого дома он в безопасности. Я официально заявляю об окончании расследования.

Вероника подняла кружку, словно бокал. Подруги чокнулись и допили чай.

— Как считаешь, коньяк может испортиться? — Ирка с задумчивым видом посмотрела на бутылку.

— По-моему, он со временем становится только лучше, — неуверенно ответила Вероника.

— А вот я где-то читала, будто коньяк нельзя долго хранить открытым. А это, между прочим, «Хеннесси».

Нельзя допустить, чтобы он испортился.

С этими словами Ира отодвинула чашки в сторону, достала с полки бокалы и разлила в них чистый коньяк. Оставшуюся часть ночи или вернее сказать утра Вероника помнила смутно. До этого дня она не употребляла крепких спиртных напитков в чистом виде. Водку и ту не пробовала. Максимум на что она была способна: выпить слабоалкогольный коктейль. Поэтому опьянела она быстро, а будучи пьяной уснула.

Очнулась Вероника на диване. Она лежала на животе, прикрытая сверху пледом. Под щекой декоративная подушка с вышитым котом. Шея, вывернутая под неестественным углом, затекла. Вероника, уперев ладони в диван, с трудом села. Голова напоминала пустую кастрюлю, в которую бросили жестяную поварешку. Она болталась там и громыкала.

Судя по теням на стене, солнце давно встало. С кухни доносились голоса вперемешку с задорным детским смехом. Вероника любила смех сына, ей нравилось, когда он веселится, но только не сегодня. В это утро смех действовал на нее, как скрежет металла по стеклу. Внутри все содрогалось при его звуке.

Кое-как она поднялась на ноги. Потребовалось пара минут, чтобы вспомнить, как стоять ровно. Пошатываясь, Вероника побрела на кухню.

— Доброе утро, соня, — поприветствовала ее Ирка.

Вот кто был бодр! На подруге предрассветные возлияния никак не сказались, словно Вероника пила в одиночку, а Ирка мирно спала в это время.

Митя сделал вид, что не заметил ее. Он хмурился и всячески демонстрировал обиду. В другой день Вероника непременно бросилась бы мириться с сыном, но нынче она даже с земным притяжением не могла наладить отношения.

Они позавтракали. Ели в основном Ира и Митя, Вероника ограничилась кофе. Тот немного ее взбодрил, и она решила распаковать чемоданы.

— Давай, помогу, — предложила Ира.

Вдвоем они перенесли чемоданы в спальню и первым делом разобрали Митины вещи. Складывая рубашки сына в ящик комода, Вероника пожаловалась:

— Сын меня ненавидит.

— Не говори ерунды. Он тебя обожает.

— Почему же он не разговаривает со мной?

— На этот вопрос я не могу ответить. Откуда мне знать, чего вы там не поделили?

— Это все свекровь, — с несвойственной для себя злостью сказала Вероника. — Она настроила Митю против меня. Сначала пустила в ход игрушки, потом наговорила ему про меня гадостей. И вот он уже не хочет уезжать из дома. А мне что было делать? Остаться там и смотреть, как она забирает у меня сына?

— Ты поступила правильно, — поддержала Ира. — Митька еще совсем ребенок. Дай ему время. Скоро забудет, кто такая бабушка Света.

— Отчего я тогда чувствую себя монстром? — поинтересовалась она.

— От того, что больно совестливая.

Вероника перешла к своему чемодану. Первым, что она увидела, открыв его, было то самое платье, в котором она ходила на последнее свидание с Володей. Один его вид пробудил в ней ярость.

— Терпеть не могу! — она схватила ни в чем неповинное платье и отшвырнула его прочь.

— Это оно? — Ира подняла наряд с пола.

Под коньяк Вероника поведала подруге историю с полицейским. Она становилась крайне болтливой даже от малой дозы спиртного.

— Как он мог меня обмануть? — негодовала Вероника.

— Да в чем обман-то?

— Как это в чем? Почему не сказал, что он племянник Светланы Георгиевны?

— Ну, ты даешь, — усмехнулась Ирка. — Тебе мужик при знакомстве должен сразу всю родословную выложить?

— Нет, — Вероника покачала головой, — но этот случай исключительный. Я ему все уши своими подозрениями прожужжала. А он хоть бы намекнул, что тоже причастен к делу. Так нет же, только твердил: Светлана Георгиевна ни в чем невиновата, она такая милая. Теперь я понимаю, отчего он это говорил. Вдруг он и меня на свидание пригласил лишь бы быть в курсе моего расследования?

— Забудь, — посоветовала подруга. — Если это правда, то он тебя не достоин.

— Тебе легко говорить. А я устала ждать принца.

— Значит, пришла пора спуститься с небес и подыскать кого-нибудь поскромнее. Принцы они такие: фиг дождешься.

Ирка как всегда была права. Но Вероника не для себя выбирает. Хочется, чтобы у Мити был хороший отец. С

другой стороны, если долго с этим тянуть, то он вообще вырастет без отца. Семь лет пролетели как один день.

— Что это? — вопрос Ирки вернул Веронику в реальность.

Подруга указывала на письма, перетянутые тесемкой. Вероника взяла стопку и повертела в руках.

— Переписка Леопольда с любовницей. Точнее здесь только ее письма. Его, наверное, хранятся у женщины. Я собиралась впопыхах и случайно захватила их с собой.

— А еще ты также случайно прихватила предсмертные записки, — Ирка потрясла у нее перед носом прозрачной папкой.

— Ой, — расстроилась Вероника. — Я обещала Изольде Карловне, что непременно их верну.

— Это судьба, — объявила подруга.

— Какая еще судьба? — не поняла Вероника.

— Судьба тебе разобраться в этом деле. Ты всю корреспонденцию с собой утащила. Значит, в глубине души хочешь прояснить все до конца.

— Так глубоко к себе в душу я не заглядывала, — проворчала Вероника.

— Так сделай это. Убеждена, тебя там ждет много любопытного.

Загадочно подмигнув, Ирка оставила ее, поразмышлять над сказанным. И Вероника размышляла. В первую очередь над тем, что делать с бумагами. Можно сжечь их и освободиться от воспоминаний о Севериных. Ни она, ни Митя никогда не были частью этой семьи.

Наверное, так бы она и поступила, если бы не данное Изольде Карловне слово. Даже тот факт, что старушка возможно и есть таинственный убийца, не повлиял на Веронику. Она обещала.

В детском доме было одно незыблемое правило: коли уж дал слово, держи его. Хуже донощиков были только пустобрехи. Но прежде чем вернуть записки, неплохо бы разобраться действительно ли их авторы Арнольд и Леопольд, а еще найти любовницу Леопольда.

Вероника уже в который раз перечитала ее адрес. Она жила в столице. По крайней мере, в то время. Если Ирке не ошиблась и это, в самом деле, судьба, то Марина не переехала.

Глава 15

Вероника сидела на лавочке возле подъезда семиэтажного дома. Если верить адресу отправителя на конверте, Марина – пассия Леопольда – проживает здесь. Столичную квартиру не так часто меняют. Целые поколения живут и умирают в одних и тех же стенах. Вероника надеялась, что Марина верна традициям и не променяла столичную прописку на домик в деревне.

Часом ранее Вероника постучала в дверь, но ей не открыли. Часы показывали половину седьмого вечера. Кто бы ни жил в квартире номер девять, он скоро вернется с работы. Вероника дала себе слово, что подождет до девяти и, если никто не явится, оставит эту затею раз и навсегда. Ира сказала: это судьба. В таком случае ей должно повезти, и она непременно встретится с загадочной женщиной. Иначе продолжать расследования нет смысла.

Минутная стрелка совершила полный оборот по циферблату, и Вероника потеряла веру в успех. Она устала и замерзла – весенний вечер был на удивление прохладным. Вероника, экономя тепло, спрятала озябшие ладони в рукава куртки. Наверное, она пропустила Марину. За столько лет та могла измениться до неузнаваемости. Трудно опознать человека по старой фотографии.

Вероника шагнула к подъезду, чтобы еще раз позвонить в квартиру номер девять, когда заметила среди прохожих невысокую женщину в твидовом пальто. Светлые волосы незнакомка зачесала в тугий хвост. Веснушки яркими пятнами выделялись на бледной коже. «Солнечные поцелуи», — с улыбкой подумала Вероника. Благодаря им она признала в шестидесятилетней женщине девушку с фотографии. Некоторые вещи остаются неизменными. Над ними не властен возраст. Помимо веснушек к постоянным относилось выражение глаз женщины. Их мягкий взгляд выдавал добросердечный нрав хозяйки.

Женщина поравнялась с Вероникой, рассеяно ей улыбнулась, как улыбалась, наверное, не одному десятку людей за день, и пошла к подъезду. Выбранное ею направление окончательно убедило Веронику: перед ней Марина – последняя любовь Леопольда.

— Здравствуйте. Можно с вами поговорить? — сказала ей в спину Вероника.

Женщина обернулась, глянула непонимающе. Но кроме них двоих на дорожке к подъезду никого не было.

— Вас ведь зовут Марина? — спросила Вероника.

— Верно, — кивнула блондинка. — А вы собственно кто?

Вероника замаялась. Как коротко и ясно объяснить, кто она и чего хочет? Стоит ли сразу назвать имя Леопольда или, быть может, Марина успела о нем забыть? Что если у нее семья и воспоминания окажутся неприятными? Вероника украдкой посмотрела на безымянный палец женщины. Обручальное кольцо отсутствовало. Не было видно и следа от него. Одобренная этим фактом, и она сказала:

— Мое имя Вероника. Мне надо с вами поговорить об одном давнем событии. Для меня это очень важно.

— Откуда вы меня знаете? — на лице женщины отразилось недоверие.

— Я прочла ваши письма, — Вероника достала из сумочки стопку писем и протянула их Марине.

Та взяла их осторожно, точно они начинены сибирской язвой, развернула первое попавшееся и горько усмехнулась.

— Я думала, их давно уничтожили.

— Они чудом сохранились. Мужчина, которому вы их отсылали, надежно спрятал их. Письма пролежали в тайнике все эти годы, пока я их не нашла.

— Тридцать лет, — усмешка превратилась в печальную улыбку. — Зачем ворошить прошлое?

— Из-за моего сына. Я боюсь, ему угрожает опасность.

Марина окинула ее взглядом, оглянулась на дверь в подъезд, а потом спросила:

— Вы любите зеленый чай?

Так Вероника была приглашена в гости к любовнице Митиногу дедушки. Квартира у нее была маленькой — всего одна комната, напомнившая Веронике собственные условия проживания.

Стоило попасть внутрь, как вопрос о составе Мариной семьи отпал сам собой. Женщина жила одна. Более того: ее одиночество длилось ни один десяток лет. Зачастую люди хранят на видных местах фотографии родственников и детей, но здесь их не было. Ни единой рамки с фото или другого намека, что здесь иногда кто-то бывает кроме хозяйки. Исключение составлял рыжий кот. Судя по повадкам: полноценный, а может стать даже главный член семьи. Он развалился посередине дивана и спал. Вместо того чтобы согнать наглое животное, Марина предложила пройти на кухню.

Там она, как и обещала, заварила ароматный зеленый чай. Пока он настаивался, Вероника рассказала свою историю, начиная с получения ненавистного наследства и до побега из-под опеки Светланы Георгиевны.

— Все это очень печально, — сказала Марина. — Но чего вы хотите от меня? Я была знакома лишь с Лео. Его жену и мать я не знала. Обо мне они тоже не слышали. А когда Лео умер, моя связь с их семьей прервалась раз и навсегда.

— Но разве вы не планировали жить вместе? Вот здесь в письме, — Вероника порылась в стопке и выудила из нее листок, — вы пишете о совместных планах.

— Так и есть, — кивнула Марина, разливая изумрудный чай. — Мы планировали, но этим планам не суждено было сбыться. Лео умер, а вместе с ним погибли мои надежды на счастье. Я так и не вышла замуж, не родила детей. Прожила всю жизнь одна в ожидании, что его смерть — дурной сон, я вот-вот проснусь, и он вернется ко мне.

Вероника пригубила чай. Она тянула время, чтобы совладать с эмоциями. Прождать всю жизнь то, чего никогда не будет — хуже судьбы не придумаешь.

— Вы сказали, что Светлана Георгиевне не знала о вас, — возобновила разговор Вероника. — Леопольд не собирался разводиться?

— Как раз наоборот. Он хотел расстаться с женой. У них давно не складывались отношения. С возрастом она превратилась в настоящую мегеру. Но прежде чем уйти от нее, Лео должен был уладить дела.

— Что за дела?

— Он планировал оставить пост директора фабрики. Для этого требовалось время. А еще Лео говорил, что должен позаботиться о деньгах, чтобы нам было на что жить, — пояснила Марина.

Вероника вспомнила: Изольда Карловна рассказывала о том, что ее сын ушел с фабрики, но о деньгах ни слова. Интересно, что он сделал с ними? Она спросила об этом у Марины.

— Лео не желал делиться с женой деньгами. Он всерьез опасался, что при разводе она отнимет у него все. Поэтому он намеривался спрятать от нее заработанное за долгие годы. Я не раз говорила ему, что для меня деньги неважны, но он стоял на своем. Сына он бы поддерживал, но жену..., — Марина помедлила, а потом пояснила: — они не ладили. По-моему, он хотел забрать деньги, чтобы насолить ей. Он и переговоры об уходе с фабрики вел втайне от нее.

— Он все же ушел оттуда, — заметила Вероника.

— Мы не успели это с ним обсудить, — сухо ответила Марина. — Незадолго до своей смерти он сказал мне, что в ближайшее время откроет жене правду о нас — это все, что мне известно. Больше письма не приходили. Я была сама не своя. Поехала в город, где он жил и там выяснила, что Лео покончил с собой.

— Вы в это верите?

— Я вам так скажу, — заявила Марина, — у Лео не было причин для самоубийства. Что там случилось для меня до сих пор загадка. Его жена меня даже на порог не пустила. В тот день мы виделись с ней в первый и последний раз.

— И вы не слышали о гибели его сына? — догадалась Вероника.

— Я не слежу за судьбой его родственников. Для меня это чужие люди. Порой навещаю могилу Лео, но этим все и ограничивается.

— Борис покончил с собой. Прыгнул под колеса поезда.

— Жаль, — покачала головой хозяйка квартиры. — Лео любил сына.

Вероника не почувствовала в голосе женщины скорби. Та все воспринимала через призму симпатий погибшего возлюбленного, ее собственные эмоции притупились.

— Как вы думаете, — с замиранием сердца поинтересовалась Вероника, — Леопольда могли убить?

— Не только могли, но и убили, — с жаром ответила Марина. Было видно: эта тема ей близка. Трудно представить, сколько бессонных ночей она провела, размышляя над причинами гибели любовника. — Деньги так и не нашли, а сумма была приличная. Какая точно, я не в курсе, но Лео часто повторял, что мы будем жить как короли, и что денег нам хватит на долгие годы.

Вероника насупилась. У нее появился второй подозреваемый. Если утром она думала, что всему виной Изольда Карловна и ее помешательство после смерти мужа, то теперь нельзя было сбрасывать со счетов и Светлану Георгиевну. Именно она получала наибольшую выгоду от смерти Леопольда. Одна беда: свекровь с ее разваливающимся домом мало походила на человека, завладевшего огромным состоянием. И куда в эту схему вписать смерть Бориса?

Вероника выразила сомнения вслух:

— Я уверена, что у Светланы Георгиевны денег нет. Она живет за счет небольшой ренты. Где, по-вашему, Леопольд мог хранить такую сумму?

— Банку он бы не доверился, — произнесла Марина. — Велика опасность, что жена потребовала бы разделить счет. Да и после его смерти о столь крупном вкладе сразу же известили бы семью.

— Верно, — кивнула Вероника. — Выходит, он их где-то спрятал. И спрятал надежно, раз их до сих пор не нашли.

— Я бы на вашем месте забыла о деньгах, — посоветовала женщина. — Нам с Лео они счастья не принесли, его жене тоже. Вряд ли вам от них будет радость.

— Да не нужны мне сбережения вашего Лео, — поморщилась Вероника. — Я хочу понять, кто его убил и за что, если вообще в его смерти кто-то виновен кроме него самого. Во всех фильмах про сыщиков говорят: найдешь мотив, поймешь кто убийца. По-моему, деньги отличный мотив.

— А что тут понимать? — Марина пожала плечами. Судя по всему, для нее этот вопрос был давно решен. — Я всегда знала, что Лео застрелила жена. Он ей сообщил о том, что уходит и забирает все нажитое. Разве она могла это допустить? А ведь я его предупреждала: будь острожен с этой женщиной.

— У вас есть доказательства?

— Откуда им взяться?

— Значит, это просто предположения.

— Это шестое чувство! — Марина поджала губы.

— А как же предсмертная записка? Если Леопольда убили, кто ее написал?

— Точно не он. Говорю вам, у него не было причин для самоубийства. Мы были счастливы, собирались пожениться и уехать в свадебное путешествие. Но эта мегера сделала все, чтобы он не ушел от нее. А когда этого оказалось мало, она пристрелила его. Одному я рада: сбережения Лео ей не достались. Есть еще в мире справедливость.

* * *

Общение с любовницей Леопольда ничего не прояснило, а лишь сильнее все запутало. К тому же пришлось отдать письма. Марина настаивала, что они принадлежат ей, так как написаны ее рукой. Вероника не нашлась, что возразить, и лишилась писем.

Так число подозреваемых с одного увеличилось до двух. И, конечно, нельзя забывать о проклятии. Чтобы не говорил батюшка, порой оно выглядело более чем реально.

У Вероники осталась последняя надежда пролить свет на странные события в семье: отдать на экспертизу предсмертные записки. Если экспертиза ничего не покажет, то она попадет в затруднительное положение. В тупик, из которого нет выхода. Она решила не откладывать экспертизу в долгий ящик и заняться этим вопросом завтра с утра.

Митя по-прежнему с ней не разговаривал, и у Вероники была масса свободного времени. Она потратила его на то, чтобы найти лабораторию, где по приемлемой цене и главное быстро были готовы изучить подчёрк записок и сравнить их с образцами.

Деньги она заняла у Иры. Опять. Потом ни один месяц будет работать на долги. Вероника договорилась с подругой, что на следующей неделе выйдет на работу и переберется с сыном домой. Пора возвращаться к привычной жизни.

Утром она первым делом отправилась по найденному в интернете адресу. Удобнее всего туда было добираться на метро. Вероника впервые спустилась в подземку с тех пор, как узнала о гибели Бориса. Она держалась подальше

от края платформы, будто стоит взглянуть вниз на рельсы и увидишь окровавленное тело бывшего возлюбленного.

Только покинув метро, она снова задышала полной грудью. Нервное напряжение покинуло тело.

Предсмертные записки Арнольда и Леопольда с образами их подчерков лежали в сумке. Вероника прижимала ее к себе, словно несла несметные сокровища. Со стороны она наверняка смотрелась привлекательно для карманников, но она ничего не могла с собой поделывать.

В лаборатории миловидная девушка забрала у Вероники бумаги, оформила договор, пробила чек и велела подойти через неделю за результатом. Вся процедура заняла от силы полчаса.

Ждать целую неделю – это так долго. Вероника уныло плелась обратно к станции метро. Она надеялась, что экспертиза не займет много времени. Пару дней еще куда ни шло, но неделя. Так она ни за что не уложится в срок, отведенный Изольдой Карловной. Старуха придет в негодование.

На обратном пути Вероника сочиняла оправдание для Изольды Карловны. По непонятной причине ей было важно мнение старой женщины. Даже тот факт, что она может оказаться убийцей, не уменьшал ее значимости.

В субботний по-летнему теплый день на улицах было многолюдно. Пришло время помириться с сыном. Хватит ему дуться. У них впереди целый день. Они могут сходить в зоопарк, поесть мороженого, снова почувствовать себя семьей. И никто им не нужен. Они были и будут счастливы вдвоем.

Подобные размышления придали Вероники сил. Она начала думать, что результаты экспертизы не имеют значения. Главное, что у нее есть Митя, и она никому не позволит его забрать. Ни суду, ни свекрови, ни проклятию.

Первым, что она увидела, переступив порог квартиры, были ключи от «Рено». Они лежали на тумбочке в коридоре. Сергей починил машину и пригнал ее в город, а она была так невнимательна, что не заметила ее на улице.

Жаль, ее не было дома, когда он приезжал. Интересно, о чем они с Ирккой болтали. Вероника поймала себя на том, что беспокоится, как бы Сергей не увлекся подружкой. Хотя, казалось бы, какое ей до этого дело?

Надо бы позвонить Сергею и поблагодарить его. Может, даже купить ему подарок в знак признательности. В конце концов, он не обязан был доставлять автомобиль прямо к подъезду. Вот помирится с сыном и подыщет подарок.

— Митя! — позвала Вероника.

Ей никто не встречает. Ладно, Митя – он обижен, но Ира-то куда пропала? В квартире было подозрительно тихо. Вероника впервые поняла, какова из себя зловещая тишина. Словно затаился кто и выжидает.

— Митя, хватит дуться, — обратилась она к пустому коридору. — Давай, мириться. Сходим в зоопарк, ты ведь обожаешь зверушек.

С каждым словом голос звучал все приглушенней, пока окончательно не сошел на нет. Испуганная молчанием, она выкрикнула имя подруги:

— Ира!

В ту же секунду открылась дверь в ванную и оттуда показалась зареванная Ирка: лицо распухло от слез, глаза и кожа вокруг покраснели. В последний раз она так плакала, когда они вместе ходили на «Титаник». Тогда они обе ревели как белуги, а когда вышли из кинотеатра выглядели так, будто побывали на настоящих похоронах ДиКаприо.

— Что случилось? — шепотом спросила Вероника.

— Они забрали его, — сквозь всхлипы проговорила Ирка.

— Кто кого забрал? — Вероника задавала вопрос, а сама уже знала ответ. Недаром Митя не отзывается.

— Я ничего не могла поделывать, — оправдывалась Ира. — Они были в форме, с документами.

— Кто? — Вероника бросилась к подружке и принялась трясти ее за плечи.

— Полицейские, — наконец, ответы полились из Иры, как вода из сорванного крана. — Они заявили, что ты украла ребенка и что его надо вернуть бабушке.

— Но ее никто не назначал опекуном! Суда еще не было!

— Я так им и сказала, но они ответили, что ты не имела права самовольно увозить мальчика.

— Самовольно, — как эхо повторила Вероника. Она не подозревала, что собственный сын ей больше не принадлежит.

Обхватив голову руками, Вероника осела на пол. Ира пристроилась рядом и обняла ее за плечи.

— Что теперь будет? — поинтересовалась Вероника у подруги.

— Хотела бы я знать.

Впервые Ира не нашлась, что ответить. От этого Веронике стало еще горче.

Десятью минутами позже они сидели на кухне. Слезы высохли, им на смену пришла глубокая задумчивость.

— Жаль, коньяк закончился, — пробормотала Ирка, подперев щеку кулаком. — Я бы сейчас не отказалась хлопнуть рюмашку.

— Я поеду за ним, — заявила Вероника, вскидывая голову.

— На поклон к Светлане Георгиевне?

— Я извинюсь, и она пустит меня в дом.

— Извинишься? — опешила Ира. — С какой стати?

— Что еще мне остается? — Вероника поднялась из-за стола. — Пока суд не принял решение в мою пользу, придется с ней считаться.

— Да гори эта ведьма ясным пламенем! — в сердцах выпалила Ирка.

Вероника застыла на месте как вкопанная, обернулась к подруге и попросила:

— Никогда так больше не говори.

— Почему? — оторопела Ирка.

— Беду накличешь.

Вероника прошла в спальню, собрать чемодан сына, но там ее ждало новое потрясение: вещи Мити пропали вместе с ним. Как только полицейские управились за такой короткий срок? Наверное, работали не покладая рук. Вероника зло пнула ножку кровати. Удар пришелся на большой палец левой ноги. От резкой боли свело всю ступню, но это помогло Веронике окончательно прийти в себя.

— Хочешь, я поеду с тобой? — предложила Ира.

Вероника посмотрела на стоящую в дверях подругу и покачала головой.

— Нет. Ты все равно ничем не сможешь.

Вместе они отнесли чемодан в машину, обнялись на прощание, и Вероника завела «Рено». Автомобиль тронулся с места, отражение Иры постепенно уменьшалось в зеркале заднего вида, пока совсем не пропало. Вероника осталась одна. Она четко ощутила это, одиночество сделалось осязаемым. Оно будто сидело рядом с ней на месте пассажира и нагло ухмылялось, говоря: «У тебя нет и никого не будет кроме меня». Вероника опасалась, что эти слова окажутся пророческими.

Всю дорогу она провела как во сне. В самом своем жутком кошмаре. Автоматически выполняя повороты и нажимая на педали, думала только об одном: что делать, если Светлана Георгиевна не пустит ее к сыну? Вероника была готова остаться в доме столько, сколько потребуется. Если нельзя забрать Митю в столицу, тогда она поселится с ним.

Она подъехала к дому в растрепанных чувствах. Одновременно испуганная и злая. Внешне особняк выглядел как обычно: пустая подъездная дорожка, газон с ранними тюльпанами, позади лес высится стеной, точно взял дом в блокаду. Но внешнее спокойствие казалось наигранным, как если бы все вокруг затаилось в ожидании грандиозного скандала. Вероника знала, что его не избежать.

Она вышла из машины, громко хлопнув дверью — оповестила жильцов о своем приезде. Расчет оправдался: она подходила к двери, когда та отворилась. Навстречу вышла Раиса. Ее кудри без косынки торчали во все стороны. Она нервно теребила край передника.

— Вам лучше не входить, — обратилась она к Веронике.

Вероника замедлила шаг и остановилась на пороге, точно напоролась на невидимую стену.

— Мой сын здесь?

— Да, — кивнула Раиса и повторила, как заведенная: — но вам лучше не входить.

Вероника плечом оттолкнула кухарку и прошла в холл, а оттуда в гостиную — любимую комнату свекрови. Она не ошиблась: Светлана Георгиевна была там. Сидела с книгой в руках. Даже после эффектного и шумного появления Вероники она не прервала своего занятия и подняла голову, лишь дочитав до конца абзаца.

Все это время Вероника терпеливо ждала, когда на нее обратят внимание. Она дала себе зарок ни в коем случае не ссориться. От умения держать себя в руках зависело многое. Она должна быть милой вопреки всем нападкам Светланы Георгиевны.

— Добрый день, — поздоровалась Вероника, следуя выбранной тактике.

— Кому как, — Светлана Георгиевна закрыла книгу и опустила ее на стол. Она проделала это с таким видом, что несложно было догадаться: причина ее неудачного дня стоит прямо перед ней.

— Митя у вас? — Вероника обязана была немедленно это выяснить. В противном случае она рухнула бы с сердечным приступом.

Свекровь окинула ее неприязненным взглядом. Она намеренно тянула с ответом, наслаждаясь страданиями невестки. Вероника стиснула зубы, повторяя про себя как мантру: «Я не буду кричать, я не буду кричать». Пока что это действовало, но чаша ее терпения не бездонна.

— Он в детской, играет с няней, — смилостивилась свекровь.

Вероника развернулась к двери. Все чего она хотела — незамедлительно увидеть сына и убедиться, что с ним все в порядке.

— Куда это ты собралась, милочка? — окликнула Светлана Георгиевна.

Ее голос подобно метеопрогнозу предвещал бурю. Вероника, борясь с внутренней дрожью, вновь повернулась к свекрови и ответила:

— Повидаться с сыном.

— Я запрещаю тебе общаться с ним.

— Вы не можете этого сделать, — не поверила своим ушам Вероника. Но где-то внутри шевельнулся червячок сомнения: а что если может?

— Ты украла ребенка. Где гарантия, что ты не повторишь попытку?

— Как можно украсть собственного сына?

— Пока идет разбирательство и суд, я имею права знать, где находится мой внук. Ты же увезла его, не согласовав это со мной. Но даже если опеку над мальчиком присудят тебе, имущество семьи останется над моим контролем, а значит, я должна буду постоянно видеться с внуком.

— Где тут связь? — не поняла Вероника.

— До его совершеннолетия я владею всем, что ему завещано. Помимо присмотра за имуществом в мои обязанности входит забота о наследнике.

— Вы сами это только что придумали, — не поверила Вероника. — Забирайте свое имущество, нам оно не нужно. Отдайте мне сына, и мы уедем, покинем этот дом навсегда.

— Я не так глупа, милочка, — улыбнулась Светлана Георгиевна. — Возможно, в данный момент тебе ничего не нужно, но где гарантия, что так будет всегда? Кто может поручиться, что Митя, когда вырастет, не вернется, чтобы забрать у меня все?

— Этого не будет.

— Ты не можешь этого знать! — повысила голос свекровь.

Вопрос наследства сильно волновал Светлану Георгиевну. Веронике в жизни не понять, за какие заслуги можно так любить старую развалюху под названием дом. Ей бы никогда не пришло в голову попытаться им завладеть. Но надо отдать должное Светлане Георгиевне: за Митю Вероника не могла поручиться. За одиннадцать лет до его совершеннолетия всякое может случиться. Как ни тяжело это признавать, но в чем-то свекровь права.

— Молчишь, — усмехнулась Светлана Георгиевна. — Правильно делаешь. Тебе нечего возразить, потому что я сказала правду. Ты не в силах обещать, что твой сын не вернется однажды за тем, что ему причитается. Отказаться от наследства он не может в силу возраста. Что же мне делать?

— Что? — повторила Вероника.

— Мне остается одно: воспитать его самой. Я выращу его, как собственного сына. Он будет любить это место и всех его обитателей, включая меня. Я с малолетства привью ему уважение к старшим. Он будет слушаться меня во всем.

— Вы спятили, — пробормотала Вероника. — И все это ради старого корыта, которое трещит по швам? Да этот дом не сегодня-завтра развалится!

— Ничего подобного!

Как Вероника не старалась держаться в рамках приличия, она не вытерпела. Следующие ее слова насквозь пропитал яд:

— Вы уже вырастили сына и где он сейчас? Ваше воспитание свело его в могилу. Видимо, не так уж хорошо ему жилось с мамой, и он отправился раньше на тот свет лишь избавиться от вас.

— Не смей упоминать Бориса, — прошипела Светлана Георгиевна. — Не моя вина, что он вырос слабым. Это все проклятые гены его отца.

— И вы туда же, — Вероника разозлилась не на шутку. Она больше не контролировала себя. — Все только и делают, что говорят о проклятии. Знаете, как я поступлю? Когда мой сын вырастет и сможет распоряжаться этим домом, мы сожжем его дотла. Чтобы даже пепла не осталось. Вот как я освобожу его от проклятия!

— Пошла вон, — Светлана Георгиевна говорила тихо, но от этого ее голос звучал весомее. — Я запрещаю тебе видеться с моим внуком до суда. А там посмотрим, чья возьмет.

Вероника не могла до конца поверить, что у нее отняли сына. Она не желала так просто сдаваться. Игнорируя свекровь, она бросилась в коридор и закричала:

— Митя! Митя, это мама. Иди ко мне, сынок!

Светлана Георгиевна шла за ней следом. Опираясь на трость, она с улыбкой наблюдала за попытками Вероника докричаться до сына.

Митя не отзывался, и Вероника собралась подняться за ним. Она поставила ногу на первую ступень, когда свекровь заявила:

— Я бы на твоём месте не ходила в детскую.

— Вы не можете мне запретить, — огрызнулась она.

— Я и не буду. Это всего лишь дружеский совет.

— О чем вы?

— Ты уверена, что сын хочет тебя видеть?

Вместо ответа, Вероника взбежала по лестнице, перепрыгивая через ступени. Светлана Георгиевна не могла за ней угнаться из-за хромоты.

Вероника рывком открыла дверь детской. Потрясенная няня сидела с открытым ртом у телевизора. Митя играл в войнушку. Он расставил солдатиков и танки на полу. Нельзя было пройти по комнате и не споткнуться. Вероника ринулась напролом к сыну, круша все на пути. Тела игрушечных солдатиков хрустели под туфлями.

— Митя, — она прижала сына к груди.

— Посмотри, что ты наделала, — вместо приветствия сказал он.

Вероника оглянулась. Места, где она ступала, можно было легко вычислить по разбросанным и покореженным игрушкам.

— Прости, я просто очень рада тебя видеть, — она погладила сына по голове. — Собирайся, мы уезжаем.

— Опять? Я же только приехал.

В детскую вошла Светлана Георгиевна. Вероника отметила, что та подозрительно быстро взобралась по лестнице. Она бы не удивилась, стань известно, что свекровь симулирует хромоту.

— Оставь мальчика в покое, — велела Светлана Георгиевна. — Пусть себе играет. Разве не видно, что ему здесь нравится?

— Не правда! — выкрикнула Вероника. — Вы его запугали.

— Пока что ты единственная, кто его пугает, — заметила свекровь.

Вероника посмотрела на сына. Тот, в самом деле, выглядел встревоженным. Ради Мити она совершила невозможное – взяла себя в руки. Глубоко вздохнув, спокойно попросила:

— Пойдем со мной.

Ответ сразил ее наповал:

— Я хочу остаться здесь.

Глава 16

Вероника плохо помнила, как выбралась на улицу. Просто вдруг обнаружила, что стоит рядом с «Рено» и сжимает ключи в кулаке. При этом окружающее из-за слез виделось как в тумане.

Вероника ничего не понимала. Как Светлана Георгиевна за столь короткий срок умудрилась стать Мите ближе родной матери? Где она ошиблась? Где не доглядела? Неужели она настолько плохая мать, что ребенок рад оставить ее при первой возможности?

Дрожащей рукой она попробовала вставить ключ в замок на двери автомобиля, но все никак не могла попасть в маленькую скважину. Ключ царапал бок машины, но ей было плевать.

— Вероника!

Кто-то окрикнул ее, но она не обернулась, продолжая свое занятие.

Пусть свекровь выиграла битву, но война еще не проиграна. Митю пришлось оставить на попечение свекрови. Не могла же она увести его силой. На суде это обратят не в ее пользу. При этом Светлана Георгиевна ясно дала понять, что не желает видеть Веронику. Как же быть? Вернуться в столицу нельзя. Она ни за что не бросит сына.

— Вероника! — кто-то снова позвал ее. На этот раз ближе.

Из-за угла дома появился Сергей.

— Тебе нельзя садиться за руль в таком состоянии, — сказал он, подходя к автомобилю.

— Она забрала его, — пожаловалась Вероника, будучи в состоянии думать о чем-либо другом.

— Я знаю, — мужчина отобрал у нее ключи. — Ничего страшного. Все образуется.

— Что мне делать?

— Она выгнала тебя из дома?

Вероника кивнула. Слова застряли в горле. Да и как рассказать, что сын променял тебя на малознакомую женщину, а та в свою очередь не пускает тебя на порог? Вместо этого она попросила:

— Отвези меня в участок.

Сергей с сомнением взглянул на нее.

— Что ты будешь там делать? Хочешь написать заявление на Светлану Георгиевну?

— Ничего я не буду писать. Мне надо поговорить с одним человеком.

— С Володей, — догадался мужчина. — Думаешь, он тебе поможет?

Говоря, он открыл «Рено» и сел за руль. Вероника обошла машину и устроилась на соседнем с водителем сиденье. Она задумчиво посмотрела на свое отражение в боковом зеркале и сказала:

— Я у него не помощи ищу, а ответов.

Сергей пожал плечами. Кажется, он решил, что это не его дело. Вероника была ему за это благодарна. Военные лучше других умеют выполнять поставленные перед ними задачи. Спасибо армии и царящей там системе – «приказ – подчинение без лишних вопросов».

Когда «Рено» остановилось рядом с полицейским участком, Вероника практически успокоилась. Она сказала Сергею, что он может ее не ждать. Дальше она разберется сама. Правда она слабо представляла, что будет делать после разговора с Володей и куда поедет, но жаловаться Сергею не стала. Он и так с ней долго возится. Любой другой на его месте давно бы бросил ее самостоятельно разбираться с проблемами.

Дежурный, узнав Веронику, пропустил ее без вопросов. Она несмело постучала в дверь кабинета. Чем ближе она была к Владимиру, тем быстрее таяла ее уверенность в том, что она поступает правильно. Но женское самолюбие требовало реванша. Вдруг Володя сможет как-то повлиять на Светлану Георгиевну? Она его тетя и они, если верить Изольде Карловне, близки. Вдруг у него получится уговорить Светлану Георгиевну сжалиться над Вероникой.

Полная надежд она вошла в кабинет. Лицо Володи при ее виде вытянулось, но он быстро взял себя в руки. Указал на стул и даже предложил кофе. Вероника поудобнее устроилась на стуле, беседа предстояла долгая. А вот от кофе она отказалась. И без того нервная система перевозбуждена. Ни к чему подстегивать ее искусственно.

— Как дела? — спросил мужчина.

Ему было неловко, он не знал, с чего начать разговор. Что привело его в замешательство? То, что он так и не перезвонил после их недавнего поцелуя или поступок тетки? А может он боится, что она устроит скандал? Последнее предположение казалось Веронике самым вероятным. Володя смотрел на нее, как на действующий вулкан: извержение может произойти в любую минуту, но когда именно это случится неизвестно.

— Прости, я не позвонил, — принялся он оправдываться. — Много работы.

— Ничего страшного. Я сама была занята, — холодно отозвалась Вероника.

— Что-нибудь стряслось?

— Я думала, ты в курсе. Мало того, что твоя тетка забрала моего сына, так она ко всему прочему запрещает мне с ним видеться.

Она внимательно следила за реакцией Володи. Как он отнесется к тому, что она в курсе его родства со Светланой Георгиевной? Если он сделает вид, что не понял намека, она выльет содержимое графина с водой ему на голову. Тот как раз удобно расположился на краю стола на расстоянии вытянутой руки.

— Я не хотел тебе говорить, потому что догадывался, как ты это воспримешь.

Володя повел себя мудро: он не отрицал своего промаха. Идею с графином пришлось отложить.

— Поэтому ты предпочел мне солгать.

— Перестань, — поморщился он. — Это даже ложью нельзя назвать. Да, я не сказал тебе, что Светлана Георгиевна — моя родственница, но это не значит, что у меня был злой умысел.

— А что это значит? — любопытно спросила Вероника. — Не ты ли уговаривал меня прекратить расследование? Будешь меня убеждать, что это никак не связано с тем, что Светлана Георгиевна заменила тебе мать и вырастила как родного сына.

— И что с того? — он развел руками. — Тетя всего-навсего попросила меня присмотреть за тобой, чтобы ты не наделала глупостей.

— Поэтому ты приглашал меня на свидания? Чтобы разузнать, что я выяснила? — Вероника задохнулась от возмущения.

— Тебя послушать, так у нас тут настоящие шпионские игры. Я приглашал тебя, потому что ты мне нравишься. Если ты и делилась со мной результатами своих розысков, то делала это по собственной воле. Хотя лично я считаю твои находки смехотворными. О каком проклятии идет речь? Мне тридцать семь и я все еще жив? А я, между прочим, вырос в том доме.

— Ты не имеешь отношения к Изольде Карловне, — сказала Вероника. — По сути, ты ей никто. В тебе течет другая кровь.

— Твоему умению подгонять факты под свою теорию можно позавидовать, — усмехнулся Володя. — Чем скорее ты распростишься с бреднями о проклятии, тем быстрее увидишься с сыном.

Вероника встрепенулась. Последние слова Володи доказывали: он в курсе того, как Светлана Георгиевна с ней поступила. Вероника ощутила, как отвращение к полицейскому пронизывает тело. Каждой клеточкой своей сущности она возненавидела его.

— Почему Борис не завещал дом тебе? — поинтересовалась она, желая побольнее его уколоть.

— Потому что мы терпеть друг друга не могли, — ответил Володя. — Борис ревновал мать ко мне. Считал, что меня она любит больше. Так и было. Он был закомплексованным неврастеником. Редко кто выносил его нытье дольше пары минут.

— Не правда, — покачала головой Вероника. — Он был не таким. Борис был добрым и ранимым. Он не виноват, что близкие его не понимали.

— Тебе виднее, — согласился мужчина. — Это ты спала с ним целых два года.

Володя произнес это так, словно говорил о чем-то предосудительном. Он хотел ее унижить, но Вероника не

поддалась на провокацию, заявив:

— А еще я целовалась с тобой. И я бы охотнее согласилась провести еще пару ночей с Борисом, будь он жив, чем хоть еще один раз поцеловаться с тобой.

Она встала. Рука сама собой потянулась к графину. Раньше Вероника всегда тщательно взвешивала свои решения, прежде чем перейти к действиям. Тем приятнее было поддаться соблазну.

Схватив графин, она с наслаждением вылила его содержимое Володе на голову. Вода вмиг пропитала волосы, стекла по лицу на рубашку, намочив ворот. Вероника с удовольствием бы насладились моментом подольше, но надо было ретироваться, пока противник не пришел в себя и не принял ответные меры.

Уже стоя на пороге, она не удержалась от финального аккорда:

— Больше не звони мне.

Стук каблучков по кафельному полу сопровождал ее к выходу из участка. Он звучал подобно набату — тревожный сигнал, призыв мобилизовать силы для борьбы. Вопреки опасениям Володя не погнался за ней. На этом жизненном этапе можно ставить жирную точку.

В автомобиле ее ждал сюрприз: Сергей не ушел. Он по-прежнему сидел на водительском месте. Не говоря ни слова, она открыла пассажирскую дверь и устроилась рядом.

— Как прошло? — первым заговорил Сергей.

— Познавательно.

— И куда теперь?

Вероника открыла рот, чтобы ответить, но поняла: она не знает, что сказать. Уехать назад в столицу и бросить Митю в чужом городе невозможно. Но и остаться тоже не выходит. Где она будет жить? Насколько ей известно, гостиницы здесь отродясь не было. Она посмотрела на Сергея.

Он с ходу догадался о раздирающих ее противоречиях и безапелляционным тоном заявил:

— Поживешь у меня.

Первым порывом Вероники было отказаться. Остановиться у малознакомого мужчины, ночевать в чужом доме казалось аморальным. Но ведь речь идет о сыне. Находиться вдали от него выше ее сил, и она согласилась.

Сергей жил не в квартире, а в доме. Чем-то он неуловимо напоминал избу Раисиной матери. Наверное, тем, что был построен по тому же принципу: каркас из брусьев, окна со ставнями. Все как в старину. Можно подумать, возводили дом еще во времена Ивана Грозного.

Сергей показал спальню, где Вероника будет ночевать, сказав при этом, что сам поспит в гостиной на диване. Он занес чемодан и ушел забрать узик, который остался у дома Светланы Георгиевны.

Вероника осталась одна. Никогда прежде она не замечала в себе авантюристскую жилку. Это Ирка способна броситься навстречу приключениям очертя голову. Вероника больше думала, чем действовала. А тут она вдруг, не взвесив все, как следует, согласилась жить под одной крышей не пойми с кем.

Пока Сергей отсутствовал, Вероника изучила обстановку. Дому не хватало женской руки. И хотя внутри было чисто, на стенах висели фотографии, а на полках стояли милые безделушки, жилище казалось необжитым. Веронике было трудно определить в чем тут дело. Дому словно не хватало духа семейного очага. Не было уюта и тепла.

Она рассмотрела фотографии на стене в гостиной: настоящая семейная хроника, начиная с детства Сергея. Вот он стоял на снимках рядом с отцом и матерью на фоне дома. Последний, судя по всему, принадлежал его родителям и перешел к нему по наследству. Дальше шли армейские фото. В военной форме при полном параде Сергей выглядел мужественным и решительным, готовым в любой момент ринуться в бой или прийти на помощь нуждающимся. Из общения с этим человеком Вероника давно поняла, что он такой и есть: защитник обиженных и обделенных. В противном случае с чего ему тратить время на нее?

Увидела она и фотографии бывшей жены. То, что они до сих пор висят на стене, Вероника сочла подтверждением любви Сергея. С болезненным любопытством она разглядывала женщину и пришла к выводу, что со вкусом у Сергея порядок. Бывшая супруга обладала приятными чертами лица и неплохой фигурой.

Сергей вернулся через пару часов, неся в руках пакеты доверху набитые продуктами. Включая пустой холодильник, он пояснил:

— Я сам не готовлю. На завтрак обычно хватает кофе, обедами кормит Раиса, а на ужин я беру что-нибудь быстрого приготовления из магазина неподалеку.

— Хорошая система. И главное экономная, — улыбнулась Вероника, намекая на неработающий холодильник.

Приготовление ужина легло на ее плечи. Она взялась за дело с энтузиазмом. С тех пор, как они с Митей переехали к бабушке, кухней и всем что с ней связано занималась Раиса. Вероника и не думала, что будет скучать по сковородам и мискам.

Пожарив отбивные из свинины и сделав салат из свежих овощей, Вероника накрыла стол и позвала Сергея ужинать.

— Я видел Митю, когда забирал узик, — сказал мужчина, пока она разливала чай.

Рука Вероники непроизвольно дрогнула, и она едва не пролила кипяток себе на ноги. Поставив чайник на плиту, она спросила:

— Он выглядел счастливым?

— Не терзайся попусту, — посоветовал Сергей. — Светлана Георгиевна купила его дорогими подарками, но пройдет немного времени, и он соскучится по маме. Никакие игрушки не заменят материнскую любовь.

— Хорошо если так. Я по нему ужасно скучаю. Последние дни мы редко виделись и это целиком моя вина.

— Как устроилась? — сменил тему Сергей.

Вероника принялась хвалить дом. Делала она это от чистого сердца. Он ей, в самом деле, понравился. Она не предполагала, что ей будет здесь настолько комфортно, словно она в гостях у старого друга.

Чай они вышли пить на улицу. Веранды не было, зато имелось крыльцо. Деревянные ступени за день прогрелись на солнце и теперь охотно делились теплом, будто в них встроены подогрев, как в автомобильных сиденьях.

— Мне не хватает сына, — пожаловалась Вероника. — Мы никогда не расставались с ним больше, чем на полдня. Я, наверное, сойду с ума, если не увижу его в ближайшее время.

— Мы что-нибудь придумаем, — заверил ее Сергей. — Светлана Георгиевна не следит за ребенком, а с няней легко договориться.

— А вдруг меня снова обвинят в попытке его украсть?

— Значит, сделаем все так, чтобы никто не узнал о вашей встрече, — поставил точку в обсуждении Сергей.

Вероника подивилась про себя его непоколебимой уверенности в своих силах. Вот бы ей так! А то она вечно всего опасается, оглядывается по сторонам, точно ее преследуют. Между тем, она давно выросла и теперь отвечает не только за себя, но и за Митю. Она должна быть сильной. Если не ради себя, то хотя бы ради него.

* * *

С тех пор как Митя вернулся, он почти не выходил из дома. И дело вовсе не в том, что ему запрещалось покидать его пределы. Он сам этого не хотел. В свои семь лет он впервые настолько привязался к окружающей обстановке.

С его рождения они с мамой жили в однокомнатной квартире, но при этом Митя точно знал: так будет не всегда. Это временный перевалочный пункт на пути к истинному пристанищу. И вот он, наконец, его обрел. Ни за что на свете Митя не согласится уехать из дома. Жаль мама не разделяла его любви к этому месту. Это огорчало, но он не терял надежды, что однажды она все поймет и полюбит дом не меньше.

Стены дома оказались Мити роднее всех проживающих здесь людей. Мальчик не мог до конца объяснить своих чувств. Про себя он сравнивал особняк с убежищем, в котором можно укрыться от невзгод. Это его крепость и он в ней король, а по совместительству и главный рыцарь. Самый сильный и самый бесстрашный.

Няня, видя, что Митя ведет себя примерно, все чаще оставляла его одного. Он пользовался этим и ускользал в комнату к бабушке. Она угощала его овсяным печеньем, рассказывала истории из своей жизни и позволяла рыться в коробках.

Этот раз не стал исключением. Как только няня вышла за дверь, сказав, что отправляется на кухню, поговорить с Раисой, Митя шмыгнул в коридор вслед за ней. По опыту он знал, что разговор двух женщин может длиться часами. Но даже если няня вернется пораньше, скрип лестницы предупредит о приближающейся угрозе.

Митя постучал в дверь к бабушке и, получив приглашение, вошел. Сегодня его ждала едва ли не самая большая коробка из имеющихся в комнате. Он с удовольствием предвкушал, как будет по очереди доставать из нее старые бумаги. Они пахли как подвал, в котором давно не убирались. Может ему повезет, и он найдет какую-нибудь забавную безделушку, как это случилось вчера, когда ему в руки попал «Кубик Рубика». Бабушка разрешила забрать его себе, и Митя не уснул, пока не собрал головоломку.

Помимо игрушек в коробках часто встречались фотографии. Их он тоже любил. Люди в странных нарядах, каких уже не увидишь на улице, смотрели на него со снимков. Разглядывая черно-белые фото, Митя начал побаиваться фотоаппаратов. Они словно крали человеческие души, навсегда запечатывая их на листе глянцевого бумаги.

Сегодня ему снова попались фотографии. Целая стопка лежала наверху коробки. На каждом фото, так или иначе, присутствовал высокий худой мужчина. Своей бледностью он напомнил Мите привидение. А еще ему показалось, что он уже где-то видел этого мужчину. Он сосредоточенно изучал его лицо, пока не вспомнил: похожий на него человек приходил недавно к школе; стоял и смотрел прямо на Митю. Он тогда не придавал этому значения, а теперь заинтересовался. Что делал человек с бабушкиной фотографии рядом с его школой? Зачем он приходил? Мите стало интересно, кто этот мужчина, и он спросил у бабушки.

Та взяла одну из фотографий. Долго смотрела на нее, потом на Митю и опять на фото незнакомца. А после сказала:

— Это твой отец.

Митя представлял папу по-другому. В его фантазиях отец был капитаном дальнего плавания. Загорелый с белозубой улыбкой. Или летчиком испытателем. В военной форме с орденами на груди. На худой конец полярником. С обветренным лицом и в енотовой шапке. Но уж точно не тощим блеклым мужчиной в потрепанном костюме.

Глядя на него, Митя никак не мог придумать, кем работал этот человек, а потому поинтересовался:

— Кем он был?

— Кажется, его должность называлась менеджер, — неуверенно ответила бабушка.

Митя поморщился. Менеджер совсем не героическая профессия. Когда мама сказала, что папа умер, Митя подумал: отец — настоящий смельчак — погиб в борьбе за Родину на войне. Неважно, что это была за война. Значение имел сам факт его трагической и одновременно героической смерти.

— Он был хорошим человеком, — произнесла бабушка. — Он бы тебе понравился.

Митя согласился, чтобы ее не обидеть. Следующую фотографию он рассматривал особенно пристально. Здесь у отца был такой обреченный вид, что Мите стало его жалко. Наверное, папа был очень несчастным человеком.

Митя расстроился: у него был шанс поговорить с отцом, но он его упустил. Ах, если бы он знал тогда, кем был тот человек у школы, он бы сам к нему подошел. Может, он бы сумел спасти папу.

Митя аккуратно вернул фотографии на место. Ему расхотелось рыться в коробке. Вместо этого он впервые за несколько дней ощутил желание выйти на улицу.

Он спустился в кухню и попросил у няни разрешение прогуляться в саду. Судя по тому, как та поджала губы, его ждал отказ, но в разговор вмешалась кухарка. Она сказала, что ничего страшного с ним не случится. В саду работает Сергей. Он за ребенком и присмотрит.

Так Митя получил карт-бланш. Следуя указаниям женщин, он отправился на поиски садовника. Он был знаком с дядей Сережей. Тот ему даже нравился. Он был сильным и смелым. Как раз такой, каким он мечтал видеть отца. Отыскав мужчину среди вишневых деревьев, Митя поздоровался.

— Привет, — дядя Сережа улыбнулся ему широко и по-доброму. — Что ты здесь делаешь?

— Гуляю. Няня велела найти вас, чтобы вы за мной присматривали, и я не наделал глупостей.

— А ты часто делаешь глупости? — прищурился садовник.

Митя задумался. Он не замечал за собой ничего подобного. Но спорить со взрослыми себе дороже. Поэтому он ответил:

— Бывает иногда.

— Хочешь помочь? — дядя протянул ему кисточку, которой красил стволы деревьев в белый цвет.

Митя с охотой взялся за дело. Это было новое для него занятие: рисовать на деревьях. До этого он думал, что рисуют только на бумаге.

Вишни на днях зацвели. Их дивный аромат витал над головами пахучим облаком. Белые цветы напоминали снежинки, осевшие на ветвях и не желающие таять.

Митя, закусив язык, тщательно красил ствол. Сантиметр за сантиметром. Занятие его увлекло. Какое-то время они работали молча, а потом дядя Сережа спросил:

— Ты скучаешь по маме?

Митина рука застыла в сантиметре от ствола дерева. Ночью, после того как мама ушла, он плакал и даже немного жалел, что соврал будто хочет остаться с бабушкой Светой. В действительности это было не так. Но скажи он это, и мама непременно увезет его, а этого он боялся больше всего. Но можно ли довериться дяде Сереже?

— Скучаю. Я просил бабушку Свету, чтобы мама жила с нами.

Это была чистая правда. Только бабушка в ответ странно на него посмотрела и ушла. Митя так и не понял, выполнит она его просьбу или нет.

— Почему же ты не уехал с мамой?

— Потому что она не хочет тут жить. А это не правильно.

— С чего ты так решил?

— Мне приснился один дядя, — признался Митя. — Он сказал, что это мой дом, и я должен тут остаться.

Дядя Сергей озадачено посмотрел на него. Митя чувствовал, когда ему не верят. Но он не стал винить садовника. Сон и правда был странным. Человека, который говорил с ним, он видел на фото в комнате бабушки. Она называла его мужем. Он приснился Мите сразу после истории с волшебной доской. С тех пор Митя твердо знал, что должен остаться в доме.

— Вот оно что, — произнес дядя Сергей, а потом добавил: — Но ведь ты хочешь увидеться с мамой?

— Еще как хочу, — кивнул Митя.

— Приходи завтра в сад. Она будет тебя ждать. Только никому не рассказывай о нашем договоре, — предупредил садовник, — а то ничего не выйдет.

Глава 17

Вероника нервничала. План Сергея был полон изъянов, но она ухватилась за возможность увидеть сына, как хватается утопающий за край спасательной лодки. Неважно, что там будет дальше, главное она снова обнимет Митю. А потому она молча сносила неудобства, а их было не мало.

Начать с того, что день выдался на удивление знойным, и под шерстяным пледом совершенно нечем было дышать. Больше всего на свете Вероника хотела выбраться из укрытия и вздохнуть полной грудью, но риск, что ее заметят, был слишком велик.

Она не могла в открытую заявиться к дому Светланы Георгиевны, и тогда Сергей придумал привезти ее тайно, на заднем сидении уазика. Кто станет заглядывать в автомобиль садовника и выяснять, что скрывается под старым пледом?

Помимо того, что Веронике ежесекундно приходилось бороться с обмороком от жары и асфиксией, так она еще крайне неудобно сидела. Чтобы уместиться под пледом и не вызывать подозрений, она устроилась на корточках на полу уазика между передним и задним сиденьями. Ноги затекли моментально. Последние несколько минут пути Вероника изо всех сил боролась со стонами.

Наконец, свершилось чудо: уазик остановился. Вероника благоразумно ждала сигнал. На это ушла еще пара минут, показавшихся ей вечностью. Но вот Сергей сдернул с нее плед, и она разогнулась. Первые движения дались с трудом. Она чувствовала себя, как человек, который заново учится ходить после серьезной травмы.

Сперва Вероника распрямила спину. Помассировала поясницу, ускоряя приток крови к затекшим конечностям. Она ощутила легкое покалывание в ногах, последние несколько минут они не подавали признаков жизни. Она ухватилась за спинку сиденья и подтянулась, распрямляя колени.

— Ты как? — Сергей с сочувствием смотрел на нее.

— Напомни мне в следующий раз, когда я задумаю очередную глупость, об этой поездке.

— Зачем? — не понял он.

— Может, я одумаюсь.

Сергей предложил Веронике руку. С его помощью она выбралась из уазика. Придя в себя, осмотрелась и не узнала места.

— Куда ты меня привез? — спросила Вероника.

— Это заброшенная часть сада, — пояснил Сергей. — Сюда редко, кто ходит. Вон там, — он указал на сарай, похожий на чуть раздавшийся вширь сельский туалет, — я храню инструменты. Ты подождешь Митю внутри.

Сергей открыл замок на сарае и жестом пригласил Веронику внутрь. Она не могла похвастаться высоким ростом – ее рост составлял стандартные метр семьдесят, и обувь Вероника носила без каблуков, но ей пришлось нагнуться, чтобы войти. Таким низким был дверной проем.

В сарае было так же тесно, как между сиденьями уазика. Большую часть пространства занимал садовый инвентарь. Лопаты, грабли, ведра и еще куча неизвестных Веронике предметов. Они стояли вдоль стен рядами, так чтобы к каждому имелся свободный доступ. Лишь небольшой пяточек около самого входа был свободен. Его как раз хватало, чтобы войти, протянуть руку и взять необходимые для работы вещи. Даже дверь за собой прикрыть не получится.

— Боюсь, мне здесь нет места, — сказала Вероника.

— Это мы сейчас исправим.

Сергей вынес на улицу несколько ведер разного калибра, грабли для сбора сухой листвы и тяпку с острыми зубьями. Такой ничего не стоит убить человека. Вероника невольно посторонилась, когда он пронесил грозное орудие мимо нее.

— Давай, помогу, — предложила она.

— Незачем тебе тяжести таскать. К тому же у меня здесь особый порядок. Это как в армии – у каждой вещи должно быть свое место.

— Так я аккуратно.

Сергей ответил очередной байкой:

— Был у нас один показательный случай. Прилетел к нам на посадку вертолет: мотор глянуть и бока подкрасить. Ребята поставили банку с краской рядом с бортом, а когда улетали, забрали ее с собой. Но на асфальте от нее белый круг остался. Спустя пару лет они снова к нам заглянули и наткнулись на такую картину: солдаты подрисовывают очертания того круга, что остался после банки. А когда летчики спросили у солдат: «Зачем этот круг нужен?», те ответили, что сами не знают, но раз уж он есть, то надо его содержать в порядке. Вот это аккуратность. Штатским такой учиться и учиться.

В сарае стало просторнее. Взрослый человек вполне мог втиснуться между лопатой и газонокосилкой, что Вероника и сделала. Сергей прикрыл дверь, оставив небольшую щелку для притока воздуха. Через щель проникал и

солнечный свет. Вероника замерла на отведенном ей участке и постаралась расслабиться. Двигаться было опасно: любой неаккуратный взмах руки закончится погромом.

Сергей ушел, прихватив с собой инструменты. По плану он не должен был привлекать к себе внимание, занимаясь обычной работой в саду. Когда появится Митя, он отведет его к сараю, где Вероника сможет спокойно пообщаться с сыном. Никогда она не думала, что для встречи с собственным ребенком понадобится изображать из себя шпиона.

Вопреки ожиданиям ее пребывание в сарае длилось недолго. Вероника не успела заскучать, когда с улицы послышались голоса. В первую секунду она испугалась, решив, будто Светлана Георгиевна разгадала их план, но потом поняла, что один из говорящих ребенок. Близость Мити лишила ее здравого смысла. Позабыв об опасности, она ринулась к сыну.

Дверь сарая с оглушительным треском ударила о стену, когда Вероника распахнула ее ударом ладони. Митя в сопровождении Сергея шел по тропинке. Вероника побежала к нему навстречу. Упав на колени, обняла сына и прижала к груди. Не меньше минуты она осыпала его лицо поцелуями, пока он не начал сопротивляться, высвобождаясь из крепких материнских объятий.

— Митенька, родненький, — Вероника отстранилась, но по-прежнему держала сына за плечи, боясь его отпустить хоть на миг. — Как ты? Тебя не обижают?

— У меня все хорошо, — он вымученно улыбнулся. — Жаль, ты не можешь жить с нами.

Вероника закусила нижнюю губу, сдерживая слезы, и сказала:

— Скоро мы снова будем вместе. Я тебе обещаю. Потерпи немного.

— Я не хочу уезжать, — заявил Митя. — Мне тут нравится.

Вероника сумела взять себя в руки и скрыть неприятный осадок после его слов. Она уже слышала из уст сына о том, что он хочет остаться, но надеялась, что из-за разлуки он изменил мнение.

— Ну, хорошо, — Вероника пригладила волосы Мити, — поживи пока у бабушки, а там видно будет.

Митя улыбнулся. Как только он понял, что его не заберут из дома, его настроение вмиг улучшилось. Он принялся рассказывать, как вкусно готовит Раиса, как он играет в комнате бабушки. Вероника слушала и думала о том, что опасения Светланы Георгиевны не беспочвенны. Даже если Вероника увезет сына, то он вернется сюда, когда подрастет и потребует наследство. Она не знала, чем именно его привлекает это место, но было очевидно: Митя искренне влюблен в дом и его окрестности.

— Как твоя рука? — Вероника осторожно коснулась гипса.

— Совсем не болит. Доктор обещал, что скоро снимет гипс, — похвалился Митя.

Вероника улыбнулась. Как минимум одна хорошая новость.

Все время их беседы Сергей стоял в стороне. Он не вмешивался в разговор, пока не настала пора прощаться. Вероника напоследок обняла сына и спросила у садовника:

— Что мне делать?

— Пойдешь по тропе до зарослей. В них есть лаз. Он ведет на поле. Оттуда недалеко до моего дома, — он протянул ей ключи.

Вероника взглядом проводила удаляющиеся фигуры сына и Сергея, и только после того, как они скрылись из вида, отправилась на поиски дыры в заборе.

Остаток дня она провела в доме Сергея. Позвонила адвокату, рассказала о ситуации с Митей. Тот не особо ее подбодрил, сказав, что увозить ребенка тайком не следовало. Вероника расстроилась еще сильнее. Откуда ей было знать, что возвращение в родной город посчитают похищением?

Желая отблагодарить Сергея за свидание с Митей, Вероника приготовила царский ужин. Купила в магазине филе курицы и сливки, а в шкафу нашла макарон. Ингредиенты подходили для итальянской пасты. Вероника взялась за готовку с энтузиазмом.

Входная дверь открылась в тот момент, когда она выключила газ под сковородой с пастой. Вытерев руки о передник, она вышла в коридор: встречать хозяина дома. Сергей улыбнулся, увидев ее, и спросил:

— Как прошел день?

Вероника пожалала плечами. Рассказывать было нечего. Но все равно этот простой вопрос, то, как они ведут себя — все напоминало ей вечер в обычной семье. Не хватало только сына, радостно выбегающего навстречу отцу. От этой мысли защемило в груди. Именно о такой жизни она всегда мечтала. Веронике не нужны были дорогие яхты, поездки на лучшие курорты мира. Все о чем она мечтала — иметь опору, любить и быть любимой и никогда больше не страдать от одиночества.

Сергей шумно втянул носом воздух и восхитился:

— Как вкусно пахнет!

Вероника довольно рассмеялась. До чего приятно готовить для того, кто в состоянии оценить твои старания. Конечно, Митя тоже говорит «спасибо», но все равно это немного другое.

— Мой руки и идем ужинать.

Пока Сергей пропадал в ванной, Вероника еще раз проверила сервировку стола. Разгладила салфетки, поправила тарелки. Ей хотелось, чтобы сегодня все было на высшем уровне.

Вдвоем они сели за стол. Сергей окинул взглядом белую скатерть, на которую Вероника чисто случайно наткнулась в одном из кухонных шкафов, и сказал:

— Не хватает свечей.

— Что? — не поняла она.

— Ну, бывают такие маленькие свечки в круглой подставке. Их еще ставят на столы в кафе, чтобы создать атмосферу.

— Это будет уже перебор, — улыбнулась она. Веронике неловко было признаться, но идея со свечами пришла ей по вкусу. Одна беда: свечи настраивали на романтический лад, а она не знала, как Сергей это воспримет.

— Митя просил, чтобы я еще привел тебя, — произнес Сергей, пробуя пасту. Как только первая порция блюда попала ему в рот, он закатил глаза. — Боже, до чего это вкусно! Ты прирожденный повар.

Щеки Вероники вспыхнули от похвалы. Не часто ей доводилось слышать комплименты в свой адрес. Сергей, не обращая внимания на ее смущение, вновь принялся рассказывать одну из своих многочисленных баек:

— Был у нас в части случай забавный. Как раз с готовкой связанный. Солдаты, прежде чем себе татуировки делать, тренировались на свиньях. Одну такую свинью — всю в наколках — зарезали на ужин. А полковнику приспичило заявиться на кухню с проверкой. И видит он такую картину: лежит на столе кусок туши с кожей, так с первого взгляда и не понятно чьей, а на нем татуировка: «Вова ДМБ — 85».

Вероника чуть не подавилась курицей от смеха, представив лицо полковника. Сергей прекрасно умел разрядить обстановку.

Отсмеявшись, она вернулась к теме встреч с сыном:

— Была бы моя воля, я бы ходила на тайные свидания с Митей каждый день. А Светлана Георгиевна ничего не заподозрила?

— Откуда? Она обычно занята двумя вещами: собой и размышлениями о том, где взять деньги.

— Неужели ее положение столь плачевно?

— Мне трудно судить, — ответил мужчина. — Тебе надо спросить об этом Владимира.

Веронике показалось, что он упомянул Володю с неприязнью. Она сама была не в восторге от обманувшего ее мужчины, но за что его недолюбливал Сергей?

— Мы с ним больше не общаемся, — призналась она.

— Что так?

— Володя мне лгал. Скрывал, что он племянник Светланы Георгиевны.

Сергей вскинул брови:

— Я думал, ты в курсе. Об их родстве знают все в городе.

— Может и так, только я не местная.

— Мое упущение, — покачал он головой. — Я привык, что в нашем городке каждому известна любая мелочь друг о друге, и забыл поделиться информацией с тобой.

— Есть еще что-нибудь, что ты забыл мне рассказать? — Вероника спросила это просто так, не рассчитывая на ответ.

— Дай подумать, — Сергей нахмурился, а потом сказал: — ты ведь слышала, что сбережения Севериных после смерти Леопольда таинственным образом исчезли. Среди местных необычайно популярна эта история. Многие по сей день надеются отыскать клад.

— Я на днях встречалась с бывшей любовницей Леопольда, и она мне сказала о деньгах. Но клад, — Веронике не сдержала усмешки, — это из области фантастики.

— Не скажи, — возразил Сергей, прожевав очередную порцию пасты. — Деньги в семье водились и не малые — это факт. А после того, как несчастный застрелился, благосостояние внезапно улетучилось. Доподлинно известно, что денег он никому не отдавал. Так где же им быть?

— Светлана Георгиевна могла втихую тратить их все это время.

— Ты видела дом и мебель внутри. И то, и другое в плачевном состоянии и срочно нуждается в ремонте. Не похоже, что у хозяйки порядок с финансами.

Вероника, будучи противницей споров, предпочла согласиться:

— Хорошо, допустим, Леопольд деньги никому не отдавал. Что он с ними сделал?

— В этом вся прелесть, — подмигнул Сергей. — Принято считать, что он спрятал их где-то в доме или на прилегающей к нему территории.

Восхищенная людской фантазией, Вероника потрясенно покачала головой:

— Да вам в пору туристов по городу водить. Уверена, найдется много желающих послушать историю о самоубийцах и кладе.

— То, что Светлана Георгиевна родом с села, ты слышала?

— Да, — она кивнула. — И это удивительно. Я-то представляла ее чуть ли не наследницей аристократического рода.

— Она умеет держаться на людях. Этого у нее не отнимешь. А как насчет романа между твоим бывшим и Раисой? Тоже в курсе?

— Бывшим? — Вероника не сразу догадалась о ком идет речь.

— Я об отце твоего ребенка говорю. О Борисе.

— Не может быть! — Вероника смотрела на него широко распахнутыми глазами. А ведь она говорила с кухаркой о Борисе и та промолчала насчет их отношений.

— Мне все-таки удалось тебя поразить, — он самодовольно улыбнулся.

Вероника пропустила замечание Сергея мимо ушей, обдумывая, как вывести Раису на чистую воду.

— Ты должен организовать мне встречу с Раисой, — она строго посмотрела на Сергея.

— Хочешь снова прятаться в сарае?

— Не в этот раз, — видя, что тарелка собеседника опустела, Вероника добавила ему пасты. — Она будет более откровенной на нейтральной территории. Заставь ее прийти завтра в кафе часа в два.

— И как я это сделаю? Приставлю ей нож к горлу?

— Я бы на твоём месте заманила ее хитростью, но тебе виднее.

Конечно, Вероника шутила, но ей правда необходимо поговорить с Раисой. Та может пролить свет на смерть Бориса.

— Ладно, — согласился Сергей, — что-нибудь придумаю.

По традиции они вышли пить чай на крыльцо. Вероника поллюбила вечерние посиделки. Было здорово сидеть на ступеньке, сжимать в ладонях теплый фарфор и пить горячий чай, вслушиваясь в стрекот сверчков. Немного портили идиллию комары, норовящие забраться под кофту и полакомиться кровью. Испробовав в первый вечер на себе их зверский аппетит, Вероника намазалась кремом от комаров и теперь не знала проблем.

После дневных переживаний Вероника ощутила приятную расслабленность. Она потянулась и зевнула. Сергей приобнял ее за плечи, и она склонила голову ему на плечо. Будь на его месте кто-то другой, Вероника сочла бы такое поведение вольностью, но с ним все обстояло иначе. Она едва ли могла объяснить, в чем собственно было различие. Просто она воспринимала Сергея как родного. Казалось, они знакомы не один десяток лет. Еще ни с одним мужчиной ей не было так комфортно. Прекрасное умиротворяющее чувство.

— Устала? — спросил Сергей, погладив ее по голове.

Столько нежности крылось в этом простом движении, что Вероника вмиг разомлела. Она походила на греющегося на солнце кота: в точности также жмурилась от удовольствия.

Вероника не стала отвечать. К чему слова? Вместо этого она запрокинула голову и повернула лицо к Сергею. Она надеялась на поцелуй, и тот не заставил себя ждать. Вероника не успела опомниться, как Сергей подхватил ее на руки. Он поднялся по ступеням крыльца, толкнул входную дверь ногой, а из коридора напрямик направился в спальню.

Никогда еще она не испытывала столь головокружительного желания. Ее поразили собственный импульс и невозможность устоять перед ним. На пару с Сергеем она избавилась от одежды с такой скоростью, точно та горела на ней и от того, как быстро Вероника скинет пылающую кофту, зависит ее спасение. Как только рухнула последняя преграда, Вероника прильнула к Сергею, растворилась в его сильных руках. До рассвета она принадлежала только ему. И это было восхитительно.

* * *

Посетители кафе предпочитали столики на улице. Под навесом из светло-коричневого тента все свободное пространство занимали белые пластмассовые столы и стулья, гладкие на ощупь. Официанты в фирменных передниках под цвет тента сновали между столами как рыбы между кораллами.

В обеденный перерыв все столы были заняты, и Вероника ждала, пока один из них освободится. Конечно, она могла пройти в зал. Там работал кондиционер. Но куда приятнее ощущать дуновение настоящего ветерка, чем дышать искусственно озонированным воздухом.

Наконец, группа молодых людей поднялась, освободив стол, и Вероника заняла их место. До назначенной встречи с Раисой оставалось минут двадцать, и она заказала кофе с булочкой. Сергей говорил, что здесь пекут отличные круассаны с повидлом. Соседние улицы насквозь пропитались дивным ароматом свежей выпечки.

При мысли о Сергее Вероника покраснела. Рядом с ним она превращалась в гейшу. Прежде она не подозревала, что в ней дремлет страстная натура. Но тем восхитительнее было открытие.

Официант принес заказ. Круассан был только что из печи. Вероника откусила кусочек, теплое клубничное

повидло испачкало губы, и она с наслаждением их облизала. Запивая сладкую булку горьким кофе, Вероника выглядывала среди пребывающих посетителей Раису. Та оказалась на удивление пунктуальной. Часы показали половину третьего – время, на которое была назначена встреча – и кухарка вошла под навес.

Вероника приподнялась и помахала женщине рукой. Раиса, заметив адресованный ей жест, направилась к столику. Присев напротив Вероники, она кивнула в знак приветствия и уткнулась в меню. Лишний взгляд в сторону Вероники был ей в тягость.

Подошел официант, Раиса заказала чай с бергамотом на пару с круассаном. После того, как официант скрылся за стеклянной дверью кафе, кухарка подняла взор на Веронику и в открытую заявила:

— Я пришла лишь потому, что меня попросил Сергей и еще ради Мити. Он славный мальчик. Не хочу, чтобы он повторил судьбу отца.

— И на том спасибо, — кивнула Вероника. — Откровенно говоря, мне твоя симпатия ни к чему. От тебя я жду одного: правды.

— Я и так рассказала все, что знаю, — Раиса снова отвела взгляд. Лгунам тяжело смотреть в глаза собеседнику.

— Не все, — настаивала Вероника. — Например, ты утаила, что тебя с Борисом связывали близкие отношения.

На миг щеки Раисы вспыхнули алым. Румянец удивительно шел к каштановым кудрям и молочной коже. И без того яркие карие глаза засверкали как янтарь на солнце. Вероника аж задохнулась до того была хороша эта сельская простушка. Красотой чистой, природной, не запятнанной. Не удивительно, что Борис не устоял.

— Как давно вы начали встречаться? — спросила Вероника, видя, что Раиса не намерена продолжать разговор. Та опустила плечи, словно сдавалась на милость врага, и ответила:

— Пять лет назад.

— Пять лет?! — Вероника не смогла скрыть глубину своего замешательства. — Почему вы не поженились?

— О чем вы говорите? — Раиса грустно усмехнулась. — Светлана Георгиевна и меня, и Бориса сжила бы со свету. Она бы ни за что не позволила сыну породниться с такой, как я.

— Светлана Георгиевна не далеко от тебя ушла, — проворчала Вероника. Она до сих пор чувствовала ответственность за Бориса, как это было, когда она жили вместе, а потому не осталась равнодушной к его несчастью. Вдруг Борис покончил с собой из-за проблем в личной жизни? Вероника спросила об этом у Раисы.

Та энергично затрясла головой, опровергая ее догадку.

— Нет, нет, дело совсем не в этом. Нам было хорошо и так. Борис никогда бы не пошел против воли матери, а мне было все равно. Лишь бы он был рядом.

— Что толкнуло его на такой страшный поступок?

— Проклятие, — Раиса сказала это будничным голосом, будто все в округе это знали, и одна только Вероника пребывала в неведении.

— Ты в него веришь?

— Какая разница? Главное Боря в него верил. Последний год он твердил лишь о нем. Дня рождения боялся, как черт ладана.

— Не может быть, — не верила Вероника. — Борис не был суеверен.

Раиса отвлеклась на принесенный официантом круассан с чаем. Пока она уплетала угощение, Вероника размышляла. Мог ли страх Бориса перед проклятием превратиться в навязчивую идею и стать настолько сильным, что он убил себя лишь потому, что по-настоящему верил? С первого взгляда идея казалась абсурдной, но это если не знать характера Бориса. Живя с ним, Вероника не раз подмечала его заикленность. Порой им овладевала какая-то мысль, и он увязал в ней как муха в сиропе.

Подобные навязчивые состояния случались нечасто, но они имели место. Вероника припомнила один показательный случай. Однажды Борис простыл. Ничего серьезного, он продолжал ходить на работу, пока кто-то из коллег не сказал, что его симптомы похожи на грипп. В тот же вечер Борис слег с высокой температурой, а вызванный на дом врач поставил диагноз – грипп. Была середина лета, и эпидемия гриппа давно закончилась. Сработало самовнушение. Человек, сказавший про грипп, был настолько убедителен, что Борис поверил и, на самом деле, заболел. Что мешало этому сценарию повториться с проклятием? Все что Борису было нужно – поверить в реальность проклятия, а дальше он убедил себя шагнуть под поезд. Оставалось найти катализатор – человека, который внушил ему, что проклятье существует.

— Откуда он вообще услышал о проклятии? — подумала Вероника вслух. Она была уверена: когда Борис жил с ней, он не подозревал о проклятии.

— Изольда Карловна сильно за него переживала, — откликнулась Раиса. — Как увидит Бориса, сразу начинала причитать, что ему недолго осталось.

«И тем самым погубила внука», — закончила про себя Вероника. Все встало на свои места. Изольда Карловна случайно или умышленно изо дня в день внушала Борису мысль о скорой гибели. Тридцать пять лет – рубеж, который она обозначила. И Борис четко его придерживался. Она практически внушила ему, что он должен

покончить с собой.

— Изольда Карловна не виновата, — Раиса догадалась по лицу Вероники, о чем она думает, и поспешила обелить имя старухи. — Мне мама рассказывала, что после смерти мужа, Изольда Карловна не верила в проклятье. Так было вплоть до того, как застрелился Леопольд. Невестка убедила ее, что в смерти Леопольда виновно проклятие. Она твердила это до тех пор, пока старуха окончательно не помешалась.

Вероника никогда так внимательно не слушала собеседника. Она буквально впитывала каждую букву, жалея об одном, что нельзя достать блокнот с ручкой и записать слова кухарки. Это могло спугнуть внезапную откровенность Раисы.

— Но откуда Борис знал содержимое предсмертной записки отца? Изольда Карловна уверяла, что он ее не видел.

— Видел, — ответила Раиса. — Он тайком пробрался в комнату бабки и отыскал там много интересного. Очередному мистическому совпадению нашлось простое объяснение, чему Вероника несказанно обрадовалась.

— А Борис говорил тебе, зачем едет в столицу? — спросила она.

— Открыто нет. Но он часто упоминал сына в последнее время. Я думала, он хочет с ним повидаться.

— Он никогда не интересовался Митей, — отметила Вероника. — С чего вдруг такая перемена?

— Он готовился к смерти, — прошептала Раиса с таким видом, точно произнесла вслух нечто запретное.

— Если ты это знала, почему не остановила его? — Вероника разозлилась на глуповатую кухарку.

— Что я могла? — Раиса округлила глаза. — Это же проклятие! Куда мне тягаться с высшими силами?

— Ты сама минуту назад сказала, что это Изольда Карловна внушила Борису мысль о проклятии. А ей эту идею подсказала Светлана Георгиевна. Причем здесь высшие силы?

— Но ведь отец Бориса застрелился, — напомнила Раиса.

Вероника прикусила язык, чтобы не наговорить лишнего. Развивать тему бессмысленно. Раиса принимала за чистую монету историю с проклятием. Можно было спорить хоть до хрипоты. Ничего не изменится.

Вероника отодвинула от себя чашку и устало откинулась на спинку стула. Потерла ноющие виски. Беседа с кухаркой довела ее до головной боли. Как можно быть такой инфантильной?

— Ты любила Бориса? — из чистого любопытства поинтересовалась Вероника.

— Да, — кивнула Раиса.

Вероника покачала головой. Смотреть, как любимый человек движется к пропасти и ничего не предпринимать. Все было еще хуже, чем она представляла. Покорность Раисы переходила мыслимые границы. Вероника сама до недавнего времени была такой. Она молча сносила невзгоды и удары судьбы. Наверное, так продолжалось бы и дальше, если бы не нависшая над Митей угроза. Ради сына она сумела, наконец, взять себя в руки и бросить вызов миру. Глядя на Раису, как на зеркальное отражение себя недавней, Вероника испытывала смешанные чувства. Что-то среднее между жалостью и отвращением.

Раиса глянула на часы над входом в кафе и сказала:

— Мне пора возвращаться. Не хватало только, чтобы мое отсутствие заметили.

Кухарка расплатилась за чай с булочкой и покинула кафе. Вероника проводила ее взглядом, испытав облегчение, когда та скрылась за углом.

Несмотря на неприятные эмоции, что всколыхнула в ней Раиса, Вероника сочла разговор удачным. Она многое узнала. Борис действительно сам бросился под поезд, намерено скопировав предсмертные записки отца и деда, чтобы лишний раз подтвердить: проклятие существует.

Две смерти в страшной цепочке нашли логичное объяснение. Два самоубийства не связаны между собой. Арнольд убил себя, будучи не в состоянии снести позор из-за измен жены. Борис пал жертвой внушаемости. Ему было проще покончить с собой, чем разбираться со своей жизнью. Для него это был практически идеальный выход. Оставалась загадочная смерть Леопольда. Вероника умышленно не стала называть его гибель самоубийством. Что-то подсказывало: здесь все намного сложнее.

Заплатив по счету, Вероника поднялась из-за стола. Она вышла из-под навеса и направилась в сторону парковки, где оставила «Рено», но сделав пару шагов, наткнулась на Владимира. Прятаться было поздно. Натянув на лицо вежливую улыбку, она поздоровалась и спросила:

— Следишь за мной?

— Я тоже рад тебя видеть, — кивнул в знак приветствия мужчина.

Вопреки ее ожиданиям он не выглядел злым. И это после того, как она вылила графин воды ему на голову. Должно быть, у него стальные нервы.

— Что ты здесь делаешь? — поинтересовалась Вероника.

— Решил перекусить. У меня обед, — он кивнул на кафе, а потом добавил: — присоединишься?

— Спасибо, только что оттуда, — она по инерции отказалась, но сразу поняла, что совершила ошибку. Володя вел себя так, словно числился у нее в должниках. Наверное, ему было неловко из-за обмана. Его вину можно

использовать себе во благо, и Вероника, передумав, приняла приглашение.

Двоем они вернулись за столик, откуда она встала минутой назад. Владимир сделал заказ. В отличие от Вероники и Раисы он не ограничился напитком и булочкой, взяв комплексный обед. Официант отошел, и Владимир спросил:

— Когда вы с Раисой успели сдружиться?

— Тебе-то что? — ошетинулась Вероника. Она планировала расспросить участкового, а не попасть к нему на допрос.

— Вы сидите в кафе, как две старые подруги. Мне показалось это странным.

— Она рассказала мне о своих отношениях с Борисом и о том, что он в последний год планировал свое самоубийство, — сказала она, внимательно следя за реакцией собеседника.

Но Володя ее разочаровал. Он пожал плечами в ответ на ее признание и равнодушно заметил:

— Борис с детства был немного не в себе. Все-таки двое самоубийц в роду. А сумасшествие, как известно, передается по наследству.

— Ты знал, что Леопольд спрятал деньги накануне смерти? — Вероника продолжила тактику внезапных откровений и неожиданных вопросов.

— Я тогда был ребенком. Помню только, что в доме творилось нечто невообразимое после его смерти. Все точно с ума посходили.

— В каком смысле?

— Бабушка причитала о том, что проклятие начало сбываться. Тетя ходила мрачная. Мы с Борисом были предоставлены сами себе, — вспоминая детство, Владимир задумчиво складывал салфетку до тех пор, пока она не превратилась в маленький квадратик.

— Сочувствую, — ехидно произнесла Вероника. — У тебя было невероятное тяжелое детство.

Владимир усмехнулся.

— Не подозревал, что ты можешь быть такой колючей. Совсем как еж.

Вероника отвернулась, стыдясь своего поведения. Да, Володя ее обманул. Да, он ее использовал. Но это не значит, что она должна уподобляться ему. Следующий вопрос она задала нормальным тоном:

— Ты никогда не думал, что это Светлана Георгиевна убила мужа ради денег? Он собирался уйти к другой и забрать с собой все сбережения семьи.

— Я узнал об этой неприятной ситуации, когда пошел в колледж. Что тут скажешь? Леопольд был мужчиной, а мы все падки на симпатичных девушек, — Владимир окинул Веронику плотоядным взглядом.

Она предпочла сделать вид, что не поняла намек. Ни к чему ворошить историю с поцелуем.

Видя, что Вероника не собирается отвечать, Владимир продолжил:

— Кто бы ни сказал тебе о деньгах, он соврал, а может просто не владел всей информацией. После смерти Леопольда нам пришлось туго. Были дни, когда мы перебивались с хлеба на воду. Кстати, не исключено, что именно таинственная любовница дяди прикарманила деньги.

Вероника фыркнула, выразив свое отношение к его догадке, и указала на несостыковки в его словах:

— Если все было так плохо, как ты говоришь, то откуда у твоей тети взялись средства на содержание кухарки и садовника?

— Поначалу их не было. Мы были вынуждены отказаться от услуг Раисиной мамы. Но потом все постепенно наладилось. Тетя выгодно сдала внаем землю, и мы зажили если не так хорошо, как прежде, то уж точно не хуже других. Плюс я помогаю ей с зарплатой. И еще не забудь про пенсию бабушки.

— И этих крох хватает, чтобы содержать дом и службу? — перебила его Вероника.

— Более или менее. Раисе много не надо. Сергею платят и того меньше. По-моему, он работает просто от скуки. Старухи тоже много не требуют. Единственный крупный источник расхода — это плата за дом, но его я полностью взял на себя.

— Я смотрю, ты сильно любишь тетю, — не удержалась от колкости Вероника.

— Она приютила меня, когда я остался совсем один, и вырастила. Почему мне ее не любить?

Как Вероника ни старалась, ее стрелы не достигали цели. У Владимира можно было поучиться умению держать себя в руках. Чувствовалось, что они со Светланой Георгиевной родственники.

— Мне пора, — Вероника встала из-за стола и потянулась за сумочкой, висевшей на спинке кресла.

— Подожди, — Владимир перегнулся через стол и перехватил ее руку. — Мы еще увидимся? Я бы с удовольствием продолжил наше знакомство. Ты мне нравишься.

Говорил он искренне. Наверное, поэтому он так быстро простил ей хамское поведение. Сыграла роль личная симпатия. Вот только Вероника осознала: Володя вовсе не тот, кто ей нужен. Он не герой ее романа. И ей было капельку стыдно, что она так долго заблуждалась на его счет.

— Прости, — она высвободила ладонь из его пальцев, — у нас ничего не получится.

Глава 18

Вероника удобно пристроила голову на плече Сергея. Распахнутые окна и легкий сквозняк даже ночью не спасали от зноя. Натянутая на окно сетка сдерживала натиск насекомых. Вероника бездумно прислушивалась к их жужжанию и рассматривала стену напротив кровати. Взгляд невольно наталкивался на фотографию бывшей жены Сергея, но она тут же переводила его на что-нибудь другое. Неловко было видеть фото женщины, будто подглядывающей за ними.

— Ты все еще что-то чувствуешь к ней? — спросила Вероника.

— О ком ты?

Она высвободила из-под простыни руку и указала на стену.

— Ты о Лизе что ли? Да просто все никак руки не дойдут снять фотографии.

Вероника приподнялась, чтобы Сергей мог встать. Как был нагим он прошел к стене и одну за другой снял с нее фотографии бывшей, сложил их лицом вниз на комод и повернулся к Веронике.

— Так лучше?

— Намного, — она улыbnулась.

Кто бы мог подумать, что она будет ревновать мужчину к его прошлому. Веронике казалось она выше этого. Но было приятно смотреть, как Сергей снимает соперницу с пьедестала, на котором та провела не один год.

— Иди сюда, — она похлопала по матрасу рядом с собой.

Сергей воспользовался приглашением, повалился на кровать рядом с Вероникой и притянул ее к себе. Пока он не перешел к поцелуям, она призналась:

— Я сегодня виделась с Володей.

Целый день ей мерещилось, что она хранит чуть ли не государственную тайну. Не сознайся она сейчас, лопнула бы.

Испугавшись, что сболтнула лишнее, она пояснила:

— Мы встретились случайно. В кафе.

Сергей положил руку ей на затылок. Его ладонь была громадной, голова Вероники покоилась на ней, как на подушке. Перебирая пальцами ее волосы, он поинтересовался:

— О чем вы говорили?

— По большей части о деньгах, — Вероника обрадовалась, что все обошлось.

— Ты его шантажировала? — он улыbnулся.

— Как ты мог такое подумать?! — она изобразила возмущение и попыталась высвободиться из объятий. За что была жестоко наказана: Сергей перевернулся и подмял ее под себя. Вероника оказалась в невыгодной позиции, но у нее и в мыслях не было бунтовать.

— Ты опять занялась расследованием, — глядя на нее сверху вниз, констатировал Сергей.

— Честно говоря, я его и не бросала.

— Ну, хорошо, — он бережно убрал непослушный локон с ее лица. — Тебе удалось выяснить что-нибудь новое.

— Увы, — она вздохнула, прижимаясь щекой к его руке, — Володя лишь повторил то, что я и так знала. Он говорил о сбережениях, пропавших после смерти Леопольда. Так или иначе, их существование подтверждают все, но при этом деньги никто не видел. Они словно испарились.

— Один человек их точно видел, — заметил Сергей.

— Кто?

— Леопольд. И еще подумай вот над чем: где он до этого хранил деньги? Если дома, то их пропажу не могли не заметить домочадцы. Если в банке на сберегательной книжке, то должны быть свидетели, как он их снимал.

Вероника подпрыгнула бы на месте, если бы ее не придавливал сверху Сергей.

— Надо разузнать, где были деньги до исчезновения, вдруг это поможет выяснить, куда их дел Леопольд, — зачастила она. — Что если он перевел их на какой-нибудь счет? Они там лежат себе спокойненько все это время, проценты капают. Ты не в курсе в то время реально было открыть счет где-нибудь на Каймановых островах?

Чтобы прервать поток рассуждений, Сергей накрыл своими губами губы Вероники. Она захлебнулась словами, что поначалу вызвало у нее ярый протест, но уже через пару секунд она сдалась на милость победителя.

Следующий день начался со звонка сотового телефона. Вероника сонно потянулась, встала и отправилась на поиски мобильного. По пути ей попались часы. Они показывали половину одиннадцатого. Вот это она заспалась! Сергей давно ушел на работу и скоро должен вернуться на обед, а она только встала.

На экране телефона определился незнакомый номер. Первая ее мысль была о Мите. С ним что-то стряслось и ей звонят, чтобы поставить в известность. Влажной от холодного пота ладонью Вероника сжала сотовый и приложила его к уху. Ее «алло» прозвучало хрипло и слабо, точно у больного ангиной.

— Вероника Александровна? — спросила трубка незнакомым голосом.

— Да, это я, — так же тихо ответила она.

— Вы заказывали у нас экспертизу подчерка, — бодро отрапортовал голос. — Она готова. Можете заехать, забрать результаты.

Вероника не сразу поняла, о чем речь. За прошедшую неделю она забыла об экспертизе. Пообещав забрать результаты сегодня, она отключилась.

Наспех черканув Сергею записку, она выехала в направлении столицы. Экспертиза поставит точку в этом деле. Какими бы не были результаты, они разрешат все сомнения. Либо записку написал Леопольд и тогда он действительно пустил себе пулю в висок. Либо кто-то подделал предсмертное письмо, и его убили.

Дорога до столицы заняла чуть больше часа. Вероника никогда не ездила так быстро. Ей не терпелось узнать ответы. Но как только она въехала в столицу, скорость пришлось сбросить. По городу она тащилась еще час. К тому моменту, когда «Рено» затормозило у дверей экспертизы, Веронику буквально колотило от любопытства.

Внутри ее ждало еще одно разочарование – очередь. Девушка на ресепшине вежливо попросила подождать. «Я могу выдать вам результаты прямо сейчас. Но если вы хотите, чтобы специалист вам все объяснил, то займите, пожалуйста, очередь», — сказала она. Веронике ничего не оставалось, как занять эту самую очередь. Благо перед ней было всего три человека, но вскоре выяснилось, что она рано радовалась. Люди по одному заходили в кабинет и пропадали там надолго. Когда подошел черед Вероники, она провела в коридоре еще полчаса.

Жалюзи на окнах в кабинете были подняты до отказа; помещение буквально купалось в солнечном свете. Обстановка навевала мысли об аскетах. Минимум мебели, да и та была выдержана в светло-бежевых тонах, от чего сливалась с полом и стенами. Мужчина лет тридцати сидел за столом, единственным украшением которого служили кипы бумаг. Не поднимая головы, он коротко спросил:

— Фамилия?

Услышав ответ, он зарылся еще глубже в стопки. Раздался шелест переворачиваемых страниц. Наконец, мужчина вынырнул на поверхность с папкой в руках.

— Результаты заказанной вами экспертизы, — он потряс папкой перед носом Вероники, но отдавать ее не спешил. Вместо этого раскрыл папку и принялся читать.

Вероника поняла, что приглашения сесть ей не дожидаться и сама опустилась в низкое кресло. Поерзала, устраиваясь удобнее, но все без толку. Колени торчали вверх. Тогда она вытянула ноги, про себя ругая неудобную офисную мебель. Для кого она делается? Не иначе, как для карликов.

— Ага, — воскликнул мужчина и поднял указательный палец к потолку.

От резкого звука Вероника вздрогнула и робко поинтересовалась:

— Вы что-то нашли?

— Вот здесь в отчете сказано, — хозяин кабинета ткнул пальцем в папку, но так и не соизволил показать Веронике ее содержимое, — что подчерк во втором случае не совпадает с образцом.

Вероника промолчала. Не видя текста, ей было трудно разобраться в сказанном.

— Вы меня поняли? — мужчина впервые посмотрел прямо на нее.

— Нет, — призналась она.

Он вздохнул с таким видом, будто ему каждый день приходится иметь дело со слабоумными и прямо сейчас еще один сидит напротив. Эксперт взял на себя труд пояснить:

— Вы заказали проверку подчерков двух записок и предоставили образцы подчерков, — хозяин кабинета выложил на стол предсмертные письма Арнольда и Леопольда, а потом добавил к ним по документу. — Вот здесь, — он указал на записку Арнольда и образец его подчерка, — полное совпадение. Оба документа написал один и тот же человек. А здесь, — пришла очередь записки Леопольда и образца его подчерка, — две разные руки. Автор образца подчерка мужчина, а записку написала женщина. По наклону и завитушкам у букв «д» и «у» видно, что подчерк пытались подделать.

Вероника поблагодарила эксперта за проделанную работу. Еще раз переспросила является ли результат экспертизы точным, исключена ли ошибка. Получив утвердительный ответ, она забрала документы вместе с отчетом и вышла из кабинета.

Только в автомобиле она перевела дух. Все еще сжимая в руках папку, что дал ей эксперт, она откинулась на спинку водительского сиденья и прикрыла глаза. Постепенно картина произошедшего в семье Бориса прорисовывалась у нее в голове.

Началось все с брака по расчету. Изольда Карловна не любила мужа. Возможно, она уважала его, была ему благодарна за то, что он спас ее от нищеты, но сердце юной красавицы принадлежало другому. Трудно сказать, кто виноват в том, что девушка обладала фривольными взглядами на супружескую жизнь. Может, она просто не смогла устоять перед искушением в силу возраста. Она изменяла мужу практически с первого дня их совместной жизни. В результате на свет появился Леопольд – нагулянный сын Изольды Карловны.

Неясно, как именно, но Арнольд узнал об изменах жены. Он не вынес позора и повесился на сосне, успев перед

смертью проклясть жену и весь ее род. В том, что это было самоубийство, Вероника ни секунды не сомневалась. Предсмертная записка была написана рукой Арнольда. Он любил непутевую жену и не вынес мысли, что она его обманывала. Последней каплей, толкнувшей его на самоубийство, стало известие о том, что сын ему не родной.

Изольда Карловна, будучи впечатлительной женщиной и виня себя в смерти мужа, отказалась покидать стены дома. Так она наказала себя за смерть супруга. Сама Вероника винила родителей Изольды Карловны. Отдать молодую девушку замуж за нелюбимого ради денег – это какими извергами надо быть? Ничего удивительного, что брак окончился трагедией.

А вот дальше начиналось самое интересное. Леопольд вырос, обзавелся семьей, у него родился сын. Дожив до тридцати пяти лет – возраста, когда ушел из жизни муж его матери – он решил бросить семью ради любовницы. Его уход означал конец обеспеченной жизни для его супруги – Светланы Георгиевны.

Как только стало известно, что Леопольд намеревался бросить свекровь и ее сына без средств, Вероника заподозрила Светлану Георгиевну в убийстве. В качестве доказательства неплохо было бы сравнить ее подчёрк с предсмертной запиской Леопольда. Вероника была уверена: они совпадут. Именно Светлана Георгиевна убила мужа и подстроила все так, будто сработало проклятье. Она убедила в этом впечатлительную Изольду Карловну. Наверняка та не раз рассказывала Светлане Георгиевне о гибели Арнольда и даже показывала его предсмертную записку.

Но свекровь Вероники просчиталась. Да, Леопольд не ушел к другой, но и денег Светлане Георгиевне не досталось. Тайну их местонахождения Леопольд унес в могилу. С этого момента все пошло наперекосяк.

Борис рос в тревожной, враждебной обстановке. Бабушка, свято веря в проклятие, с детства внушала мальчику мысль о том, что он обречен. Борис вырос нервным и замкнутым. Как, наверное, злилась Светлана Георгиевна, вынужденная изо дня в день наблюдать за тем, как гибнет ее ребенок. Но исправить ситуацию она не могла. Это грозило разоблачением. Тогда она нашла отдушину в племяннике. Он не принадлежал к семье Севериных, и проклятье ему не грозило.

Достигнув совершеннолетия, Борис не выдержал атмосферы дома и сбежал. Судьба свела его с Вероникой. Теперь понятно, почему он бросил ее сразу после известия о беременности. Так он пытался оградить сына от проклятия.

Если бы только Борис рассказал Веронике правду, она смогла бы ему помочь. Но он предпочел скрыться. Идти ему было некуда и он вернулся в дом своего детства, где Изольда Карловна, сама того не подозревая, завершила начатое: довела внука до самоубийства. Они оба – бабушка и внук – принадлежали к одной породе ранимых и впечатлительных людей, в отличие от Светланы Георгиевны. Той не составила труда манипулировать ими в угоду своим желаниям.

Вероника убрала документы в бардачок. Теперь, когда она выяснила, что Мите не угрожает проклятие, она еще сильнее волновалась за него. Одно дело бояться чего-то абстрактного и совсем другое знать, что твой ребенок живет в одном доме с убийцей.

Одно радовало Веронику: старой ведьме ничего не досталось. Какие бы коварные планы та не строила, она осталась ни с чем. Сперва пропали деньги Леопольда, затем Борис завещал дом и землю Мите. Судьба издевалась над женщиной, но тем она опаснее. Отчаяние способно толкнуть человека на крайние меры.

У Вероники были еще вопросы, на которые она затруднялась ответить. Куда делись деньги? Как Светлана Георгиевна справилась со здоровым мужчиной? Почему сразу после смерти Леопольда не провели экспертизу подчёрков? И еще несколько мелочей не давали покоя. К тому же у нее не было доказательств. Вот если бы удалось подтвердить, что Светлана Георгиевна написала предсмертную записку Леопольда... Вероника мечтательно улыбнулась. Но для этого надо попасть в особняк.

Сергей ждал ее дома. По возвращении она первым делом протянула ему папку с результатами экспертизы. Пока она разувалась и готовила чай с бутербродами, чтобы перекусить с дороги, Сергей изучал документы.

— Что скажешь? — спросила она.

— Леопольд не убивал себя, но, думаю, ты и сама догадалась.

Вероника кивнула, рот был занят куском бутерброда с колбасой. Прожевав, она заявила:

— Я должна туда вернуться.

Сергей насушился:

— Тебя не пустят. Светлана Георгиевна ясно дала понять, что она тебе не рада.

— Но я не могу оставить сына наедине с убийцей!

— Считаешь, это она убила мужа? — Сергей стянул один из приготовленных Вероникой бутербродов.

— А кто еще? Вариантов не так много, — Вероника принялась перечислять, загибая пальцы: — Изольда Карловна не могла убить сына. Зачем ей это нужно? В чем выгода и мотив?

— Ты говоришь, как настоящий детектив, — усмехнулся Сергей. — Но не сбрасывай Изольду Карловну со счетов. Мы точно знаем, что Леопольд собирался бросить жену, а вместе с ней сына и мать. Неужели Изольда

Карловна закрыла на это глаза?

— Даже если она разозлилась, это не повод для убийства единственного сына.

— Вам виднее, товарищ сыщик.

Пропустив насмешку мимо ушей, Вероника продолжила:

— Мать Раисы, которая в то время работала кухаркой, тоже едва ли виновна. Опять же нет мотива. Остается еще любовница Леопольда, но у нее не было доступа в дом. Итого единственная женщина, которой была выгодна смерть Леопольда и у которой была возможность убить — Светлана Георгиевна.

— Не поспоришь.

— И не надо. Сейчас у нее на пути стоит мой сын. Зная, как она привыкла решать проблемы, я нисколько не сомневаюсь, что она убьет Митю, как только подвернется случай. Я должна ей помешать.

— Но как?

— Для начала я должна вернуться в дом, а там что-нибудь придумаю, — повторила Вероника.

Ничего лучше, как явиться на поклон к Светлане Георгиевне, Веронике в голову не пришло. К этой встрече она готовилась тщательнее, чем когда-то к первому в жизни свиданию. Она оделась строго, зачесала волосы назад в тугий хвост. На лице минимум косметики: никакой подводки для глаз и румян, на губах бледно-розовая помада. С таким макияжем она выглядела бледной, даже изможденной. Пусть свекровь при взгляде на нее видит измученную разлукой мать, женщину, над которой она одержала победу. Чем жалостливее будет Вероника, тем большее у нее шансов вернуться в дом. Она должна казаться проигравшей. Только в этом случае Светлана Георгиевна без опасений позволит ей остаться.

Вероника еще утром попрощалась с Сергеем. Если все пройдет по плану и ее примут назад, то им придется скрывать свои отношения.

Странное дело: Вероника совершенно не переживала. Даже наоборот, она еще никогда не была такой собранной. Она чувствовала себя борцом, вышедшим на ринг. Сейчас прозвучит удар гонга, начнется бой и только от нее одной зависит: завершится он победой или поражением.

Вероника остановила «Рено» около особняка, повернула зеркало заднего вида так, чтобы поймать в нем свое отражение. Лицо представляло собой наглядную иллюстрацию под названием «я готова на все, лучше не стойте у меня на пути», что совсем не годилось для ее целей. Она сделала над собой усилие: расслабила плотно сжатые губы, чуть опустил их уголки. Пусть Светлана Георгиевна, глядя на нее, думает, что она мучается бессонницей. Пусть ощущает свое превосходство.

Вероника смирилась с ролью бедной сиротки, которая слезно просит прощение у злой мачехи. Лишь бы не подвело актерское мастерство. Вероника не могла похвастаться успехами в этой области. Как-то в детстве ее взяли в школьный актерский кружок, но после первого же спектакля с позором выгнали. Теперь ей предстояло сыграть главную роль в своей жизни. От того, насколько хорошо она с ней справится, зависит их с сыном будущее.

Вероника вышла из машины, поднялась на крыльцо и позвонила. Дверь как обычно открыла Раиса. Она удивилась, увидев Веронику.

— Я к Светлане Георгиевне.

— Она у себя в комнате.

Раиса ушла обратно на кухню, которую не покидала без нужды, а Веронике предстояло решить: подождать свекровь внизу или подняться к ней в спальню. Она знала, где расположена комната Светланы Георгиевны, но еще ни разу там не была.

Простояв минут десять в холле, она отважилась подняться на второй этаж. В особняке царил тишина. За окном было почти тридцать градусов — небывалая жара для весны, и все обитатели дома попрятались в спальнях в поисках прохлады. Вероника угодила в разгар импровизированной сiestы.

Она легонько постучала в дверь комнаты Светланы Георгиевны, дав себе слово уйти, если ей никто не ответит. Но вместо ожидаемой тишины из-за двери донеслось строгое: «Войдите». Вероника сделала глубокий вдох, состроила гримасу попечальнее и потянула ручку вниз.

— Светлана Георгиевна? — робко окликнула Вероника и сама удивилась тому, как пискляво прозвучал голос. Точно так же она когда-то обращалась к воспитательнице, известной на весь детский дом строгим нравом.

Комната поражала контрастом с остальными помещениями особняка. Вероника словно попала в другой дом, богаче и респектабельнее. Блестящая лакированная мебель, паркетный пол, устланный шерстяным ковром, белоснежный тюль. Светлана Георгиевна постаралась, создавая интерьер своей спальни. Вероника так и видела, как та стаскивает к себе в комнату все самое лучшее и дорогое, что нашлось в доме.

В отличие от спальни Изольды Карловны, где каждый сантиметр стены был увешен фотографиями и картинами, стены комнаты Светланы Георгиевны пустовали. Видимо, у нее не нашлось светлых воспоминаний.

— Что ты здесь делаешь? — свекровь лежала на застеленной кровати с книгой в руках. Трость — ее неизменная

спутница – стояла возле тумбы.

— Мне надо с вами поговорить, — все тем же жалобным голосом сказала Вероника.

— Кто тебя впустил? — Светлана Георгиевна никак не могла оправиться от шока. Она села, спустила ноги с кровати и грузно поднялась, опираясь на трость.

У Вероники остался последний шанс, прежде чем ее выставят из комнаты, а затем из дома. Желая использовать его по максимуму, она заломила руки и запричитала:

— Я так больше не могу! Разлука с сыном меня убивает. Не видеть моего мальчика, не знать, как он и что с ним – худшая в мире пытка. Я на все готова лишь бы заслужить ваше прощение.

Сказанное Вероника подкрепила одиноко скатившейся по щеке слезой – единственное, что у нее получалось эмитировать. Плакать на публику она научилась будучи ребенком. В детском доме старшие дети часто нападали на младших. Били до первых слез. Маленькая Вероника смирилась с незавидным прозвищем «рева», но раз и навсегда заработала себе неприкосновенность.

Светлана Георгиевна остановилась в нерешительности. Вероника добила желаемого: свекровь не знала, что делать. Ради того, чтобы насладиться ее растерянностью, Вероника была готова пролить целое море слез. Чтобы закрепить результат, она, не дожидаясь пока противник оправится, перешла к просьбе:

— Умоляю, позвольте мне снова жить с вами. Я буду делать все, что вы скажете. Вы меня даже не увидите, если не захотите. Мне бы только быть рядом с Митей.

Вероника сложила ладони перед грудью. Со стороны казалось, что она молится. Преданного глядя свекрови в глаза, она ждала ответа.

Светлана Георгиевна откашлялась. Она тянула время. Наконец, она как будто нехотя произнесла:

— Я не потерплю самовольничества в моем доме. Если хочешь остаться, ты должна зарубить себе на носу: здесь хозяйка я – как скажу, так и будет.

Вероника закивала головой, показывая готовность к послушанию. Она верно все рассчитала: Светлана Георгиевна обладала деспотичным характером. Кухарки и приходящего садовника ей было мало. Она жаждала руководить другими. Вероника дала ей такой шанс, и та не смогла от него отказаться. Для тирана бедная родственница – редкий подарок судьбы. Подобными дарами не принято разбрасываться.

— Иди, повидайся с сыном, — подтверждая догадку Вероники, милостиво разрешила свекровь. — Переночуешь сегодня так, а вещи перевезешь завтра.

— Спасибо, — с придыханием прошептала Вероника.

Теперь, когда она получила королевское дозволение, Вероника могла заняться тем, ради чего затеяла этот спектакль. Но прежде она встретится с Митей. Остальное подождет.

Сына она нашла в детской. При виде матери он радостно завизжал и бросился ей на шею. Не меньше минуты Вероника сжимала его в объятиях и целовала, наслаждаясь его близостью.

— Мы снова будем жить вместе, — радостно сообщила она, отпуская сына.

— Здесь? — настороженно спросил Митя и, получив утвердительный ответ, расслабился.

Веронику задело, что его куда больше встречи с матерью интересовал дом.

— Почему ты хочешь жить именно здесь?

— Бабушке будет плохо тут одной.

— Бабушке Свете?

— Нет, другой.

Чувства Вероники смешались. С одной стороны она гордилась тем, что сын думает о других. Но с другой его упрямство раздражало. Она отчетливо поняла, что ей ни за что не переубедить Митю. Если на суде его спросят, с кем он хочет жить, он выберет Светлану Георгиевну только из-за этого треклятого дома. Конечно, никто не запретит ей видеться с ребенком, но пару свиданий в неделю не заменят полноценной жизни вдвоем. Да и где гарантии, что получив Митю в свое распоряжение, Светлана Георгиевна не избавится от него, как когда-то от мужа? Надо действовать с умом. Раз Вероника не в состоянии увезти сына из особняка, придется заполучить дом.

Следующие два часа она провела с Митей. Они собирали железную дорогу – его любимую игрушку, пускали по ней паровоз. Когда пришло время обеда, она оставила сына с няней, а сама отправилась к Изольде Карловне, вернуть, как обещала, записки.

Старушка встретила ее с распростертыми объятиями. Не ясно только кого больше она была рада видеть: Веронику или вернувшиеся к ней документы.

— Изольда Карловна, — попросила Вероника, — можно я еще ненадолго оставлю себе предсмертную записку Леопольда?

— Это еще зачем? — старушка с подозрением уставилась на нее.

Вероника сочиняла на ходу:

— Хочу дать ее одному человеку. Пусть проверит на наличие проклятья.

Она сказала первое, что пришло на ум, и едва сдержалась, чтобы не зажмуриться, такой глупостью ей показались собственные слова. Но суеверная Изольда Карловна не разглядела подвоха.

— Может, у вас есть образец подчерка Светланы Георгиевны? — вконец обнаглела Вероника. Она поняла, что старушку не так-то просто разубедить в существовании проклятия, а значит, при ней можно не таиться. Она все равно воспринимает происходящее по-своему.

— Где-то было письмо от нее. Она по молодости переписывалась слевой.

Вероника заполучила образец подчерка Светланы Георгиевны. Она снова съездит в столицу и закажет повторную экспертизу, и если подчерк на предсмертной записке Леопольда совпадет с подчерком Светланы Георгиевны, это докажет, что свекровь убила мужа.

Вероника уже стояла на пороге комнаты, когда Изольда Карловна поинтересовалась:

— Как тебе удалось переубедить Светку?

Вероника не сразу сообразила: Светка – это Светлана Георгиевна. Странно слышать пренебрежительное обращение к свекрови.

— Я валялась у нее в ногах, — созналась Вероника.

— Умный ход, — старушка улыбнулась. Ее беззубый рот походил на земляную яму. — Она это любит.

Для Вероники стало открытием неприязненное отношение Изольды Карловны к невестке. Особой симпатии между женщинами не было, но они столько лет делили особняк на двоих, что окружающие воспринимали их как одно целое. Вероника вдруг сообразила: она ни разу не видела, чтобы женщины общались между собой.

Это озарение требовало немедленной проверки, и она спросила:

— Изольда Карловна, почему вы не разговариваете с невесткой? Вы поссорились?

— Нам не о чем говорить. Она убила своего сына – моего внука!

Глава 19

Вероника застыла с открытым ртом у двери. Ладно, убить мужа. Это еще куда ни шло. Но родного сына! Будучи матерью, Вероника не могла представить, как можно пойти на такое. Что за человеком надо быть?

— Я говорила ей, что необходимо увезти Бориса из этого дома, — закончила мысль Изольда Карловна, и у Вероники отлегло от сердца. Старушка упомянула убийство в переносном смысле.

— Почему она не послушалась? — спросила Вероника.

— Сказала, что не хочет бросать меня одну.

— Что вам стоило переехать с ними? Продали бы дом, купили другой. Может быть, все сложилось по-другому.

— Я поклялась не покидать стен этого дома, — поджала губы Изольда Карловна.

Вероника покачала головой. Она угодила в сумасшедший дом, не иначе. Отчего все обвиняют друг друга, но при этом отказываются признать, что сами не без греха?

Помимо отношений между хозяйками особняка Вероника прояснила для себя еще один момент: по непонятной причине Светлана Георгиевна наотрез отказывалась покинуть дом. Что это: привязанность к особняку или есть скрытые мотивы? Вероника склонялась ко второму. Свекровь не похожа на сентиментальную женщину. Что-то ее здесь держит. Уж ни надежда ли отыскать сбережения Леопольда?

Вероника в глубокой задумчивости покинула Изольду Карловну. Даже если спустя столько времени деньги будут найдены, какой в них толк? Чем помогут Светлане Георгиевне кучка давно вышедших из оборота банкнот? По современным меркам они годятся разве что для растопки камина.

Следует во всем детально разобраться. Пришло время для культурной программы. Вероника давно собиралась посетить музей, расположенный в здании бывшей фабрики.

Бумаги, что дала ей Изольда Карловна, она взяла с собой, опасаясь оставлять их без присмотра. Если с ними что-то случится, ей никогда не узнать, кто на самом деле автор предсмертной записки Леопольда.

Она добралась до центра города и только тогда сообразила, что не знает в каком направлении двигаться дальше. Колесить по улицам в поисках музея не хотелось, и Вероника спросила дорогу у прохожего. Мужчина в возрасте, которого она остановила на тротуаре, подробно рассказал, как и куда ехать. Бывшая фабрика располагалась на выезде. То-то Вероника в прошлую прогулку по городу ее не видела.

Следуя инструкциям местного жителя, она быстро добралась до цели. Музей, а до этого ткацкая фабрика, был обнесен оградой из окрашенных в белый цвет кирпичных столбов, между которыми тянулась кованая решетка. Ворота представляли собой арочный свод с несколькими ходами: два для пешеходов и один широкий для транспорта. Здание имело два этажа. Красный цвет его стен резко контрастировал с оградой, как если бы кто-то налил крови в молоко. Часть здания с главным входом ромбом выступала вперед. По бокам от него влево и вправо тянулись два крыла. На газонах цвели тюльпаны, дорожки были вымощены плиткой, в тени деревьев щебетали птицы.

Веронике пришлось по душе это место. С первых минут пребывания здесь она ощутила дыхание времени. Даже

пластиковые окна, пришедшие на замену деревянным, не испортили впечатление.

Оставив машину на соседней улице, она пешком вернулась к музею. Чтобы попасть внутрь, купила билет. Контролер на входе любезно поделился информацией: выставочных залов всего четыре. Не так уж мало для провинциального музея, по его словам. Первый и самый большой посвящен производству. Его Вероника миновала без особого интереса. Основную часть экспозиции занимали ткацкие станки. При желании по ним можно было проследить развитие ткацкой отрасли в стране.

Второй зал немного уступал первому по размерам. Здесь Вероника задержалась чуть дольше. Будучи женщиной, она не смогла пройти мимо, ведь в зале была выставлена продукция фабрики. Ткани, мужская и женская одежда на любой вкус лежали на специальных стендах и висели на манекенах. Фабрику построили в конце девятнадцатого века. Наряды этого времени были особенно хороши. Следом шли революционные годы, а за ними военные. В этот период производство сосредоточилось на рабочей одежде и военной форме. Женская одежда советского времени неприятно поразила Веронику своей убогостью. Попадались отдельные модели, которые по тем временам считались пискom моды, но простые смертные вряд ли носили эти наряды.

Третий зал вознаградил Веронику за терпение. Он был меньше предыдущих, зато в нем хранилась полезная информация: имена, фотографии, краткие биографии бывших владельцев фабрики. Вероника миновала стенды с создателем фабрики и его семьей. Основатель фабрики не имел отношения к семье Севериных. Стенд сообщал, что его семья была репрессирована во времена революции. Дальше фабрика переходила из рук в руки, пока ее директором в послевоенные годы не назначили Арнольда. Его отец принадлежал к партийной верхушке. Это он выбил назначение для сына. Фабрика при Арнольде процветала. Он оказался на удивление толковым руководителем. Обновил технику, ввел в производство новые ткани. Вероника испытала гордость за родственника, пусть и не кровного. Арнольд обладал хваткой бизнесмена. Можно представить, каких высот ему удалось бы достичь, живи он в наше время. А так большая часть доходов шла в государственную казну. Но при этом Арнольд и себя не забывал. Судя по фотографиям его и семьи, жили они куда богаче, чем мог себе позволить директор ткацкой фабрики.

Вероника оглянулась в поисках зрителя зала. Та пристроилась на стуле в углу, так что не сразу заметишь. Женщина пенсионного возраста, должно быть, подрабатывала в музее. Работа была не пыльной: сиди себе целый день да смотри по сторонам. Люди не жаловали музей. Вероника уже полчаса, как бродила по залам, и пока не встретила ни одного туриста. Похоже, она единственный посетитель.

— Можно у вас кое-что спросить? — обратилась Вероника к смотрительнице.

Та, уперев руки в колени, поднялась со стула, с которым едва ли не срослась, и подошла к Веронике. Синий форменный халат с трудом сходился на массивной груди. Сбоку болтался бейджик, на нем значилось имя женщины: Мария Викторовна Седых.

— Расскажите, пожалуйста, о семье Севериных, — попросила Вероника и, испугавшись, что ей откажут, добавила: — Мне контролер на входе сказал, что я могу узнать все, что меня интересует, у зрителя зала.

Женщина улыбнулась, и ее испещренное морщинами лицо преобразилось. Выцветшие глаза потеплели. Она обрадовалась, что кто-то проявил интерес к экспонатам.

— Это Арнольд Северин – первый владелец фабрики из этой семьи, — принялась она вещать, указывая по мере рассказа на фотографии со стендов.

Зритель долго перечисляла факты из жизни Арнольда, которые и так были известны Веронике. Но она внимательно слушала, вдруг та скажет что-нибудь дельное.

Когда Мария Викторовна шагнула к стенду с историей Леопольда, Вероника перебила ее вопросом:

— Скажите, откуда у Арнольда было столько денег? Я смотрю на фотографии и вижу, что он не бедствовал. Вот здесь он на «Победе». Разве это не самая дорогая машина в ту пору? У директора ткацкой фабрики была такая большая зарплата?

— «Победа» была не только дорогим автомобилем, но и достать ее было сложно, — кивнула смотрительница. — Сыграли роль связи, с ними у Арнольда был полный порядок. Он приторговывал из-под полы костюмами и платьями. Поговаривали, что существовал подпольный цех, где шили одежду исключительно для партийных чиновников и их жен.

— Так вот откуда деньги, — пробормотала Вероника.

— Леопольд, сумев благодаря связям отца занять место директора спустя пятнадцать лет после его смерти, продолжил практику отца.

— А кто управлял фабрикой после гибели Арнольда?

— Друг семьи, — смотрительница назвала имя и фамилию мужчины, но они ничего не говорили Веронике. — Частная собственность была запрещена в то время, но городок был маленький. Вся жизнь крутилась вокруг фабрики. Все, так или иначе, знали, что фабрика принадлежит Севериным. Такие были порядки. Поэтому, когда Леопольд окончил университет, он первым делом возглавил фабрику.

Женщина подвела ее к стенду с фотографиями Леопольда. Поначалу Вероника смотрела на них равнодушно. Она уже видела фото Леопольда в комнате Изольды Карловны, а на Светлану Георгиевну и вовсе не хотелось глядеть лишний раз. Но именно последняя заставила ее задержаться перед стендом.

— Что это? — Вероника обращалась, прежде всего, к себе, не осознавая, что говорит вслух.

— О чем вы? — переспросила смотрительница.

Вероника стояла напротив фотографии Леопольда и его жены. Их сняли на каком-то общественном мероприятии. Оба были одеты по высшему разряду, что не удивительно для управляющих крупной ткацкой фабрикой. Но куда любопытнее нарядов было ожерелье на шее Светланы Георгиевны. Даже на черно-белой фотографии Вероника, не разбираясь в драгоценностях, уловила, что ожерелье невероятно дорогое.

— Это бриллианты? — спросила она.

— Трудно сказать, — женщина близоруко сощурилась, разглядывая фото. — Леопольд и его супруга славились любовью к драгоценностям. Они скупали их в огромных количествах. Деньги в то время редко хранили в банке. Особенно заработанные нечестным путем. Недвижимость было не купить. Вот и вкладывали в золото да бриллианты.

— И где они сейчас?

— Кто знает? — пожала плечами женщина. — Хранятся, наверное, в сейфе у владельцев.

Веронике показался подозрительным быстрый ответ смотрительницы. Она пристально на нее взглянула и та не выдержала:

— Вот вас, молодежь, только клад и занимает. Нет вам дела до истории.

— Какой еще клад?

— Драгоценности пропали после смерти Леопольда, — произнесла смотрительница. — Он якобы спрятал их где-то, а где именно никому не сказал. И вроде они хранятся там по сей день.

— Вот как, — Вероника пошла к выходу, бросив на прощание: — спасибо!

— Пойдите, — окликнула Мария Викторовна. — Вы же не осмотрели четвертый зал. Там у нас история рабочего движения. В революцию здесь проходили массовые забастовки.

— В другой раз непременно туда загляну, — на ходу бросила Вероника.

— Вот так всегда, — все ворчала смотрительница. — Вечно молодежи трагедии да тайны подавай. Никому нет дела до истории.

Глава 20

Вероника вылетела на улицу из музея, чем немало напугала контролера. Притормозила она только перед светофором и то потому, что горел красный свет.

Наконец, все встало на свои места. Последний кусочек мозаики идеально сошелся с общим рисунком. Драгоценности все объясняли! Она-то ломала голову: отчего Светлана Георгиевна так держится за дом? Почему не съедет? Не продаст его, пока это еще возможно? Ведь содержать огромный особняк с ее скудными доходами ой как не просто. Причина была банальна: свекровь по сей день не теряла надежды отыскать припрятанные Леопольдом драгоценности. Если бы речь шла о купюрах, она бы давно сдалась. Но золото и камни не теряют в цене. Сейчас они стоят, может стать, больше, чем когда их приобрели. Это же настоящее богатство!

Вероника представляла ход мыслей Светланы Георгиевны: Леопольд не успел передать драгоценности любовнице. В противном случае она бы не ютилась в однокомнатной хрущевке. Но он точно намеривался забрать их с собой и для этого спрятал. Сделать он это мог только в доме или где-то поблизости. Вряд ли он кому-то доверил драгоценности. Ведь от их сохранности зависело его будущее. Удобнее всего было держать их под рукой, чтобы в любой момент иметь к ним доступ.

Светлана Георгиевна знала про драгоценности. Они принадлежали ей до того, как пропали. Но прошло тридцать лет. Неужели свекровь верит, что их еще можно отыскать?

Веронику так и подмывало напрямик спросить об этом у Светланы Георгиевны, но это будет ее последний вопрос. Сразу после этого свекровь выставит ее из дома. И на этот раз навсегда.

Как только Вероника оказалась в машине, возбуждение сменилось апатией. Она застыла, положив руки на руль. Сегодня она не успеет отвезти бумаги на экспертизу. Завтра надо будет ехать в столицу, а потом еще неделю ждать результата. Что ж, по крайней мере, у нее будет целая неделя спокойной жизни. Можно будет расслабиться и на время забыть о проклятиях и убийствах.

В особняк она вернулась ближе к ночи. Митя готовился ко сну. Сергей уехал к себе, и Вероника почувствовала себя одинокой. В доме полным людей она не находила себе места.

Вероника спустилась в кухню на поиски чего-нибудь вкусенького. Десерт отлично помогает справиться с дурным настроением. Но, увы, в буфете не было ни шоколада, ни конфет, печенье и то отсутствовало. Зато она обнаружила открытую упаковку какао, а в холодильнике пакет молока. Сварив сладкий напиток, Вероника с

кружкой поднялась к себе в спальню.

Она устроилась на кровати с книжкой, рядом на тумбу поставила чашку и принялась читать, попивая горячее какао. Любовный роман, что она выбрала в библиотеке внизу, совершенно не напрягал. Теплый напиток согревал и навевал дремоту. Вероника не заметила, как уснула с книгой в руках.

Ее разбудил бьющий в глаза свет. Неужели наступило утро? Она не заметила, как пролетела ночь. Но за окном было темно. Свет, мешающий спать, исходил от ночника. Вероника протянула руку, чтобы выключить ночник, но странный скребущийся звук привлек ее внимание. Окно в спальне стояло широко распахнутым. Тюль раздувалась от ветра, как парус, доставая краем до кровати. Вероника была готова поклясться, что закрывала окно.

Она нехотя встала, закрыть окно, и мгновенно замерзла в тонкой сорочке. Днем было жарко, а ночью случились заморозки – весенняя погода непостоянна, как капризная дама. Обхватив себя руками за плечи, Вероника шагнула к окну и надавила на раму, толкая ее на место, когда звук повторился. Казалось, кто-то что-то волочит прямо под стенами комнаты. Следом послышались шлепки. Точно упали комья сырой земли.

Веронике сделалось не по себе. Ей бы захлопнуть окно и как можно скорее вернуться под теплое одеяло, но вместо этого она отодвинула тюль и шагнула к оконному проему.

Из-за полной луны и россыпи звезд на небе видимость была хорошей. Это была одна из тех ночей, когда небо словно светится изнутри. Как если бы к куполу небосвода с другой стороны приставали фонарик, и его рассеянный свет превращал ночь в блеклое подобие дня.

Лес казался чернильным пятном, темной кляксой на поверхности бумаги-поля. На границе леса кто-то двигался. Вероника уперлась ладонями в подоконник и наклонилась вперед. Она наполовину высунулась из окна, чтобы разглядеть происходящее. Звуки, насторожившие ее, отсюда слышались отчетливее. Нечто с чавканьем вонзилось в землю, оторвало от нее кусок и выбросило поодаль с характерным шлепком.

Вероника прищурилась, пытаясь рассмотреть, что творится под сосной. Той самой, на которой повесился Арнольд и под которой приснился ей с петлей на шее. Терпение Вероники было вознаграждено: она увидела человека с лопатой в руках. Под капюшоном дождевика, накинутом поверх одежды, нельзя было разглядеть ни цвета волос, ни черт лица. Но широкие плечи и рост выдавали в незнакомце мужчину. Он был полностью поглощен работой: не глядя по сторонам, копал яму.

Вероника несколько минут как замороженная наблюдала за процессом, пока не затекли запястья, на которые она опиралась. Она шевельнулась, поменять позу, но неуклюже двигаясь, зацепила раму, и окно скрипнуло. Мужчина с лопатой застыл над ямой, а потом резко запрокинул голову и взглянул на Веронику. Она не видела его глаз, но была уверена: те смотрят прямо на нее. Она кожей ощущала его взор. Тот точно лазер прожигал ее.

Вероника отпрянула от окна, успев заметить, как мужчина опустил лопату на землю и пошел к дому. Вне себя от ужаса она захлопнула окно, добралась до кровати и спряталась под одеялом, словно маленькая девочка. Вероника слышала хлопок входной двери, скрип ступеней под тяжелыми сапогами и шаги на втором этаже. Они оборвались под дверью ее спальни. Вероника натянула одеяло до самых глаз, которых она не сводила с дверной ручки, ожидая, что та вот-вот опустится вниз и в комнату войдет мужчина в дождевике. Она случайно узнала его тайну. Застукала на месте преступления, и теперь он явился к ней, чтобы раз и навсегда закрыть ей рот. Вероника представила, как поутру Раиса, няня или, не дай Бог, Митя найдут ее бездыханное тело. Ее мутило от этой картины, но страх сковывал по рукам и ногам, она была не в силах позвать на помощь.

Шли секунды, за ними минуты, а дверь оставалась закрытой. Словно и не было никогда мужчины с лопатой, будто не крался никто к спальне, чтобы уничтожить случайного свидетеля. Она все ждала и ждала, но ничего не происходило...

Проснулась Вероника, когда все обитатели дома давно встали. Светильник все еще работал. Она забыла его выключить. Раскрытая книга валялась около кровати. Она сбросила ее туда во сне. Больше ничего не напоминало о событиях ночи. Наверное, ей все приснилось.

Утром Вероника первым делом нашла Сергея и передала ему предсмертную записку Леопольда с образцом подчерка Светланы Георгиевны. У нее не было времени отвезти их эксперту. Она попросила это сделать Сергея. Тот обещал доставить бумаги в столицу сегодня же.

После завтрака Вероника приготовила бутерброды, помыла яблоки, взяла бутылку с питьевой водой и сложила все в корзину. За сборами она мимоходом поинтересовалась у Раисы, не убиралась ли она утром в коридоре второго этажа.

— Я кухарка, а не полумойка, — фыркнула Раиса. — В мои обязанности не входит подтирать грязь за жильцами.

— Так значит ты не мыла пол на втором этаже? — уточнила Вероника.

Раиса посмотрела на нее как на слабоумную и повторила:

— Я же сказала: это не входит в мои обязанности.

— А кто убирается в доме? — не отставала Вероника.

— Приходит одна местная. Но это редко бывает.

Вероника сама видела: дом нуждается в тщательной уборке. Но сейчас ее интересовало другое. Выйдя утром из спальни, она первым делом проверила нет ли на полу следов обуви. Ботинки незнакомца в дождевике наверняка были выпачканы в земле, он не мог не оставить следов. Но пол был абсолютно чист, словно его протерли минуту назад.

— Когда уборщица приходила в последний раз? — спросила Вероника.

— На той недели, кажется.

— А сегодня ее не было? — не поверила она.

— Нет.

Вероника оставила кухарку в покое. В конце концов, ночной гость мог разуться на пороге и идти наверх в одних носках. В этом случае не осталось бы свидетельств его присутствия.

Вероника поднялась за Митей в детскую. На улице стояла отличная погода, и она решила выполнить данное сыну обещание: сходить на пикник. Перед тем как забрать Митю у няни она спросила разрешение у Светланы Георгиевны. Не хватало по глупости потерять ее доверие.

Митя вприпрыжку выбежал из дома и свернул в сторону поля.

— Подожди! — окликнула его Вероника. — Давай, сначала зайдем в другое место.

— Куда это? — Митя резко остановился.

— Не переживай, — Вероника догадалась: он испугался, что она опять не сдержит слово, — мы обязательно устроим пикник. Ты наловишь столько бабочек, сколько пожелаешь. Только прогуляемся до леса и обратно. А потом сразу пойдем на поле.

Всю дорогу до леса Митя был мрачен, как грозовая туча. Сачок, захваченный для ловли бабочек, волочился по земле. В него набивались мелкие камешки, но мальчик не обращал на это внимания.

— Ты чего хмурый? — спросила Вероника.

— Не хочу идти в лес, — проворчал Митя, не поднимая головы. — Там растут плохие деревья.

Вероника совсем забыла о легенде, которой Изольда Карловна напугала Митю. Он был уверен, что местный лес — сосредоточение зла.

— Если не хочешь идти, я не буду тебя заставлять, — Вероника присела на корточки перед сыном. — Подожди меня здесь. Я скоро вернусь.

— Будь осторожна! — донеслось в спину, когда она направилась к лесу одна.

Здесь не было протоптанной тропинки. Местные не приближались к этой части леса уже давно. Идти пришлось напрямик через поле. Ноги то и дело увязали в сырой земле. Прошлогодня сухая трава доставала до икр, цеплялась за шнурки кроссовок и отвороты джинс, точно хотела удержать ее, не пустить в лес.

Вероника проявила настойчивость и в итоге добралась до заветной сосны. Она не знала толком, что рассчитывала найти. Возможно, следы пребывания ночного гостя. Если повезет, место, где он копал. Но ее ждало разочарование. Земля была нетронутой. Судя по густому и равномерному ковру из подгнившей листвы, лопата не касалась земли много лет. Но Вероника могла поклясться, что видела, как мужчина копал!

Она присела на корточки и прижала ладонь к почве. Та была холодной и влажной на ощупь. Ранние ростки осоки щекотали кожу. Веронике почудилось, что земля вибрирует под ладонью. Она испугано отдернула руку, порезав пальцы в нескольких местах об острые края травы. Налетел ветер и с силой толкал ее в спину, выгоняя прочь из-под кроны деревьев. Пребывая в смятении от своей находки, она не противилась и вернулась к сыну.

— Зачем ты туда ходила? — первым делом спросил Митя.

— Надо было кое-что проверить, — рассеянно ответила Вероника.

— Проверила?

Она посмотрела на сына. Он не отстанет, пока не вытянет из нее подробности.

— Скажи, ты не слышал ночью ничего странного?

— Странного как что?

— Как, например, шаги на лестнице, когда все спят. Или как кто-то ходит под окнами или даже копает.

— Копает? — Митя зацепился за последнее слово. — Как копают яму?

— Да, — кивнула Вероника, — как копают яму.

Сын покачал головой, давая понять, что ничего странно прошлой ночью не заметил. Вероника скрыла разочарование за улыбкой.

Пикник удался на славу. Они вернулись домой только к ужину. Уставшие, но довольные. Митя наловил с десяток бабочек. В основном капустниц, но это не умаляло его восторгов. Бабочек он отпустил, заявив, что им лучше жить на свободе. Выпуская насекомых из банки, он был серьезен, точно спасатель МЧС. «Никто не должен жить в неволе», — сказал Митя, немало озадачив Веронику.

Вечером, когда Вероника шла в спальню, дверь в комнату Изольды Карловны приоткрылась. В дверном проеме

показалось инвалидное кресло. Хозяйка восседала на нем с гордо поднятой головой. Что ни говори, а высокомерность в той или иной степени свойственна всем членам этой семьи.

— Я видела тебя сегодня у леса, — сказала Изольда Карловна.

Вероника не удивилась ее осведомленности. Старушка почти не покидала свой пост у окна. Оттуда открывался прекрасный вид на лес и в том числе на ту самую сосну, где повесился ее муж, и где вчера ночью Вероника видела незнакомца. Ей пришло в голову, что Изольда Карловна могла тоже его заметить. Вряд ли старушка мирно спит по ночам.

— Ночью мне показалось, что под сосной кто-то есть, — сказала Вероника.

— И ты решила проверить?

— Я всего лишь хотела убедиться, что это не было сном.

— Зря старалась, — произнесла Изольда Карловна. — Я всю ночь просидела у окна. Рядом с лесом никого не было.

Догадка Вероники подтвердилась, но результат был не тот, что она ожидала. Как Изольда Карловна могла не заметить человека с лопатой в руках?

— Ты приняла игру лунных бликов за человеческую фигуру, — продолжала между тем старушка. — Подобное иногда случается.

Вероника не спорила. Хотя ей было не понятно, каким образом игра света может имитировать звуки. Ведь она отчетливо слышала, как незнакомец сначала копал, а затем шел к дому. Но она промолчала, чтобы не волновать пожилую женщину.

В ожидании экспертизы подчерков, Вероника проводила свободное время с сыном. Она была бы совершенно счастлива, если бы не вынужденная разлука с Сергеем.

Накануне Первомайских праздников Сергей съездил в столицу и забрал результат экспертизы. Чтобы ознакомиться с выводами экспертов подчерков, Вероника сбегала из-под бдительного ока свекрови и встретила с Сергеем в кафе, где он передал ей запечатанный конверт.

— Ты читал? — спросила Вероника.

— Даже не вскрывал. Решил, ты захочешь быть первой.

— У тебя прекрасная выдержка, — восхитилась она. — Я бы не утерпела.

Вероника открыла конверт. Сделала она это не аккуратно, разорвав его на несколько частей. Оттуда выпала уже знакомая форма отчета. Она бегло его прочитала, не сосредотачивая внимание на научных терминах. Ее интересовало одно: совпадают подчерки или нет.

— Ага! — наконец, Вероника добралась до главного. От напряжения она вцепилась в бумагу, не замечая, что комкает ее.

— Что там? — Сергей приподнялся с кресла и вытянул шею.

— Подчерки на обоих документах признаны идентичными, — прочла она. — Выходит, не зря я потратила столько денег на экспертизы.

Вероника откинулась на спинку кресла, довольно улыбнулась. Подошел официант, и она заказала себе сразу два круассана, решив в свете хорошей новости побаловать себя.

— И что это значит? — поинтересовался Сергей.

— Это значит, что предсмертную записку написала Светлана Георгиевна. А сделать она это могла только в одном случае — если убила мужа. Недаром я ее подозревала.

— Ты прямо Шерлок Холмс, — усмехнулся мужчина. — Как поступишь?

Об этом Вероника не думала. Она понятия не имела, что делать с открывшимися ей знаниями. Как их использовать: заявить в полицию? Но поверят ли ей и захотят ли возобновлять дело спустя столько лет?

— Я не знаю, — призналась она. Радость от того, что ее подозрения подтвердились, сменилась растерянностью. На первый взгляд ее открытие было совершенно бесполезно.

Сергей не стал развивать тему, дав ей время на раздумья. Вместо этого он произнес:

— Не представляю, каково было Светлане Георгиевне смотреть, как погибает ее сын. Ведь она могла его спасти. Надо было просто увезти его подальше от помешанной на проклятии бабки.

— Она сама внушила Изольде Карловне мысль о проклятии, — сказала Вероника. — А та затем передала ее Борису. Фактически Светлана Георгиевна собственными руками убила сына.

— Мне ее жаль.

— А мне нет, — жестко возразила Вероника. — Она получила то, что заслуживала. Если кого и надо пожалеть, так это Бориса.

— Каково это день за днем следить за тем, как твой ребенок приближается к пропасти? Надо иметь крепкие нервы, чтобы не вмешаться и не попытаться его спасти.

— Достаточно просто его не любить. Ей дела не было до Бориса. Она осталась ради денег.

— Тебе следует быть осторожнее, — заволновался Сергей. — Если она не пощадила своего ребенка, то избавиться от вас с Митей ей ничего не стоит.

— Не понимаю, на что она рассчитывает? Столько лет прошло. Драгоценности давно потеряны. Их ни за что не найти.

— Может, ей некуда больше идти.

— А что делать мне? — в сердцах воскликнула Вероника. — Митя ни в какую не хочет уезжать. Если суд примет сторону Светланы Георгиевны я лишусь сына. И нет гарантии, что она не сведет моего ребенка в могилу, как поступила со своим.

— Мы что-нибудь придумаем.

Несмотря на уверенный тон Сергея, Вероника не разделяла его оптимизм. Если бы речь шла только о ней, она бы отнеслась ко всему спокойнее. Но в руках убийцы находился ее сын.

— Что если я приглашу Иру на праздники? Ты не против?

Подруга не давала Веронике унывать. Иногда ей казалось, что Ирка способно в два счета разобраться с любой неприятностью. Она надеялась, что и в этот раз она даст дельный совет.

Сергей согласился приютить Ирину у себя на время праздников. В особняк Вероника не могла ее привести. Она сама там проживала на птичьих правах. Не откладывая дело в долгий ящик, Вероника позвонила подруге и позвала ее в гости. Та с удовольствием приняла приглашение. Она была рада покинуть душную столицу и отдохнуть за городом.

Ирина приехала на следующий день. Она долго добиралась из-за пробок на трассе — горожане спешили на дачи. Впереди ждало три дня выходных — шашлыки, огород и свежий воздух.

Вероника сообщила свекрови, что проведет выходные с подругой вне стен дома. Ей было тяжело оставлять Митю, но по-другому она не могла поступить. Под присмотром Светланы Георгиевны им бы не удалось спокойно поговорить. На время Вероника перебралась к Сергею.

Она встретила Иру при въезде в город. Увидев автомобиль подруги, Вероника замахала рукой. Ира притормозила и подобрала ее.

— А здесь мило, — заметила Ирка, когда они добрались до центра городка.

— Тихо и безмятежно, — похвасталась Вероника.

— Я бы через неделю умерла от скуки, — не оценила Ирка местный колорит. — Рассказывай, зачем звала.

— Мне что нельзя пригласить подругу в гости? — Вероника изобразила оскорбленную невинность.

— Ой, да ладно, — махнула та рукой, — можно подумать, я тебя не знаю. Сто пудов что-то случилось и тебе нужна помощь.

— И это тоже, — покаялась Вероника. — Но еще я соскучилась и это чистая правда.

Вероника поделилась новостями с Ирой. Больше всего интереса и восторгов у нее вызвало известие о том, что Вероника и Сергей вместе.

— Наконец-то, ты нашла себе мужика! — не отрывая взгляда от дороги, Ирка похлопала Веронику по колену. — Я сразу поняла: он парень, что надо.

— Да, — с улыбкой согласилась она. — У тебя нюх на такие вещи.

На сообщение о том, что Светлана Георгиевна убила мужа, а потом свела в могилу сына, Ира округлила глаза и сказала:

— Есть еще женщины в русских селениях! Наверное, эта Светлана, как ее там, та еще стерва. Ладно муже ужокошила. Он, положим, заслужил. Нечего было налево ходить. Но сын-то ей что плохого сделал?

— Вряд ли она планировала смерть Бориса. Все вышло само собой. Он был чересчур впечатлительным и не выдержал давления.

— Слабые нынче мужики пошли, — посетовала Ирка. — Чуть что — сразу под поезд.

Сергей к их приезду замариновал мясо. Он ставил шашлыки на мангал, когда автомобиль Иры остановился возле калитки. На три часа все позабыли о тревогах и просто получали удовольствие от общения. Много шутили и смеялись. Ира обладала редкой способностью влиться в любую компанию. Повсюду ее принимали с распростертыми объятиями. Везде она мигом становилась своей. Вероника самую малость завидовала этой особенности подруги. Ей было куда сложнее наладить отношения с окружающими.

Под вечер появились комары, и все перебрались в дом. Пока Сергей тушил костер и прибирался после готовки шашлыков, Вероника с подругой заварили чай. По молчаливому согласию в этот раз обошлись без коньяка.

— Что намерена делать? — спросила Ира, наливая кипяток в заварочный чайник.

Вероника расставила чашки с блюдами на столе, достала из холодильника припасенный по случаю шоколадный торт и ответила:

— Я думала сдать Светлану Георгиевну полиции. Но что они сделают?

— Наверняка даже дело не заведут, — поддержала ее Ирка. — Тем более у нее племянник в органах работает.

Надо действовать иначе.

— Как? — Вероника посмотрела на подругу с надеждой.

— Пригрозить ей. Сказать, что ты все знаешь, у тебя есть доказательства и если она не будет тебя слушаться, то ты ее сдашь, а?

— Кто-то пересмотрел детективов, — поддел Иру вошедший на кухню Сергей.

— А мне нравится этот вариант, — приняла сторону подруги Вероника. — Правда, из доказательств у меня одно лишь совпадение подчерков.

— Вот бы получить признание, — мечтательно протянула Ирка. — А еще лучше записать его на диктофон и шантажировать записью старую ведьму.

— А вы помните, милые дамы, что в фильмах обычно случается с шантажистами? — поинтересовался Сергей.

— Что? — невинно переспросила Ира.

— Их убивают.

— Но мы же не будем требовать деньги, — возразила Вероника. — Пусть оставит меня и Митю в покое. Нам больше ничего не надо.

— Даже если так, где вы планируете взять пленку с признанием?

Вопрос Сергея остался без ответа. Ни Ира, ни тем более Вероника не знали, как и где добыть запись. Глупо надеяться, что Светлана Георгиевна признается в убийстве, чтобы облегчить совесть. Вероника сомневалась, что у той вообще есть совесть.

— Необходимо заставить ее врасплох, — Ира за чаем возобновила разговор. — Сделать что-нибудь такое, чтобы она вспомнила о своем поступке и раскаялась.

— Она столько лет не каялась. С чего ей начинать сейчас? — спросил Сергей.

— Смерть сына и то не толкнула ее на покаяние, — пробормотала Вероника, а потом сообразила: — но ее можно напугать. Человек часто сознается в грехах перед лицом опасности.

— Хочешь на нее напасть? — рассмеялся Сергей.

— Меня она не боится, — приуныла Вероника. Откровенно говоря, она сама трепетала перед свекровью.

— А кого она боится? — поинтересовалась Ира.

— Такую разве что сам дьявол напугает, — усмехнулся Сергей.

— А что если это будет не дьявол? — Веронике в голову пришла, как ей казалось, гениальная мысль. — А, например, покойник.

— Ты имеешь в виду кого-то конкретного? — спросил мужчина.

— Ага, — кивнула она. — Как насчет убитого ею мужа?

— Возмездие за грехи, — Ира потерла ладони. — Отличная идея.

— И где мы возьмем покойника тридцатилетней давности? — недоумевал Сергей.

— Откапываем, — хихикнула Ирка.

— Никто никого откапывать не будет. Нам вообще не понадобится труп, — заявила Вероника. — Достаточно убедить Светлану Георгиевну, что явился ее муж. Для этого нужна спиритическая доска. И я даже знаю, где взять одну.

Глава 21

На следующий день Вероника вернулась в особняк, где действовала четко по разработанному накануне плану. Первым делом она умилоствовала Светлану Георгиевну, чтобы та позволила провести в доме вечеринку.

Вероника нашла свекровь в саду, осматривающую кусты роз. Судя по плотно сжатым губам, увиденное ей не нравилось. Вероника мысленно посочувствовала Сергею. Завтра ему придется выслушать лекцию о правильном уходе за розами. Светлана Георгиевна периодически отчитывала его, несмотря на то, что кусты выглядели идеально: подстриженные, удобренные, с молодыми зелеными листьями.

— До сих пор не цветут, — проворчала свекровь, заметив Веронику. — Давно пора уволить садовника.

— Нового найти будет трудно, — сказала Вероника.

Светлана Георгиевна хмыкнула и спросила:

— С чего вдруг ты за него заступаешься?

— Ни за кого я не заступаюсь, — покачала она головой. — Просто жаль будет, если такой прекрасный сад останется без должного ухода.

— Пусть тебя это не волнует. Сад принадлежит мне, и я буду решать кто, когда и как будет за ним следить.

Вероника с силой сжала челюсти, так что они едва не закрипели. До чего же ей хотелось высказать все, что она думает, в лицо самодовольной свекрови. Но приходилось терпеть и притворяться милой.

Растянув губы в улыбке, она произнесла:

— Я подумала: а не устроить ли нам вечеринку?

Светлана Георгиевна вопросительно изогнула брови. Вероника приняла это за добрый знак. По крайней мере, это не отказ.

— Мы позовем Владимира – вашего племянника. Ко мне приедет подруга, — заметив неудовольствие на лице свекрови, она поспешно добавила: — если вы не против. Пожарим шашлыки. Митя их обожает.

Светлана Георгиевна окинула ее долгим хмурым взглядом:

— Почему бы и нет? Но организация вечеринки на тебе.

— Конечно. Все будет по высшему разряду.

— В последнем я сомневаюсь, — оскорбив ее напоследок, свекровь скрылась в доме.

Вероника привыкла к манерам Светланы Георгиевны и давно перестала обращать внимание на ее выпады. Главное она получила разрешение на вечеринку. Первая часть плана самая сложная выполнена блестяще. Теперь необходимо раздобыть информацию, неиссякаемым источником которой являлась Изольда Карловна.

Вероника поднялась в комнату к старушке, отдала ей предсмертную записку Леопольда и образец подчерка Светланы Георгиевны. На вопрос «удалось ли ей узнать что-нибудь» Вероника ответила мычанием и пожиманием плеч. Ни к чему рассказывать старой женщине, что невестка, с которой та прожила несколько десятков лет под одной крышей, убила ее сына, а затем внука и сейчас подбирается к правнуку. Изольда Карловна может не пережить этого известия.

— Расскажите мне о вашем сыне и Светлане Георгиевне. Он, наверное, ее очень любил? — Вероника надеялась, что вопрос прозвучал невинно. Необходимо выяснить как можно больше подробностей об отношениях этой пары. Желательно присущих только им двоим. Тайные словечки, жесты, намеки. Как бы ни повернулась судьба, женился Леопольд по любви, а значит, поначалу их с супругой многое связывало.

— Они были странной парой, — ответила Изольда Карловна. — Левушка ухаживал за Светой, как настоящий джентльмен. Он нравился женщинам. Многие мечтали стать его женой, но выбрал он Светку – без роду, без племени, — тут старуха на мгновение скривилась, но быстро взяла себя в руки и продолжила как ни в чем не бывало: — он забрасывал ее подарками и цветами. Вскружил голову девчонке красивой жизнью. Ее-то родители были против их свадьбы. Я так и не поняла почему. Если уж кто и должен был противиться, то это я. Левушке, чтобы увидеться со Светой, приходилось подкрадываться к ее окну и бросать в него камушки. Он ей так знак подавал: мол, выходи на улицу, я тебя жду.

История с бросанием камушек в окно пришлась кстати.

— Светлана Георгиевна красивая женщина. Даже сейчас она выглядит хорошо, — отметила Вероника. — В молодости она была, наверное, еще краше.

— Про таких, как она, принято говорить «кровь с молоком». Настоящая русская девка. У нее в молодости коса была до пояса. Да такая толстая, не обхватишь. Левушка звал ее «моя Златовласка».

Прозвище – то, что нужно. Вероника улыбнулась. Она узнала все, что хотела и даже немного больше, но не удержалась от еще одного вопроса:

— Почему Светлана Георгиевна хромот? Это у нее с рождения?

— Нет, — сказала Изольда Карловна, перебирая четки. — Когда Бореньке было пять лет, он едва не угодил под машину. Света в последний момент оттолкнула его, но сама попала под колеса. У нее был тяжелый перелом бедра. Она долго восстанавливалась. Почти год с постели не вставала. Ей сделали несколько операций. Левушка возил ее к лучшим докторам, но хромота осталась на всю жизнь.

После разговора с Изольдой Карловной многое встало на места. Вероника лучше поняла Светлану Георгиевну и в какой-то степени посочувствовала ей. Не трудно было сопоставить все и вычислить, что Леопольд завел любовницу как раз в тот период, когда жена была прикована к постели после тяжелой травмы. Она была готова пожертвовать жизнью ради их сына, а он променял ее на другую. Любимый муж намерен уйти к чужой женщине, бросив ее с ребенком без средств – кто угодно от такого обращения превратится в мегеру.

Помимо приготовлений к вечеринке: закупить продукты, созвать гостей, приготовить ужин; надо было спланировать розыгрыш с появлением духа и договориться с сообщниками об их ролях. Вероника растерялась от количества обязанностей, но быстро сообразила, что половину из них можно перекинуть на Раису. Кому как не кухарке заниматься закупкой продуктов и готовкой?

Раиса без пререканий взвалила на себя обязанности по организации вечеринки. Вероника почувствовала, что могла бы привыкнуть к жизни с прислугой и даже получать от нее удовольствие.

Пока Раиса колдовала на кухне, Вероника позвонила Володе и пригласила его на ужин. Он удивился намечающейся вечеринке. По его словам ничего подобного в особняке не проводилось с момента смерти его дяди. Но узнав, что все согласовано со Светланой Георгиевной, согласился прийти.

Остаток времени Вероника посвятила приготовлениям к розыгрышу. Самым сложным оказалось отыскать на чердаке спиритическую доску. Свекровь запрятала ее в дальний угол. Но упорство Вероники было вознаграждено. Она вытащила доску из-под вороха старой одежды, протерла ее и, пока никто не видит, спустилась в гостиную и

спрятала.

К приходу гостей роли были розданы и выучены наизусть. Каждый из участников розыгрыша, как Вероника невинно называла про себя готовящееся разоблачение, знал что, когда и как ему делать. Спектакль был расписан поминутно. Актеров было трое: сама Вероника, Ирина и Сергей. Последний не был приглашен в дом. Его партия была закулисной, но едва ли не самой важной.

Первым пришел Володя. Вместе с Вероникой они помогли Изольде Карловне спуститься вниз. Следом явилась Ира. Ее Вероника встречала лично.

— Принесла? — прошептала она.

В ответ Ирка продемонстрировала маленький диктофон. Он с легкостью помешался в руке и со стороны был незаметен.

— Спрячь, — Вероника ладонью накрыла Ирину руку с диктофоном. — И не включай раньше времени, а твоя память не хватит.

— Об этом не переживай, — успокоила подруга. — Там карта памяти на восемь гигабайт. Хватит на двенадцать часов записи.

— Но есть еще батарейка. Ее хватит всего на пару часов.

В этот момент в холл вышел Володя:

— Девушки, о чем секретничаете?

Вероника и Ира одновременно вздрогнул и, как по команде, нацепили на лицо очаровательные улыбки.

— Познакомь меня со своей подругой, — попросил участковый Веронику.

Она была рада перевести разговор с секретов в мирное русло и выполнила его просьбу. А дальше в дело вступила Ирка. Уж та знала, как отвлечь мужчину от мыслей о заговоре.

Прежде чем уйти вслед за Володей в гостиную, Ира шепнула Веронике:

— Почему ты не говорила мне, что он так хорош? Вылитый богатырь.

— Он обманщик.

— Ах, оставь, — отмахнулась подруга. — Все мы порой привираем. И что же теперь ни с кем не общаться?

Ира упорхнула в гостиную, поближе к Владимиру. Оставалось надеяться: полицейский не вскружит голову подруге настолько, что она забудет про отведенную ей роль.

Это была камерная вечеринка. Только близкие родственники и еще Ирина, на присутствии которой настояла Вероника. Няня и кухарка в счет не шли. Светлана Георгиевна не села бы за один стол с обслуживающим персоналом, как она называла работающих в доме людей.

Вероника помогла Раисе накрыть на стол и только после этого присоединилась к остальным. В гостиной собралось пять человек. Единственным мужчиной среди них был Володя. Его присутствие могло отрицательно сказаться на планах Вероники, но ей пришлось с этим смириться. С первых же минут стало очевидно особое к нему отношение Светланы Георгиевны. Вероника до этого не видела, чтобы та с кем-то была мила.

Ужин прошел оживленно. Даже Изольда Карловна улыбалась и выглядела веселой. Приятная обстановка была полностью заслугой Ирины. Она развлекала собравшихся не хуже профессионального тамады, и Светлана Георгиевна в итоге признала, что пригласить ее было не такой уж плохой идеей.

После ужина все перебрались на веранду, пить чай. Спиртные напитки в доме находились под строгим запретом. К этому времени няня увела Митю наверх и уложила спать. Вероника поднялась, чтобы пожелать сыну приятных снов. Возвращаясь на веранду, она прошла через гостиную и захватила по пути спиритическую доску.

Веранда по размерам походила на еще одну комнату. Сходство усиливал тот факт, что она была застеклена со всех сторон. Вместо потолка тоже было стекло. Отсюда открывался прекрасный вид на сад. Неподалеку росли плодовые деревья: яблоки и вишни. За ними расположились густые кусты можжевельника. Сергей сделал из них живую изгородь.

На веранде стояли плетеный стол со стульями. Из гостиной принесли торшер. Когда его включили, сумрак за окном сгустился до непроглядной тьмы. Уже нельзя было рассмотреть ни деревьев, ни кустов. По ту сторону стекла царил сплошной мрак.

Хозяйки дома и гости расселись за круглым столом. Они прислушивались к стрекоту цикад и вели неспешную беседу, пока на веранду не пришла Вероника с доской наперевес.

— Смотрите, что я нашла, — заявила она, демонстрируя спиритическую доску. Вероника изобразила энтузиазм. Остальные должны были не только поверить ей, но и заразиться желанием вызвать духов.

Веронике подыграла Ирина:

— Ух ты! Что это?

Она забрала доску у Вероники и водрузила ее в центр стола.

— Где ты ее взяла? — поморщилась Светлана Георгиевна при виде доски. Вот уж кто не имел охоты вызывать духов.

— Она валялась на чердаке, — непринужденно ответила Вероника, скрыв с каким трудом она добыла доску. — Я подумала: мы могли бы неплохо с ней развлечься.

— О чем это ты? — на ее удачу Владимир заинтересовался.

— Раньше в моде был спиритизм. Все поголовно вызывали духов. Те являлись и давали ответы на любые вопросы.

— Хочешь вызвать кого-нибудь? — усмехнулся мужчина.

— Отличная идея, — сказала Ира. — У меня как раз накопилась куча вопросов.

— Я в этом не участвую, — Светлана Георгиевна встала с места.

План Вероника трещал по швам. От отчаянья она обратилась к единственному человеку, который хоть как-то мог повлиять на решение свекрови:

— А что вы скажите, Изольда Карловна? По-моему, это будет очень увлекательно. Кто знает, вдруг у нас получится вызвать дух вашего сына или внука.

Задремавшая было старушка, встрепенулась в своем кресле:

— Да, да, мне нравится твоя затея. Мы непременно должны попробовать вызвать духа. Светочка, составь нам компанию.

Вероника не без удовольствия наблюдала за мрачной Светланой Георгиевной. Той ничего не оставалось, как вернуться на место.

— Что нужно делать? — проворчала Светлана Георгиевна, глядя на доску с отвращением.

— Сейчас разберемся, — Вероника пристроила треугольник с круглым отверстием на доске, посмотрела на подругу. Та едва заметно кивнула ей, давая понять, что диктофон включен. — Надо сесть в круг и положить руки на треугольник.

После нескольких попыток все устроились, как было велено. Каждый протянул вперед одну руку и коснулся кончиками пальцев треугольника. Одна лишь Вероника положила на него обе руки.

— Погасим свет? — предложил Владимир.

— Это ни к чему, — откликнулась Вероника.

Свет был необходим, чтобы скрыть притаившегося за окном Сергея.

— Что дальше? — спросила Изольда Карловна.

— Чтобы призвать духа, надо сосредоточиться, — пояснила Вероника. — Лучше всего, если мы будем думать об одном и том же человеке.

— О ком, например? — невинно поинтересовалась Ирина.

— Например, — Вероника в открытую взглянула на Светлану Георгиевну, — о Леопольде.

Надо отдать той должное, она держала удар. Политики позавидовали бы ее выдержке. Лицо свекрови осталось невозмутимым. Одному Богу известно, что творится в душе у этой женщины.

Вероника, а за ней и остальные, закрыла глаза, опустили головы и прижали подбородки к груди. На несколько минут на веранде повисло напряженное молчание. Цикады за окном и те убавили громкость. Мир сузился до размеров спиритической доски. Вероника могла поклясться, что от нее исходила горячая волна. Она списала это на тепло людских рук, нагревших доску.

В следующую секунду все вздрогнули от негромкого удара в стекло, вскинули головы и принялись озираться по сторонам.

— Что это? — спросил Владимир.

Он собрался встать, чтобы проверить откуда исходит звук, но Вероника его удержала:

— Не отрывай руки от доски! Иначе контакт оборвется.

— Какой контакт? — фыркнула Светлана Георгиевна. — Это всего лишь мотылек бьется о стекло.

Звук повторился, на этот раз отчетливее. Стало очевидно, что никакой это не мотылек.

— Кто-то бросает камни в окно, — Владимир вытянул шею, пытаясь разглядеть хоть что-то в темноте, но руку послушно держал на доске.

— Совсем как Левушка, — чуть слышно прошелестела Изольда Карловна.

До последнего момента Вероника сомневалась: стоит ли старухе участвовать в вызове духа. Она опасалась ее присутствия по нескольким причинам. Что если Изольда Карловна вспомнит сегодняшний разговор о Леопольде и выдаст ее? Да и стара она для подобных приключений. Даже в самых смелых мечтах Вероника не могла помыслить, что та будет настолько полезной. Сама того не ведая, старуха подыграла ей. Да так здорово, что ее вклад было сложно переоценить.

— О чем ты? — в голосе Светланы Георгиевны сквозили истерические нотки.

— Помнишь, он так же бросал камушки тебе в окошко, чтобы ты вышла. Он сам мне об этом рассказывал.

Большая часть красок сошла с лица Светланы Георгиевны. Своей бледностью она могла соперничать с мраморной статуей. Но так просто эту женщину было не взять. Понимая это, Вероника перешла ко второй части

розыгрыша.

— Смотрите! — воскликнула она. — Треугольник движется.

Чтобы незаметно для окружающих двигать треугольник, специальных навыков не требовалось. Вероника освоила эту нехитрую науку за час тренировки. Остальные касались треугольника лишь слегка и были не в состоянии ощутить, какие манипуляции она с ним проводит.

— Леопольд, ты здесь? — Ира наклонилась к доске.

Треугольник двинулся к слову «да» и замер там.

— Это он! — Изольду Карловну трясло от возбуждения.

Вероника не на шутку испугалась за ее здоровье. Она была готова остановить балаган, но старушка взяла себя в руки. Теперь она выглядела самой спокойной из присутствующих. Явление покойного сына вдохнуло в нее силы.

Вероника тайком оглядела сидящих за столом. Володя не сводил сосредоточенного взгляда с доски, словно приковавшей его взор. Светлана Георгиевна покусывала губы, но больше ничто не выдавало ее волнения. Ирка отлично исполняла роль девицы испуганной явлением духа. Она округлила глаза, вжала голову в плечи, ее щеки горели самым что ни на есть правдоподобным румянцем. Как ей удалось сымитировать последний было загадкой.

— Ты покончил с собой? — следуя плану, спросила Ира.

Треугольник снова пришел в движение. На этот раз он остановился на слове «нет». Прочитав ответ, все одновременно выдохнули, от чего по веранде пролетел ветерок.

— Это смешно, — заявила Светлана Георгиевна. — Все знают, что Леопольд выстрелил себе в висок.

— Но дух утверждает, что все было не так, — возразила Ира.

— Его что же кто-то убил? — Светлана Георгиевна сказала это с вызовом. Но как только она умолкла, треугольник пополз к слову «да».

Не успел он остановиться, как Ирина озвучила следующий вопрос:

— Кто это сделал? Кто тебя убил?

Треугольник направился к алфавиту. Первой на его пути была буква «з». Следом шла «л», потом «а», «т», «о», «в», «л», «а», «с», «к». Закончилось все на букве «а». Стоило треугольнику замереть, как мигнул торшер. Одно из окон веранды распахнулось настежь под сильным порывом ветра. В ту же секунду погас свет. Белый тюль надулся, изгибаясь дугой. Все испугано подскочили с мест. Вероника с ужасом уставилась на тюль. Оседая, тот словно обтекал человеческую фигуру. Казалось, около окна кто-то стоит. Ведение было мимолетным. Спустя мгновение зажегся свет, и фигура исчезла. К н и г о е д . н е т

Владимир бросился закрывать окно. Это происшествие не входило в планы Вероники. Наверное, Сергей сымпровизировал, чтобы нагнать страху. И это у него прекрасно получилось. Вероника сама на краткий миг забыла, что все это тщательно отрежиссированное представление.

Хлопнуло ставнями окно, и от резкого звука все точно опомнились ото сна. Светлана Георгиевна оттолкнула стул. Да так резво, что он отлетел назад.

— С меня довольно! — громогласно объявила она и покинула веранду.

Вероника заторопилась следом. «Подозреваемую необходимо дожать», — где-то она слышала эту фразу. Не иначе как в одном из детективов, что сотнями показывают по ТВ.

Светлана Георгиевна вместо того, чтобы подняться к себе в спальню, свернула в коридор, ведущий к кабинету покойного мужа. Вероника кралась за ней. На повороте ее остановила подоспевшая Ирина. Она сунула Веронике в руку включенный диктофон, подмигнула и так же молча ушла.

Дверь в кабинет стояла распахнутой настежь. Внутри было темно. Только окно подсвечивалось уличным фонарем. На его фоне четко виднелась фигура женщины с тростью, застывшей посреди кабинета.

— Вы убили мужа? — то ли спрашивала, то ли утверждала Вероника, пересекая порог кабинета.

Светлана Георгиевна дернулась и обернулась. Ветви ближайшего дерева скреблись в окно подобно когтям великана. На улице начинался ураган. Вероника не помнила, чтобы прогноз погоды предупреждал о его приближении.

— Неплохое шоу ты устроила, — похвалила свекровь.

— О чем вы?

— Неужели ты хотя бы на минуту допускаешь, что я поверю в этот цирк? Леопольд вернулся с того света спустя тридцать лет, чтобы обличить убийцу, — Светлана Георгиевна фыркнула. — Что же он тянул с разоблачением? Где пропадал все это время? Или его задержала в пути очередная шалава?

— Вы знали, что он вам изменяет, — догадалась Вероника.

— Конечно. Женщины чувствуют такие вещи. Это ощущается на подсознательном уровне. Пока я боролась с последствиями аварии, мой драгоценный супруг развлекался на стороне. Я едва не лишилась жизнь, спасая ребенка, который, между прочим, был и его сыном. И как он меня отблагодарил?

— Вы, наверное, страшно на него разозлились? — Вероника подобралась ближе к свекрови, чтобы диктофон

четко записал ответ.

— Я не воспринимала его увлечение всерьез. Леопольд и раньше погуливал, но всегда возвращался ко мне.

— Только не в этот раз, — сказала Вероника. — Он хотел бросить вас. Уйти и забрать с собой все сбережения.

— Чушь, — Светлана Георгиевна упрямо покачала головой. — Куда бы он делся? Погулял и непременно вернулся.

— Может поначалу вы в это верили, но потом осознали: его новая пассия особенная. Ваш муж влюбился по-настоящему. Когда-то он столь же страстно ухаживал за вами, — видя, что ее слова не достигают цели, Вероника решила быть жестче: — Каково это, когда мужчина, с которым прожили столько лет, предпочитает вам другую?

— Я отдала ему все, — прошептала Светлана Георгиевна. Вероника с трудом различила ее голос за шумом урагана. — Была с ним в горе и радости. Я на многое закрывала глаза. Любила его вопреки всему. И как он меня отблагодарил? Решил бросить с ребенком и с его ненормальной мамашей на шее. А ведь это старая карга его боготворила. Но в новой жизни у обожаемого Левушки не нашлось для нее места.

— Это чудовищно, — Вероника передернула плечами. Леопольд представлялся ей совсем другим. Недаром говорят: у каждого своя правда.

— Я не могла ему позволить оставить нас. Только не я.

— И что вы сделали?

Вопрос Вероника задала в полной тишине. Ураган всего секунду назад гнувший деревья и кусты к земле внезапно утих. Как если бы кто-то выдернул из розетки шнур гигантского вентилятора, разгоняющего воздух. А потому ответ Светланы Георгиевны был явственно слышен, несмотря на шепот:

— Я умоляла его остаться, но он велел мне не унижаться. Сказал, что я ни на что не годная. Жалкая калека — вот как он меня назвал. Сын — единственное, что держало его подле меня. Как только он обустроится на новом месте, он заберет его себе. Я не могла этого допустить.

— И вы убили его, — подсказала Вероника.

— Я не раз слышала от старухи о семейном проклятии. Она показала мне предсмертную записку мужа. Я не обращала внимания на ее бредни, пока не поняла, что они могут сыграть мне на руку. Дальше все было делом техники. Я подделала записку, копируя подчерк Леопольда. Заманила его ночью в кабинет и застрелила. Старуха уже тогда была слепа, как крот. Она опознала почерк сына. Конечно, не без моей помощи. Я сумела ее убедить, что все дело в злосчастном проклятии. Якобы это месть ее мужа за неверность. К тому же все так удачно совпало: Леопольду буквально на днях исполнилось тридцать пять. В этом же возрасте повесился ее муж.

— Она поверила вам.

— Еще как поверила, — усмехнулась Светлана Георгиевна. — Сама настояла, чтобы дело поскорее закрыли. Боялась ворошить прошлое.

— Я еще могу понять, за что погиб Леопольд. Но в чем был виноват ваш сын?

Светлана Георгиевна обогнула стол и присела в кресло мужа. Она провела рукой по столешнице, смахивая с нее пыль. Ее голос, когда она вновь заговорила, звучал глухо, будто она из последних сил борется со слезами:

— Боря — невинная жертва. Все этот дом. Он поглотил его. Я не могла этому помешать.

— Не правда, — отмахнулась Вероника. — Всего-то и надо было, что уехать отсюда.

— Куда? — женщина посмотрела на нее. Даже в темноте Вероника кожей ощущала ее взгляд. — У меня никого нет. Родители умерли. Сестра с мужем погибли в аварии. Я осталась совсем одна с двумя детьми на руках: Борей и Володей. А на кого мне было бросить выжившую из ума старуху? Это Леопольд мог одним росчерком пера покончить со старой жизнью и начать новую. У меня же было слишком много обязательств.

— То есть деньги совсем не причем? И вы остались не потому, что рассчитывали найти клад?

— Тридцать лет, — хмыкнула свекровь, — не слишком ли долгий срок для поисков?

Вероника умолкла. Светлана Георгиевна, которую она считала чудовищем, на деле оказалась просто несчастной женщиной. От других ее отличало лишь то, как она боролась со своим горем. Так уж вышло, что она была из породы тех людей, которые ни при каких обстоятельствах не дадут себя в обиду.

— Что стоишь? — к свекрови вернулась утерянная самоуверенность. — Ты ничего не можешь со мной поделать. Я жила как хочу и продолжу так жить.

— Зло должно быть наказано.

Вероника опомнилась. Как она могла сочувствовать этой женщине? Она тряхнула головой, усилием воли прогоняя остатки жалости из сердца и ума.

— И карающей десницей станешь ты? Не смей меня, — Светлана Георгиевна поднялась из-за стола и двинулась к Веронике. — Ты даже о себе не в состоянии позаботиться. Такая рассеянная. Никто не удивится, если ты вдруг угодишь под машину или выпадешь с балкона.

— Вы мне угрожаете? — изумилась Вероника.

— Что ты, это всего-навсего дружеское предупреждение: уезжай отсюда поскорее.

— Я не оставлю сына!

— Он принадлежит мне. Смирись с этим, — дала свекровь еще один совет.

На краткий миг Вероникой овладело желание броситься на ненавистную Светлану Георгиевну и вцепиться ей в горло. Но она сдержалась. Этой ведьме не сделать из нее убийцу. Она одолеет ее другими методами.

Вероника опустила руку в карман и вытащила диктофон. На его корпусе горела красная кнопка — знак, что аппарат включен и ведет запись. Она показала его Светлане Георгиевне, заявив:

— У меня есть доказательства! Весь наш разговор записан. А еще я сдала предсмертную записку Леопольда на экспертизу и она установила, что ее написали вы.

— Старая карга сохранила записку? — свекровь покачала головой. — Ох уж эта ее тяга к собиранию всякого хлама. Но с этим я разберусь. А теперь отдай мне диктофон!

Вероника опомниться не успела, как Светлана Георгиевна бросилась на нее. За секунду она преодолела разделяющее их расстояния, двигаясь чересчур проворно для калеки. Пальцы свекрови были всего в паре сантиметров от запястья Вероники и должны были вот-вот ее схватить, когда в потасовку вмешался скрип колес.

— Что здесь происходит? — спросила Изольда Карловна, заглядывая в кабинет из коридора.

— Ничего, — первой опомнилась Светлана Георгиевна. Она убрала руку за спину и мило улыбнулась. Хищническое выражение лица вмиг сменилось скучающим. — Мы беседуем.

— Тогда ты не будешь возражать, если я заберу Веронику. Я устала и хочу лечь спать, а самостоятельно наверх мне не подняться, — старуха указала на инвалидное кресло.

Светлана Георгиевна прожгла Веронику взглядом и ответила:

— Конечно, пусть идет. Мы договорим позже.

Вслед за Изольдой Карловной Вероника покинула кабинет. Она чувствовала себя, как приговоренный к смерти чудом избежавший казни. Выключив диктофон, она спрятала его в карман, размышляя над тем, как обезопасить себя.

Вероника намеривалась отдать диктофон Ирине, чтобы та вынесла его из дома. За пределами особняка он будет в безопасности. Но к своему разочарованию узнала, что подруга уже уехала.

Вместе с Володей она помогла Изольде Карловне подняться в спальню. Участковый торопился попасть домой, а Вероника осталась, чтобы помочь старушке лечь. Укладывая ту в постель, она украдкой наблюдала за ней. Неясно: слышала Изольда Карловна их со свекровью разговор или нет? Вела она себя как обычно, но этой семье все поднатюрели в умении скрывать истинные чувства. Спросить напрямик? Она отмела этот вариант. Если старушка ничего не слышала, то лишние разговоры на эту тему только подхлестнут ее любопытство.

— Все в порядке? — накрывая Изольду Карловну одеялом, поинтересовалась Вероника.

Старушка сжала ее ладонь сухими пальцами — в них до сих пор ощущалась сила, и ответила:

— Ты хорошая девочка, Вероника. Бог даст, у тебя все будет в порядке.

Толком не пояснив своих странных слов, Изольда Карловна пожаловалась на усталость и попросила оставить ее одну.

Вероника забаррикадировалась в своей комнате. Замка на дверь не было, и она придвинула стул, подперев им ручку. Только после этого она почувствовала себя в относительной безопасности.

Оставалось придумать, куда спрятать диктофон. Из-за его маленького размера он мог поместиться куда угодно, но место нужно надежное. Такое, где не станут искать. Шкаф, комод и тумба отпадали сразу. Вероника больше часа блуждала по комнате, пока случайно не заметила, что одна из половиц неплотно прилегает к полу. Поддев ее шпилькой, она нашла небольшой углубление. Как раз под размер диктофона. Вероника спрятала туда аппарат, добавила к нему результаты экспертиз, установила половицу на место и прикрыла ее ковром.

Глава 22

Ночь Вероника провела на удивление спокойно, а утром проснулась свежей и отдохнувшей и далеко не сразу вспомнила события вечеринки. Память вернулась к ней в душе. Выбежав оттуда мокрой, завернутой в полотенце, она проверила тайник. Диктофон лежал на месте.

Светлана Георгиевна отыскала Веронику на кухне. Заглянув туда на минутку, она бросила: «Нам надо поговорить», и тут же ушла. Вероника оставила завтрак недоеденным и отправилась вслед за свекровью.

Как только дверь гостиной затворилась за Вероникой, Светлана Георгиевна спросила:

— Чего ты хочешь?

— О чем вы?

— У тебя диктофон с записью моего признания. Наверняка ты отдала его своей подруге и та увезла его подальше. Мне до него не добраться, а значит я у тебя в руках. И потому я спрашиваю: чего ты хочешь?

Вероника не разубеждала свекровь в неправильности ее выводов. Пусть продолжает думать, что диктофон находится в безопасном месте. Отныне Вероника хозяйка ситуации. Неведомое ей ранее чувство ширилось в груди.

Имя ему было власть.

— Мне много не нужно, — ответила Вероника. — Оставьте меня и сына в покое. Вот все о чем я прошу.

— Это я могу сделать, — улыбнулась Светлана Георгиевна, а Вероника вдруг ощутила себя обманутой. Она упускала что-то важное. Одного данного свекровью слова было недостаточно. В голову пришла неожиданная и дерзкая идея.

— Это еще не все, — проговорила она. — Вы передадите мне опеку над имуществом, оставленному по завещанию Бориса. Я и только я буду решать, что делать с домом.

— Ты быстро учишься, — Светлана Георгиевна сдулась, точно старый воздушный шарик. — А что останется мне?

— Я позволю вам и дальше жить здесь. Но не попытайтесь избавиться от меня. Я составлю завещание так, что после моей смерти вам не достанется даже дверной ручки от спальни.

— У тебя есть деловая хватка, — сделала комплимент свекровь. — Я смотрела на тебя и думала, почему Борис в свое время выбрал тебя, а теперь поняла: ты напомнила ему меня. Мужчины всегда выбирают в спутницы женщин похожих на их матерей. Володя тоже не остался к тебе равнодушен.

— У нас с вами нет ничего общего, — запротестовала Вероника. — Вы убийца и тиран, а я просто люблю своего сына и хочу его спасти.

— Какая разница, что за мотивы нами движут? Значение имеют средства, выбранные для достижения цели. Ты не побрезговала обмануть меня. А сейчас тебя так и распирает от чувства собственного превосходства. Это как наркотик. Попробовав раз, ты будешь стремиться испытать это снова и снова.

Вероника дернула плечом, точно сбрасывая с себя чужую ладонь. Она не обязана слушать Светлану Георгиевну. Оправдывая себя борьбой за жизнь сына, она перебила свекровь:

— Довольно! Я сегодня же вызову нотариуса и мы подпишем бумаги о передаче прав опекуна мне. Или так, или я отправлю все улики в полицию. Убийство, доведение до самоубийства. Любопытно сколько лет вам дадут?

— Хорошо, — согласилась Светлана Георгиевна, — я все подпишу. Только пообещай, что позволишь мне остаться.

— Обещаю.

Нотариус не успел за несколько часов составить нужные документы и приехал на следующий день. Обескураженный решением Светланы Георгиевны он то и дело спрашивал хорошо ли она подумала. Наконец, вопросы иссякли, документы были подписаны, и Вероника вздохнула с облегчением. Она победила! Ей удалось одолеть опасного и жестоко врага. Она может гордиться собой.

Вероника складывала документы в папку. За процессом со стороны наблюдала Светлана Георгиевна. Нотариус только что ушел, и они остались в гостиной одни.

— Теперь я могу получить запись? — поинтересовалась свекровь.

Вероника, позабыв про бумаги, уставилась на женщину и ответила:

— Даже не мечтайте. Запись – гарантия моей безопасности. Я буду хранить ее у себя.

— А кто гарантирует мою безопасность? Что если завтра тебе взбрдет в голову сдать меня полиции?

— Я даю вам слово, что не обнародую запись, если, конечно, вы не нарушите наш уговор, — Вероника продемонстрировала папку с документами.

— Твое честное слово в обмен на мою подпись. Отчего мне кажется, будто я продешевила? — усмехнулась Светлана Георгиевна.

— Когда кажется, креститься надо, — проворчала Вероника. — Чуть не забыла: моя подруга Ира погостит у нас некоторое время. Надеюсь, вы не против?

Она ушла, не дожидаясь ответа. Тем самым подчеркнув, что он ей, по сути, ни к чему. Ведь теперь дом и все, что в нем находится, принадлежит ей. Точнее Мите, но до его совершеннолетия она здесь полноправная хозяйка.

Вероника пребывала в отличном настроении. Она поднялась к себе в комнату: спрятать бумаги в тайник к диктофону и экспертизам. Тщательно заперев дверь, она подняла половицу и обомлела: тайник был пуст. Вероника обшарила узкое пространство рукой, убеждаясь: диктофон и бумаги пропали.

Она плюхнулась на пол. Кто-то побывал в комнате и украл важные улики. Наверняка это была Светлана Георгиевна. Вот почему она так спокойна. Запись у нее.

Первым порывом Вероники было спуститься вниз и поговорить со свекровью начистоту. Потребовать, чтобы та отдала запись. Но здравый смысл взял верх, и Вероника осталась в комнате. Если Светлана Георгиевна украла диктофон, она ни за что не сознается, и тогда запись потеряна навсегда. Зато у нее есть документы. Вероника прижала папку к груди. Надо поискать для нее место понадежнее. Хорошо, если оно будет за пределами особняка.

Но что если диктофон взяла не свекровь? Будь запись у нее, она бы не подписала документы. Попади запись не в те руки, и последствия сложно предсказать. Как воспользуется неизвестный свалившейся на него властью? Например, Раиса. Вдруг она убиралась в спальне и случайно наткнулась на тайник? Какие шаги она предпримет,

когда поймет, что у нее в руках золотая жила?

Вероника глубоко вдохнула и медленно выдохнула через сложенные трубочкой губы. Она повторила упражнение десять раз, чтобы успокоиться и трезво оценить ситуацию. Вряд ли это была Раиса. Она не раз подчеркивала, что работает кухаркой, и уборка не входит в ее обязанности. Вероника сама прибиралась в своей комнате и в комнате Мити тоже. Значит, няня? Но и этот вариант казался нереальным. Няня не заходит в ее спальню. Что если это был Сергей? Только вчера она звонила ему и жаловалась, что боится, как бы диктофон не украли. Может, пока ее не было, он забрал его и перепрятал в другом месте?

Вероника спустилась в сад. Документы она взяла с собой. Заодно передаст их Сергею для сохранности. Ему она доверяла безоговорочно.

Она застала мужчину за делом. Он поливал из шланга кусты можжевельника.

— Как успехи? — спросил Сергей.

— Бумаги подписаны, — Вероника показала ему папку.

— Отчего тогда у тебя кислое лицо?

— Диктофон пропал, — прошептала она, воровато оглядываясь. — Ты его не брал?

Сергей нахмурился.

— Нет, я сегодня не заходил в дом. Не переживай так. Дом принадлежит тебе. Что может измениться?

— Не знаю, — Вероника попыталась унять тревогу, набатом звучащую в голове. — У меня плохое предчувствие. Кто бы ни взял запись, она ему зачем-то нужна.

Сергей положил шланг и обнял Веронику. Она прижалась к его груди и попросила:

— Спрячь документы у себя. В доме их нельзя оставлять. Они мой щит. Если с ними что-то случится, я погибла.

Остаток дня Вероника не находила себе места. Все ждала: вот-вот что-то случится. Но наступил обед, за ним ужин, жители дома отправились по своим комнатам спать, и ничего не произошло.

На следующий день приехала Ира. Она взяла недельный отпуск за свой счет и намеривалась провести его в особняке. Вероника обрадовалась подруге. С ней она чувствовала себя не так одиноко. Ирина помогла ей забыться, и следующая неделя пролетела незаметно. К тому моменту, когда подруга покинула дом, Вероника перестала волноваться из-за пропажи. Новый хозяин диктофона, похоже, не собирался его использовать. Или же он чего-то ждал, но об этом Вероника предпочитала не думать.

Проводив Иру, она поднялась к себе в комнату. Часы показывали половину четвертого. Вероника задумалась: сходить поиграть с Митей или навестить к Сергею. Последнего она видела мельком в течение нескольких дней и сильно соскучилась. Заглянув к сыну и увидев, что он занят увлекательной игрой с няней, Вероника выбрала визит к Сергею.

Отсутствовала Вероника несколько часов. Время рядом с любимым пролетело незаметно. Она опомнилась, когда за окном сгустились сумерки.

— Мне пора, — Вероника спешно одевалась.

— Останься хотя бы еще на полчаса, — попросил Сергей. — Мы редко бываем вместе.

— Знаю, — она наклонилась к нему и поцеловала в губы, но тут же выпрямилась. — Потерпи чуть-чуть. Пусть все немного утрясется.

— Ты по-прежнему переживаешь из-за записи?

— Как не переживать? — Вероника застегнула молнию на юбке и взяла расческу с тумбочки. — Меня не покидает чувство, что запись скоро всплывет.

— Ее невозможно использовать против тебя, — напомнил Сергей.

Вероника стянула волосы резинкой и пробормотала:

— Очень на это надеюсь.

Сергей проводил ее до калитки. Там он долго не выпускал ее из объятий, пока Вероника не отстранила его уверенной рукой.

— Мне пора, — повторила она и, не оглядываясь, пошла к автомобилю.

Уезжать было тяжело, но необходимо. Каждый раз покидая Сергея, она мечтала об одном: остаться. Они обсуждали это с Ирой перед ее отъездом. Подруга посоветовала забрать сына и переехать к Сергею. Так бы Вероника и поступила, причем с превеликой радостью, но Митя наотрез отказывался переезжать из особняка. Его словно намертво приклеили к дому. Кажется, раздели этих двоих, и они зачахнут друг без друга, как Вероника чахнет без Сергея. Но между собственным счастьем и счастьем сына она всегда выберет второе. Поэтому они до сих пор живут в особняке.

Как только Вероника повернула на прямую дорогу, и вдаль показался дом, задумчивость как рукой сняло. Особняк сверкал подобно зеркальному дискошару. Свет горел практически в каждой комнате. Вероника нажала на педаль газа, прибавляя скорость.

Парадная дверь была открыта нараспашку. Вероника притормозила посреди подъездной дорожки, не забываясь о парковке, и взбежала на крыльцо. Каблуки туфель отбили дробь по деревянным ступеням, точно барабанщик в цирке перед смертельным трюком акробата.

— Митя! — первым делом Вероника позвала сына. Желая убедиться, что с ним все в порядке, она бросила к лестнице на второй этаж, но наверху ее задержала Изольда Карловна.

Преграждая коляской путь, старуха сказала:

— С мальчиком все хорошо. Он спит.

Вероника попыталась обогнуть инвалидное кресло и лично убедиться, что с сыном не приключилась беда, когда снизу донеслись причитания Раисы:

— Что же теперь с нами будет?

Кухарка повторяла один и тот же вопрос без перерыва. Вероника оглянулась и увидела ее стоящей в дверях. Раиса комкала в руках платок, который обычно носила на голове. По щекам женщины катились крупные слезы. Ее горе выглядело искренним, и Вероника всерьез перепугалась. Должно быть, случилось что-то по-настоящему ужасное, раз кухарка так убивается.

— Что стряслось? — Вероника спустилась обратно на первый этаж.

— Ее забрали, — Раиса указала дрожащей рукой на открытую дверь. — Приехали трое в форме и велели идти с ними. Сказали, что она в чем-то виновата, но я не расслышала в чем.

— Кого забрали? — ладони Вероники похолодели, словно она дотронулась до айсберга.

— Светлану Георгиевну, хозяйку нашу. Что же теперь будет? Меня уволят? — Раиса вернулась к мучающему ее вопросу.

Чтобы добиться от кухарки вразумительных ответов, Вероника ее успокоила:

— Никто не станет тебя увольнять. Продолжишь работать, как прежде. А сейчас расскажи толком, кто приехал и куда забрали Светлану Георгиевну.

Раиса вмиг подобралась. Новость о сохранении места придала ей сил. Она обстоятельно доложила:

— Я была на кухне, мыла посуду после ужина, когда к дому подъехала машина. Окна кухни выходят на подъездную дорожку, и я посмотрела, кто это пожаловал. Думала, вы вернулись, но машина была полицейской. Я заметила знак на боку. Оттуда вышли трое мужчин в форме. Я открыла им дверь. Они предъявили документы и попросили позвать Светлану Георгиевну. Дальше я плохо понимаю, что произошло. Они обвинили ее в чем-то и приказали ехать с ними.

— Куда?

— В участок вроде.

Вероника обернулась и посмотрела на лестницу, на вершине которой победоносно стояло кресло. Лицо Изольды Карловны, подсвеченное желтым от люстры, было спокойно. Старая женщина улыбалась. И столько умиротворения, столько покоя было в этой улыбке, словно тяжкий груз, давящий на нее долгие годы внезапно свалился с плеч.

Вероника тряхнула головой, отгоняя видение, и поспешила к телефону. Она сняла трубку и позвонила Владимиру, открыв для себя, что помнит его номер наизусть. Через пару гудков в динамике послышался усталый голос:

— Я слушаю.

— Володя, это Вероника. Случилось что-то непонятное. Светлану Георгиевну забрали в участок.

— Я в курсе, — перебил мужчина.

— Можешь объяснить, в чем дело? — попросила она.

— Тетю обвиняют в убийстве мужа и в доведении до самоубийства сына.

Владимир в точности повторил слова Вероники, которые она еще недавно говорила Светлане Георгиевне. Именно этим обвинением она грозила свекрови. Перед глазами у Вероники все поплыло. Кто бы ни присвоил запись с признанием, он позаботился, чтобы те попали в нужные руки.

— Что теперь будет? — неосознанно она повторила вопрос Раисы.

— Расследование, — коротко ответил мужчина и добавил: — Тебя, кстати, тоже допросят. Готовься.

Владимир повесил трубку, а Вероника еще долго прижимала ее к уху, вслушиваясь в короткие гудки.

* * *

Последующие несколько месяцев стали сущим кошмаром для Вероники. Бесконечные допросы, заседания суда, необходимость врать и изворачиваться. Почему она не вызвала полицию, когда узнала о преступлении? Она сообщница? То, что Митя получал по завещанию Бориса все имущество семьи, усугубляло ситуацию. Ей не верили, грозили арестом. Правда, было одно «но». Если она даст показания против Светланы Георгиевны, ее честное имя не пострадает. Выбирать не приходилось. Веронике рассказала все, что знала.

Наконец, кошмар закончился. Светлану Георгиевну осудили на смехотворный для убийцы срок. Всего-то

восемь лет. Но всем, включая саму женщину, было очевидно: она едва ли переживет заключение. Не в ее возрасте и не с ее состоянием здоровья.

С одной стороны Вероника была рада раз и навсегда избавиться от свекрови и зла, которое та олицетворяла. Дом словно очистился. Внутри стало свежо, как после генеральной уборки. Потолок казался выше, стены шире, пол ровнее.

Но были и минусы. Главный из них совесть. Вероника винила себя в произошедшем. Это она записала признание Светланы Георгиевны, а потом не смогла его уберечь от посторонних. Знать бы еще, кто был этот посторонний, но на этот вопрос она так и не нашла ответа. Имелись у Вероники подозрения на сей счет, но доказать она ничего не могла. И не сильно хотела.

Чутье подсказывало: замешана Изольда Карловна. В тот вечер, когда Вероника сделала запись, ей показалось, что старушка подслушала их разговор со Светланой Георгиевной. Да и кто еще мог пробраться к ней в спальню и выкрасть диктофон? Только тот, кто живет в особняке и знает его вплоть до каждой скрипящей половицы.

Вероника сделала вид, что ничего не поняла. Она была благодарна Изольде Карловне, что та дождалась, пока Светлана Георгиевна переписет опеку над Митей на нее и только потом отправила улики в полицию.

Изольда Карловна заслужила свой час мести. После всего, что ей сделала невестка. После убийства сына, после доведения ее до помешательства на почве проклятья, после самоубийства внука, она имела полное право свести счеты.

...Вероника последний раз критически осмотрела себя в зеркало. Неплохо. Она осталась довольна результатом. Почти не заметно, что она нервничает. Она одернула блузку, подхватила сумку и вышла в коридор. Проходя мимо детской, заглянула на минутку и сообщила Ире, которая гостила у нее:

— Если повезет, то я сегодня вернусь поздно.

— Удачи, — ответила та. — Желаю тебе получить эту работу.

Вероника кивнула в знак благодарности, поцеловала сына в макушку и вышла. В последние недели было трудно с деньгами. Пенсии Изольды Карловны и той малости, что им платили арендаторы, не хватало на жизнь. Володя отказался платить за дом. Его больше ничего с ним не связывало. Хорошо еще Сергей присматривал за садом бесплатно, а Раиса согласилась подождать с жалованием. От няни пришлось отказаться. Работу в Москве Вероника потеряла. Как Ира не старалась, а начальство не могло ждать ее вечно. Буквально на днях Вероника увидела в газете объявление о том, что в магазин требуется бухгалтер. Она посчитала это знаком судьбы и позвонила по указанному телефону. И теперь торопилась на собеседование.

Спустя час она вышла из здания, где располагался магазин. Работу она получила. Хозяин магазина оценил ее опыт. Но радости и облегчения Вероника не испытывала. Зарплата по московским меркам ей полагалась смехотворная. На такую не то что большой особняк нельзя содержать, себя и ребенка сложно прокормить. «Тебе еще повезло», — сказал хозяин магазина. По меркам городка он был несказанно щедр.

Домой Вероника вернулась к обеду. Раиса выглянула в холл и спросила с тревогой:

— Как успехи?

— Меня взяли.

— Это хорошо или плохо? — не поняла она.

— Пока не знаю.

Не откладывая разговор в долгий ящик, Вероника поднялась в комнату Изольды Карловны.

— Что-то случилось? — мигом раскусила ее старуха.

— Я вот все думаю: как Светлане Георгиевне удавалось вести дела? На что вы жили? — напрямую спросила она.

— За счет долгов, милая, за счет долгов. Мне кажется, наша семья состоит в должниках у каждого жителя этого города.

— Но долги надо отдавать.

— К чему ты клонишь? — насторожилась старуха. — Тебя не взяли на работу?

— Взяли, но это ничего не меняет. Чтобы содержать дом и выплатить все долги, мне нужно работать нефтяным магнатом. А с нефтью в нашем районе туго, — грустно пошутила Вероника.

Изольда Карловна ничего не сказала. Чувствуя ее молчаливое ожидание, Вероника набрала в легкие воздуха и выпалила на одном дыхании:

— Надо продать особняк.

— Что ты говоришь?! — возмутилась Изольда Карловна. — Вся моя жизнь прошла в этом доме. Я покину его только вперед ногами.

Спустя пару часов Вероника в компании Иры сидела в беседке в саду. По ее просьбе Сергей привел беседку в порядок, и теперь она выглядела так, как мечталось Веронике. В окружении подушек, с чашкой горячего чая в руках она была почти счастлива. Омрачали покой лишь мысли о том, что вскоре и с беседкой, и с особняком придется

расстаться.

— Так и сказала: умру, но продать дом не позволю? — переспросила Ира.

— Не точно так, но смысл был такой, — кивнула Вероника. — Вот что мне делать? У меня нет средств на содержание дома. Если я не продам его сама, его заберут в счет долгов. Безвыходная ситуация. Но как объяснить это Изольде Карловне?

— В ее возрасте стресс смертельно опасен, — предупредила Ирка. — Шутки – шутками, но она может не пережить переезд.

Вероника вздохнула. Она все это отлично понимала, но решения не видела. На тропинке к беседке показались Сергей с Митей. Мальчик бежал впереди, звонко хохоча. Мужчина делал вид, что пытается его догнать, но у него не выходит. Глядя на этих двоих, Вероника помрачнела еще сильнее. Она пока не говорила сыну, что вскоре они переедут. Не трудно представить какой будет его реакция. Ее ждет еще одно заявление в духе «я лучше умру в этих стенах, чем буду жить в другом месте». Хуже всего то, что она сама отчаянно не желала покидать особняк. За время, проведенное в его стенах, Вероника успела сродниться с домом.

Митя свернул в сторону, и Сергей направился за ним. Вероника улыбалась, наблюдая за ними. Наконец-то, у ее сына появился отец.

— У тебя были еще ведения? — голос подруги вывел ее из задумчивости.

Вероника посмотрела на нее, не сразу сообразив, о чем идет речь.

— Помнишь, ты мне рассказывала, что видела повешенного и слышала выстрел.

— Это был не выстрел. Просто хлопнули ставни, а я приняла звук за выстрел.

— Ну, не знаю, — усомнилась подруга. — В ту ночь, когда мы вызывали духов, нам точно кто-то явился. Видела, какая началась гроза?

— Грозы частое явление в мае.

— Но до этого все было спокойно. И Сергей говорил, что не трогал окно. Оно распахнулось само по себе, — настаивала Ира.

— Замки на окнах старые и ржавые. Их даже легкий ветерок может сорвать.

— Все-то ты можешь объяснить. Аж скучно.

Подруга отвернулась к лесу. Вероника не хотела ссориться из-за пустяка. Вид леса натолкнул ее на размышления о человеке с лопатой. Был ли он настоящим или это очередной кошмарный сон — Вероника не знала, но история подходила, чтобы развеселить подругу.

— Был еще один случай, — начала она издалека, но сразу стало ясно, что попала в точку: Ирка вмиг повернулась к ней. — Мне привиделся мужчина в дождевике. Он что-то откапывал или закапывал под той сосной, на которой повесился Арнольд.

— И что? — шепотом потребовала продолжения Ира.

— Да ничего. Утром я проверила то место. Никто там не копал. Земля была нетронутой. Наверное, мне это приснилось, как и повешенный.

Ира задумчиво прищурилась, но больше ничего не сказала. На этом разговор о приведениях к радости Вероники закончился. Скоро к ним присоединились Сергей с Митей, они вчетвером пили чай и болтали о пустяках.

С тех пор, как Светлана Георгиевна покинула дом, Вероника с Сергеем спали в одной комнате. Мужчина был не в восторге от жизни в особняке, но ради Вероники, как не раз подчеркивал в беседах с ней, он был готов жить хоть на Северном полюсе. Ира же ночевала в комнате Светланы Георгиевны. Та превратилась в гостевую и закрепилась за Ирой.

Они легли поздно. Вероника заснула мгновенно, как только голова коснулась подушки. Проснулась она от едва различимого стука. Решив, что пришел Митя, она на автомате встала и открыла дверь.

— Тихо, — в коридоре, приложив палец к губам, стояла Ирка.

От ее вида остатки сна слетели с Вероники. Подруга была одета во все черное: черные джинсы, кроссовки, толстовка с натянутым на голову капюшоном. Довершала картину лопата, которую та держала в руках.

— Собирайся, — велела Ира. — Только осторожно, не разбуди Сергея.

— Почему его нельзя будить? — на всякий случай уточнила Вероника.

— Потому что это наше приключение, — подруга улыбнулась во все зубы. — На дело идем только мы вдвоем.

— А дело не может подождать до утра?

— Это будет совсем не то. К тому же, — зловещим шепотом добавила Ирка, — никто не должен об этом знать.

Вероника не посмела ослушаться. Словно загипнотизированная, она выполнила указания: быстро оделась, стараясь не шуметь, и покинула комнату, пока Сергей продолжал мирно спать.

— Куда мы идем? — спросила Вероника, когда они вышли из дома.

— В лес, — коротко ответила Ира.

При слове «лес» у Вероники мурашки побежали по спине. В час ночи она была близка к тому, чтобы поверить

в истории Изольды Карловны о злобных деревьях. Они и в самом деле выглядели недружелюбно. Раскинув игольчатые ветви, сосны высились стройными рядами – ни дать ни взять настоящие стражи. Суровые и непреклонные. Правда неясно, что именно они охраняют, и как поступят в случае, если кто-то посягнет на их добро.

Ира шла впереди. Она пробиралась через поле в полуприседе. Вероника невольно копировала ее манеру двигаться. Они обе точно подкрадывались к деревьям. Лопата волочилась по земле, оставляя за собой борозду. По мере того, как они приближались к лесу, Вероника все ниже пригибалась к траве. Она хотела слиться с ней, стать совсем незаметной.

— Какая сосна? — спросила через плечо Ирка.

Вероника остановилась. В темноте трудно вот так с ходу определить то дерево, под которым она видела мужчину в дождевике. Она обернулась на дом, отыскивала окна своей спальни, и уже по ним сориентировалась.

— Кажется, эта.

— Уверена? — переспросила Ирина. — Не хотелось бы ошибиться и копать не там.

— Мы будем копать? — удивилась Вероника.

— А зачем мы, по-твоему, взяли лопату?

Вероника до последнего отрицала сумасшедший план подруги. Самой бы ей ни за что не пришло в голову проводить раскопки. Даже если под сосной что-то спрятано, где гарантии, что хозяин тайника не рассердится?

Ира остановилась под указанной Вероникой сосной. Примерилась и вонзила лопату в почву. Поросший травой дерн плохо поддавался. Лезвие с трудом резало корни осоки. Ира надавила на него ногой и только после этого капнула. Чтобы поднять кусок земли, она согнулась в три погибели. Пыхтя, отвела лопату в сторону и выбросила дерн.

— Может, все-таки разбудить Сергея? — спросила Вероника, наблюдая за тем, как надрывается подруга.

— Мы должны справиться сами, — сдувая с лица непослушную челку, ответила Ирка. — Потом расскажем ему, как все прошло. Но лавры золотоискателей достанутся нам.

— Кстати, что мы ищем? — уточнила Вероника.

— Клад, разумеется.

Говорила Ира с трудом. Все силы уходили на копание. Постепенно яма расширялась. Когда она в окружности сравнялась размером с водным мячом, Ира начала углублять яму.

Спустя полчаса Ирина выдохлась. Она едва могла поднять лопату в воздух. Видя это, Вероника отодвинула подругу в сторону и сама продолжила работу. К этому моменту яма доходила ей до середины икры.

Ирка села прямо на землю и принялась разминать уставшие руки. Вероника капнула несколько раз и осведомилась:

— Как глубоко будем копать?

— До тех пор, пока не найдем.

— А если там ничего нет? — Вероника выпрямилась, держа лопату на весу. При мысли, что она надрывает зря, ее охватило возмущение.

— То есть, как это ничего нет? Ты же видела, как мужик что-то закопал на этом месте.

— Да может мне все приснилось, а мы горбатимся почему зря.

— Ты не права. Я давно поняла: ты особенная. Иначе, почему ты единственная, кто видел все эти вещи? И свекровь твоя, и бабушка давно живут в доме, но никто из них не жаловался на видения. Значит, есть в тебе что-то, что позволяет улавливать призраков.

— Как это улавливать призраков?

— Ты вроде приемника. Они посылают сигнал, а ты его ловишь.

— Но я раньше ничего похожего за собой не замечала, — сказала Вероника.

— Ты раньше и не жила в доме с привидениями!

Вероника разозлилась. Мало того что ее подняли среди ночи, заставили копать, так еще все напрасно. Она не верила в призраков и теория Иры казалась ей абсурдной. Вероника раздраженно передернула плечами и со всей силы воткнула лопату в землю – прямо в дно ямы, желая показать, что больше не намеренна здесь оставаться ни на минуту. Именно это она бы сказала, не останови ее металлический звон. Лезвие с характерным звуком врезалась во что-то твердое.

— Камень? — предположила Вероника, глядя на подползшую к краю ямы Иру.

— Вряд ли, — возразила та. — Звук был бы другой.

Отбросив лопату, девушки не сговариваясь принялись разгребать землю руками. Комья почвы забивались под ногти с французским маникюром, но им было все равно. Наконец, из-под земли появился край металлической шкапулки. Выполнена она была без изысков и напоминала старый встраиваемый сейф. Гладкие стенки блестели серебром, на одной из них виднелась скважина для ключа. Вдвоем они вытащили сейф из ямы и положили его

неподалеку.

— Как думаешь, что внутри? — Ира снова перешла на шепот.

Вероника пожала плечами. То, что они нашли сейф, стало для нее потрясением. На время она потеряла способность здраво мыслить.

Ирка перекатила сейф с бока на бок. Изнутри донеслось бряцанье.

— Полный, — констатировала она.

— Не представляю, что там может быть, — пробормотала Вероника.

— А что тут представлять? — сказала подруга. — Там драгоценности. Те самые, что Леопольд спрятал от жены.

— С чего ты взяла?

— Пораскинь мозгами, — посоветовала Ирка. — Это идеальное место. Все считают лес проклятым. Особенно это дерево. Никто в здравом уме к нему не приблизится. Но Леопольд был не так суеверен, как его мать. Вот и спрятал до поры до времени драгоценности здесь, где бы их никто не искал.

Вероника провела рукой по гладкому боку сейфа и усмехнулась:

— У него могло получиться: он бы забрал драгоценности и начал новую жизнь с Мариной. Если бы жена не пристрелила его.

— Да, ему не повезло, — согласилась Ирка. — Но его неудача — наш успех. Сейчас эти побрякушки придутся как нельзя кстати.

— Я могу их продать, рассчитаться с долгами и сохранить дом, — постепенно до Вероники доходила вся прелесть находки.

— Думаю, тут и на большее хватит. Заживем, как короли, — Ирка повалилась в траву, не забыв напоследок заметить: — Надеюсь, ты понимаешь, что обязана этим кладом мне. Я имею полное право на двадцать пять процентов.

Эпилог

— Раз, — Сергей отвернулся к стене, — два, — зажмурил глаза, — три...

— Чего застыл? — тетя Ира схватила Митю за руку. — Побежали скорей!

Вместе они устремились вглубь сада. Рядом бежала мама. Втроем они достигли развилки. Митя выдернул ладонь из руки тети Иры и заявил:

— Теперь каждый сам по себе. Чур, за мной не ходить, — он свернул налево.

— Пять, — донеслось сзади, — я иду искать.

Митя почти сразу свернул с тропинки и вернулся обратно к дому, но с другой стороны. Задрав голову, он увидел силуэт бабушки в окне гостиной. В последнее время она при помощи дяди Сережи часто спускалась на первый этаж.

Митя приложил палец к губам, призывая бабушку сохранить тайну его местонахождения. Ему нравилось играть в прятки, но водить он не любил. Бабушка подмигнула Мите. Он воспринял это как знак, что она не проболтается, и направился дальше. Ему еще предстояло найти место, где можно надежно спрятаться.

Митя пригнулся, чтобы пролезть под кустами. Внизу имелся зазор, куда он отлично проходил. Колючки лишь слегка царапнули джинсовку, не повредив грубую ткань. Митя пробирался вдоль стены дома, миновал кухонное окно, откуда вкусно пахло жареной курицей. До слуха донесся голос тети Раисы. Она что-то напевала себе под нос. Работы у нее прибавилось с тех пор, как дядя Сережа и тетя Ира стали жить с ними. Когда мама нашла клад, жизнь в доме перевернулась в лучшую сторону. Никто больше не грустил, все смеялись и радовались. Митя жалел лишь об одном, что его не было рядом в ту ночь и что клад откапали без него. Вот, наверное, приключение было!

Митя достиг края стены и выглянул из-за угла. Поблизости никого. Голоса мамы и остальных слышались где-то вдали. Они долетали до него неразборчивыми отрывками фраз. По ним он догадался, что тетя Ира попалась. Он этому не удивился. Она была самой неосмотрительной. Беспечности не место в прятках.

Митя повернулся спиной к стене и прислонился к ней. Буквально сросся с той воедино. Так он продолжил движение. Но через пару шагов стена внезапно отступила назад. Он едва сохранил равновесие. Митя обернулся и увидел позади дверь. До этого он не подозревал о ее существовании. Должно быть, это черный ход. Ему почудилось движение за белой занавесью, закрывающей стеклянную часть двери. И точно: дверная ручка повернулась, из дома вышел мужчина. Он чуть не натолкнулся на Митю.

— О, прости, я тебя не заметил, — улыбнулся незнакомец и присел на корточки, чтобы быть одного роста с Митей. — Ты здесь живешь?

Мужчина оглянулся на дом, словно желая уточнить, о чем идет речь. Митя кивнул. Он раньше не видел этого человека, но его черты показались ему знакомыми. Мама не велела ему говорить с чужими, а потому он молчал.

— Отличный дом. Его строили с любовью, — похвалил мужчину. — Тебе очень повезло.

Митя снова кивнул. Незнакомец знал, как расположить его к себе. Стоило сделать дому комплимент, и Митя проникся к мужчине симпатией.

— Почему ты молчишь? Не умеешь разговаривать?

— Умею! — возразил Митя и прикусил язык. Он нарушил мамин запрет. Теперь его накажут. Если, конечно, об этом кто-нибудь узнает.

— Не бойся, — подмигнул мужчина, — я никому не скажу, что ты со мной разговаривал.

— Мама не разрешает мне говорить с чужаками.

— И правильно делает. Твоя мама умная женщина. Слушайся ее.

— А что вы тут делаете? Я вас раньше не встречал.

— Это ничего, — сказал мужчина. — Я всегда был поблизости, но теперь мне пора уходить.

Митя насупился. Что имел в виду незнакомец? Тот странно говорил и еще более странно выглядел. Митя никогда не видел одежды, как у него. На мужчине был черный пиджак с длинными полами сзади, напоминающими крылья пингвинов. Брюки со стрелками, белая рубашка и лакированные ботинки. Ворот рубашки был расстегнут, из него виднелась шея, а на ней красная полоса, точно кто-то содрал кожу в этом месте.

Мужчина заметил, куда смотрит Митя, и торопливо застегнул рубашку, стесняясь своей раны.

— Больно? — спросил Митя.

— Уже нет, — покачал головой мужчина. — Больше нет.

Он выпрямился в полный рост, улыбнулся напоследок Мите и зашагал по дорожке к выходу из сада. Митя, как зачарованный смотрел ему вслед. На краткий миг он забыл об игре, за что и поплатился. Как только незнакомец скрылся из вида, на тропинке появился дядя Сережа.

— Посмотрите, кого я нашел, — закричал он. — Туки-туки Митя.

— Это нечестно, — обиделся Митя. — Меня отвлекли.

— Кто? — спросила подоспевшая с тетей Ирой мама.

— Мужчина в смешном костюме. Разве вы его не видели? Он ушел по той же тропинке, по которой пришли вы.

Взрослые повернулись назад. Некоторое время они смотрели на пустую тропу. Первой пришла в себя тетя Ира:

— Ну, ты и затейник, Митька, — рассмеялась она. — Решил нас обмануть, чтобы не водить. Ничего у тебя не выйдет.

— Но я правда видел, — возразил он.

Но взрослые и думать забыли о его словах. Из кухонного окна показалась тетя Раиса. Она позвала всех на обед. Лишь однажды Митя обернулся, заходя в дом, но так никого не увидел ни на подъездной дорожке, ни дальше в поле.

Больше книг на сайте - Knigoed.net